

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Родной язык

Лингвистический журнал

№ 2(5)

Москва, 2016

ISSN 2313-5816

УДК Дыбо, Шеймович 81' 33

Бахтоваршоев 81' 33

Мудрак 81-112

Эдельман 81' 26

Рудницкая 81' 36

Агранат 81' 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Мoor, А.В. Дыбо, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков,
Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат (главный редактор), А.Н. Биткеева, В.Ю. Войнов,
К.Т. Гадилая, Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин,
Е.Л. Рудницкая, М.Ш. Халилов,
С.М. Ярошевич (ответственный секретарь)*

Редактор *Т.О. Майская*

Верстка *О.Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khisamitdinova, M.I. Magomedov, K.M. Musaev, D.M. Nasilov,
G.Ts. Pyurbееv, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva, K.T. Gadilia, M.Sh. Khalilov,
T.A. Maisak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psyanchin,
E.L. Rudnitskaya, V.Yu. Voinov, S.M. Yaroshevich (editorial secretary)*

Editor *T.O. Mayskaya*

Typesetting *O.G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	6
Автоматическая обработка текста	
<i>Дыбо А.В., Шеймович А.В.</i> Аппарат автоматического морфологического анализа для корпуса хакасского языка	9
<i>Бахтоваршоев А.Ш.</i> Транслитерация памирских языков.....	40
Языковые контакты	
<i>Мудрак О.А.</i> Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство»)...	53
Язык и социум	
<i>Эдельман Д.И.</i> Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы).....	87
Проблемы грамматики	
<i>Рудницкая Е.Л.</i> Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных частиц.....	114
Слово народа	
<i>Агранат Т.Б.</i> Водская сказка «Святой Кузьма»	145
Рецензии	
<i>Эбзеева Ю.Н.</i> Рецензия на монографию: <i>Viaut A., Moskvitcheva S. (dirs.)</i> Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique [Категоризация миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве]. — Bordeaux–Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014	171
<i>Ярошевич С.М.</i> Рецензия на монографию: <i>Майсак Т. А.</i> Агульские тексты 1900–1960-х годов. — М.: Academia,	

2014. (Исследования и материалы по языкам Кавказа, вып. 2).....	183
---	-----

Хроника

<i>Биткеева А.Н.</i> Международный круглый стол «Функциональное развитие языков в полиэтнических странах мира (Россия-Вьетнам)».....	189
<i>Алексеева А.С.</i> Всероссийский семинар для специалистов Северо-Западного, Уральского, Сибирского, Приволжского, Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов по вопросам обеспечения качества литературного перевода на русский язык произведений художественной литературы, созданных на языках народов Российской Федерации.....	199
<i>Люблинская М.Д.</i> Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности».....	204

TABLE OF CONTENTS

From the editor.....	6
Linguistic data processing	
<i>Dybo A.V., Sheimovich A.V.</i> A morphological parser for the Khakass Language Corpus.....	9
<i>Bakhtovarshoev A.Sh.</i> On transliterating Pamir-language orthographies.....	40
Language contact	
<i>Mudrak O.A.</i> Caucasian loanwords in Ossetic: The semantic domains of livestock and horses.....	53
Language and society	
<i>Edelman J.I.</i> The development of writing systems and written literature in Pamir minority languages.....	87
Grammatical analysis	
<i>Rudnitskaya E.L.</i> Distinctive features of the use of Evenki grammatical devices, particularly focus particles.....	114
Mother-tongue texts	
<i>Agranat T.B.</i> The Votic folk tale “Saint Kuisma”.....	145
Reviews	171
Recent events	189

Дорогие читатели!

Перед вами №2 за 2016 год. Теперь журнал выходит два раза в год, это наша главная новость.

Впервые в обновленном журнале появилась рубрика «Слово народа», в котором мы представляем образцы текстов на языках России и сопредельных государств. Такая рубрика была в журнале-предшественнике, подробнее об этом см. «Из истории журнала «Родной язык» 1994 года» в №1 (2) 2014. Современные условия требуют нового формата представления текстов, и здесь мы публикуем не только перевод на русский язык, как это было принято раньше, но и оригинал, а также запись с глоссировкой.

Недавно появившаяся рубрика «Автоматическая обработка текста» в этом номере представлена двумя статьями: «Аппарат автоматического морфологического анализа для корпуса хакасского языка» (авторы А.В. Дыбо и А.В. Шеймович) и «Транслитерация памирских языков» (автор А.Ш. Бахтоваршоев). В первой статье освещается работа по созданию корпуса текстов хакасского языка и снабжению его инструментами морфологического анализа. Основное внимание уделяется созданию компьютерно ориентированной модели хакасской словоформы. Во второй статье рассматривается вопрос о транслитерации алфавитов двух памирских языков: шугнанского и рушанского — с кириллицы на латиницу и наоборот. Тематически с ней связана статья Д.И. Эдельман «Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы)», вошедшая в ставшую уже традиционной рубрику «Язык и социум». В ней освещается процесс реализации многолетних усилий интеллигенции Памира по разработке алфавитов и публикации литературных произведений на родных языках.

Рубрика «Языковые контакты» представлена статьей О.А. Мудрака «Кавказизмы в осетинском языке (разбор

семантических полей “скот”, “коневодство”)), продолжающей работу автора «Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля)», опубликованную в №1 (2) 2014.

В рубрику «Проблемы грамматики» в этом номере вошла статья «Редукция употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных частиц». Ее автор Е.Л. Рудницкая анализирует устные рассказы на эвенкийском языке, записанные в 2005–2011 гг. Делается вывод о том, что, как и в сфере грамматических показателей глагола, в частности причастных форм глагола в независимом предложении, в употреблении фокусных частиц в устных рассказах наблюдаются следующие особенности: унификация и размытость функций, редукция множества частиц. Эти изменения частично связаны с тем, что эвенкийский язык не используется в повседневной речи большинством рассказчиков, будучи вытеснен русским.

В номере опубликованы две рецензии: Ю.Н. Эбзеевой на коллективную монографию «Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique» [Категоризация миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве] (Viaut A., Moskvitcheva S. (dirs). Bordeaux–Pessac, 2014) и С.М. Ярошевич на книгу Т.А. Майсака «Агульские тексты 1900-1960-х годов» (Москва, 2014).

В рубрике «Хроники» А.Н. Биткеева публикует материал о Международном круглом столе «Функциональное развитие языков в полиэтнических странах мира (Россия–Вьетнам)» (Ханой, Вьетнам, 26–27 октября 2015 г.). Большая часть докладов мероприятия была посвящена функционированию и проблемам сохранения языков Российской Федерации.

А.С. Алексеева поделилась хроникой «Всероссийского семинара для специалистов Северо-Западного, Уральского, Сибирского, Приволжского, Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов по вопросам обеспечения качества литературного перевода на русский язык

произведений художественной литературы, созданных на языках народов Российской Федерации», цель которого — трансляция достигнутого опыта в среде преподавателей по вопросам обеспечения качества литературного перевода произведений, созданных на языках народов, проживающих в этих округах. Семинар состоялся 26 октября 2016 г. в Москве.

В тот же день, также в Москве, проходил Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности», о котором рассказала М.Д. Люблинская. В качестве положительного момента автор назвала доклад министра образования РФ О.Ю. Васильевой о проекте полилингвального образования — преподавания всех предметов в начальной школе на родном языке.

Редколлегия журнала «Родной язык»

**Аппарат автоматического морфологического
анализа для корпуса хакасского языка¹**
A morphological parser for the Khakass Language Corpus

Дыбо А.В., Шеймович А.В.
Dybo A.V., Sheimovich A.M.

В статье освещается работа по созданию корпуса текстов хакасского языка и снабжению его научным аппаратом, а именно — инструментами морфологического анализа. Основное внимание уделяется созданию компьютерно ориентированной модели хакасской словоформы. Работа ведется в рамках масштабного проекта по созданию корпусных ресурсов языков народов России, в частности корпусов на малых тюркских языках РФ. Алгоритм автоматического морфологического аннотирования базируется на словаре, учитывающем фонетическое чередование внутри основы, и на компьютерной модели словоформы. В настоящей работе представлена попытка создания такой модели и определения набора фонетических правил, которые ограничивают выбор компонентов словоформы.

Ключевые слова: корпус языка, морфологическая разметка, морфологический анализатор, словоизменение, компьютерно ориентированная модель словоформы, система StarLing

This paper describes the Russian Academy of Science's project to develop a corpus of the Khakass language and to design a morphological parser for this corpus, carried out within a broader corpora development macroproject for the minority languages of Russia, including the Turkic languages. The algorithm for automatically annotating Khakass

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-04-12030 «Система автоматического морфологического и синтаксического анализа для корпусов миноритарных тюркских языков России».

morphology is based on dictionary entries that take into account phonetic alternations within the word stem and on computational modeling of Khakass word forms (lexical templates). The present work describes the attempt to create such a model and to define a set of phonological rules that constrain the choice of what components can constitute a Khakass word.

Keywords: Khakass, corpus linguistics, morphological annotation, automatic parser, derivational and inflectional morphology, computational modeling of lexical morphology, StarLing database system

1. О корпусе хакасского языка

В настоящее время в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» (направление — создание и размещение в интернете корпусов текстов на тюркских языках России, разработка корпусных технологий) ведется работа по развитию, пополнению и аннотированию электронного корпуса хакасского языка. Корпус состоит из диалектного подкорпуса и корпуса литературных и публицистических текстов, снабженных русским переводом. В распоряжении составителей корпуса есть также оцифрованная версия Большого хакасско-русского словаря на 22 тыс. слов под ред. О.В. Субраковой (далее — БХРС) [БХРС 2006] и иллюстративный материал к нему. Тексты корпуса планируется снабдить морфологической, словообразовательной, семантической и синтаксической разметкой. В данной статье рассматривается разработка автоматического анализатора для морфологической разметки хакасских текстов.

1.1. Морфологическая разметка корпуса

Эффективным рабочим инструментом корпус может являться только при условии его лингвистического аннотирования (то есть в нем должны быть указаны морфологические, синтаксические, семантические и иные свойства сегментов текста). Работа была начата с морфологического аннотирования

(разметки). Разметка выполняется автоматически специальной программой — морфологическим парсером. Морфологическая разметка текста состоит в приписывании каждой словоформе информации о словарном вхождении (словарный вид лексики, часть речи) и о грамматических признаках (напр., падеж существительного, время глагола и т.п.).

2. Компоненты морфологического анализатора

Аппарат автоматического морфологического анализа состоит из следующих компонентов:

- словарь языка (словарь основ, учитывающий чередования);
- грамматика, ориентированная на автоматический анализ языка (инвентарь морфем, порядок их следования и правила сочетания).

2.1. Словарь

Словарь основ автоматическим образом извлечен из БХРС с использованием системы управления базами данных StarLing.

После обработки файла словаря системой StarLing словарь представляет собой размеченную базу данных, содержащую полнозначные слова (основы) в начальной форме — леммы — и не восстанавливаемые из начальной формы варианты чередований. Если начальная форма состоит не только из корневой морфемы, но включает в себя также словообразовательные показатели, эти показатели и их значения фиксируются в специальных полях базы данных для их последующего вывода в словообразовательной разметке корпуса.

2.1.1. Необходимые замечания относительно словаря основ

Организация статьи словарной базы.

Верхнее поле базы **FIELD1** дублирует содержание словарной статьи БХРС, сохраняя ее формат, шрифтовые выделения,

разделители и весь иллюстративный материал, являющийся ценной составляющей корпуса.

В поле **HEADWORD** выписано заголовочное слово словарной статьи.

В поле **ALTERNAT** автоматически скопированы основы глаголов, которые в БХРС выписаны в слэшах после формы инфинитива (Dat от прич. на *-Ap*). Основа хакасского глагола в общем случае не может быть автоматически получена из формы инфинитива путем отсечения *-ApΓa*: если основа оканчивается на глухую согласную морфону, то эта согласная перед показателем *-ApΓa* озвончена в интервокальной позиции. Если основа оканчивается на шумную звонкую согласную морфону *Γ*, то эта согласная перед показателем *-ApΓa* в стандартном случае выпадает, а гласная в показателе принимает стяженную форму в зависимости от гласной корня. Только в случае, если основа оканчивается на сонорную согласную морфону, ее облик перед показателем инфинитива сохраняется. Если основа глагола оканчивается на гласную морфону, то происходит стяжение этой гласной с вокалическим началом аффикса (см. об этом типе стяжения ниже). Ср.:

ААЛЛАДАРҢА /ааллат-/ принимать гостей

ПООРҢА /пог-/ перетягивать, стягивать *что-л*

ПОРАНАРҢА /поран-/ жить в беспорядке

АҒЫННИРҢА /ағынна-/ улетать на зимовку.

В поле **ALTERNATEN** выписана вручную словоизменяемая именная основа в том случае, если она не совпадает формально с начальной словарной формой имени и это несовпадение не является результатом действия регулярного правила. Именно эта основа используется при выборе морфонологического варианта добавляемого к ней аффикса. Эта основа не может быть получена из содержания словарной статьи БХРС автоматически. В БХРС при именных основах выписаны в скобках некоторые возможные чередования, представленные в словоизменении, но, если, по мнению

авторов словаря, основа изменяется только по регулярным правилам, они могут не выписываться. В результате выписывание чередований именной основы в БХРС проведено крайне непоследовательно. Так, в хакасском есть регулярное правило об озвончении глухих согласных в интервокальной позиции; вот как выглядят две словарные статьи на одной странице:

ДЕКАНАТ деканат; математика факультетінің деканады деканат факультета.

ДЕЛЕГАТ (-ды) делегат // делегатский; съезд делегаттары делегаты съезда.

Из примера видно, что оба эти слова ведут себя одинаково в отношении озвончения в интервокальной позиции, однако их подача в словарных статьях различается. Так как правило об озвончении действует регулярно, то в статьях для обоих указанных слов поле ALTERNATEN остается незаполненным.

Нерегулярные же чередования типа **ПОЛКОВОДЕЦ (-зі)** отражены в поле ALTERNATEN (полководес). Эта форма выступает перед аффиксами, начинающимися на гласную морфону, словарная форма — в абсолютном конце слова или перед аффиксами, начинающимися на согласную морфону.

Для имен, содержащих беглые гласные (узкие *у, ы, і* в закрытом конечном слого основы, находящиеся между согл. *р-н, л-н, й-н*), в поле ALTERNATEN также выписаны чередующиеся основы:

ОРЫН (-ны) место: ALTERNATEN орн.

Говоря о поле ALTERNATEN, отдельно следует упомянуть заимствованные из русского языка существительные с основой на оглушающийся звонкий *б, в, д, ж, з* (*завод, скандинав*). Из выбора алломорфов при словоизменении видно, что словоизменительная основа этих слов заканчивается

на глухую морфонему *n*, *m*, *ш*, *с*, но пишется во всех сочетаниях со звонким. Поэтому словарная (орфографическая) основа подобных слов совпадает с начальной формой, отраженной в поле FIELD1 (ЗАВОД), а реальная со знаком * выписывается в поле ALTERNATEN (*завот**) — так что аффиксы после этой основы выбираются в том варианте, который должен следовать после глухой согласной: *Лос заводта*, *Pl заводтар*.

В поле **DERIV** записана основа слова, расчлененная на словообразовательные элементы. Границы между элементами обозначены знаком =; между компонентами композита — знаком +.

Поле **DERIVGLOSS** содержит словообразовательную глоссировку словоформы. При глоссировке используются те же знаки, внутри кумуляции ставится точка (“.”).

В поле **SEMGLOSS** записан перевод основы, который должен фигурировать в глоссировках. Это более краткий, лаконичный вариант перевода, не содержащий описательной части, включенной в основное поле **FIELD 1**. Так, в статье: **ХЫЙҒЫС I** крюк для обработки овчины, поле **SEMGLOSS** содержит только слово «крюк». Поле заполнялось в два прохода: автоматически в него выписывалось первое слово из переводной части статьи, затем краткий перевод редактировался вручную.

В поле **SEMTAG** записана семантическая информация о лексеме в виде набора семантических помет.

Поле **ETYM**, предназначенное для этимологических помет, на настоящий момент заполнено только для русских заимствований и слов, пришедших в хакасский через русское посредство (для тюркских по происхождению слов впоследствии планируется сделать ссылки на тюркскую этимологическую базу).

Поле **REST** содержит значения слова и примеры словоупотребления. См. рис. 1–4.

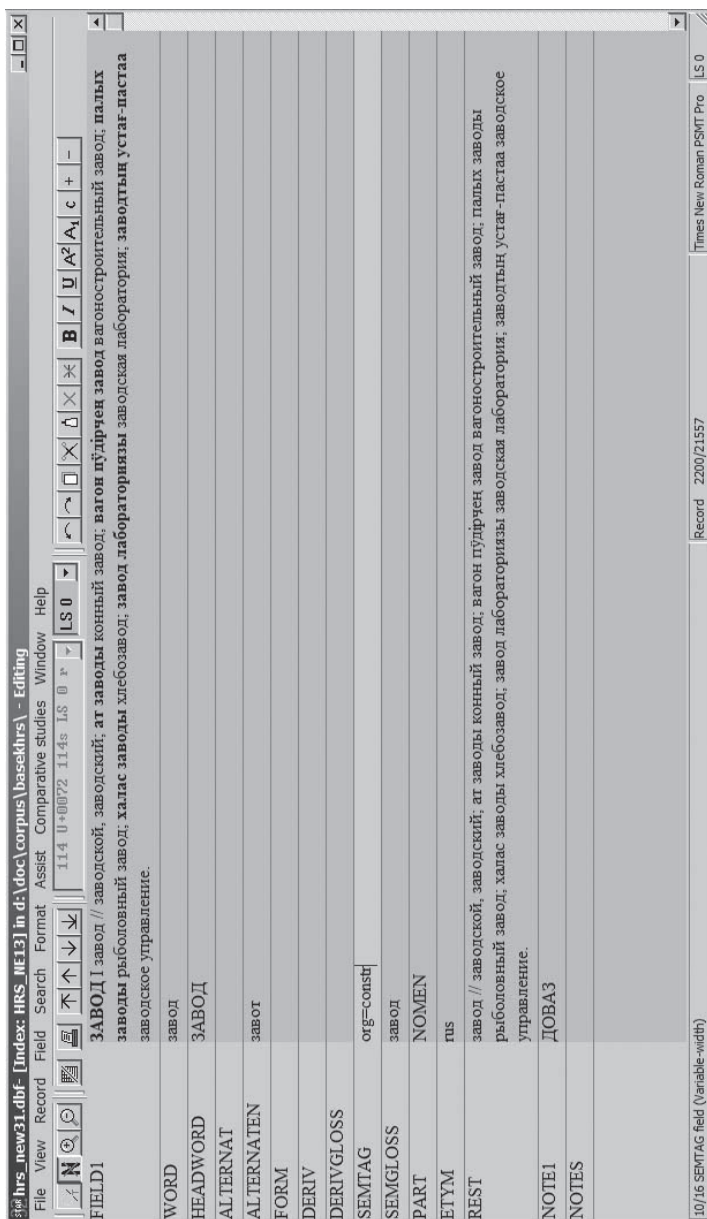
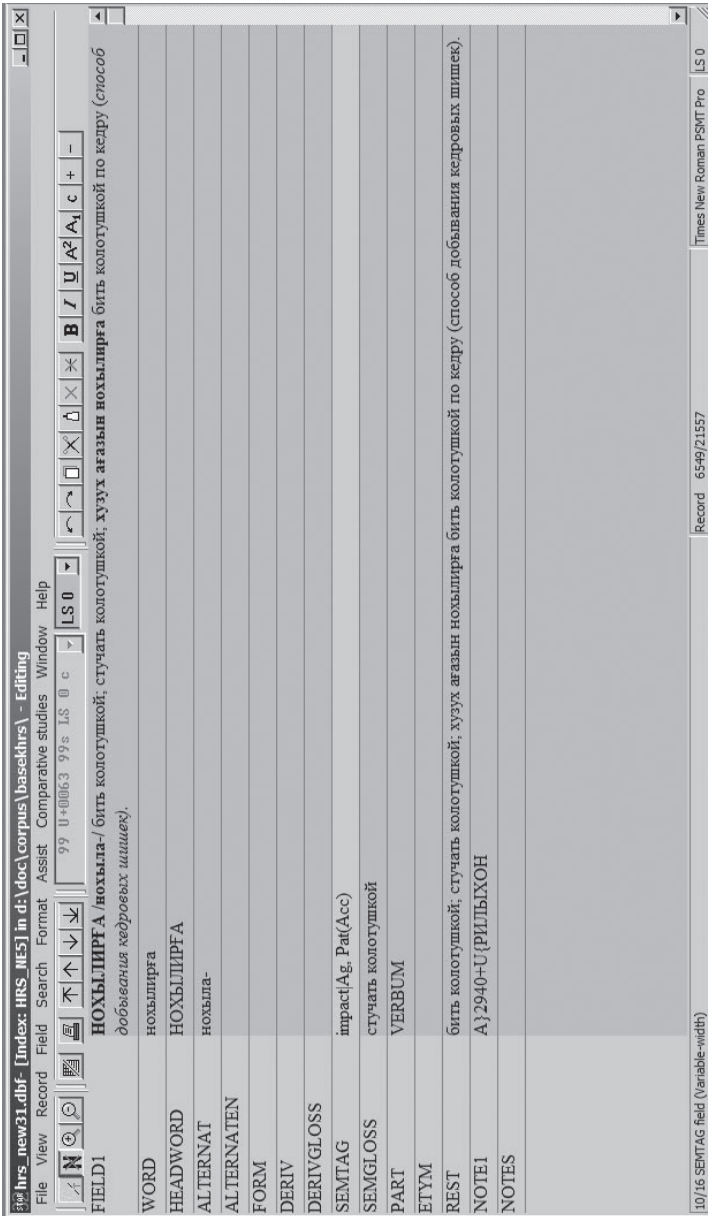

Рис. 1

Стр. 16 — рис. 2. Стр. 17 — рис. 3

File View Record Field Search Format Assist Comparative studies Window Help

101 U+0065 101s LS 0 e LS 0

FIELD1

ОРЫН (-нь) 1) место; пространство; **истіг орын** удобное место; **тынанча орын** место отдыха; **орынан даа хыймырабады** с места место для огня (напр., в юрте); **тогыс орын** место работы; **орынын чужое место**; **кизи орын** чужое место; **орын чогыл** нет места; **от орын** очаг; не встал; 2) местность; **агас чох орын** безлесная местность; **сигі орында чуртагчам** [а] живу в красивой местности; 3) должность, служба; **чахсы орын** хорошая должность; **орын чох халды** [он] остался без должности; **паса орында парьбыстым** [а] ушёл на другую должность; 4) место, часть текста, произведения; **чоохтың ин хыныг орын** самое интересное место в рассказе; **пу орынын хатап хыгырыбыларга** это место прочитать заново; 5) место (отдельная вещь *багажа, груз*); **минцигир орын** у меня одно место; **суғ орын** русло реки; **а пала орын** анат. послед (у женщины); **пик орын** надёжное место; **старшему тик орын** пустое место (не соответствующее занимаемой должности); **улуға орын пир, кичге польыс пир** погов. старшему месту уступил, младшему помочь оказать; **орынан даа турбаан погов.** соотв. даже пальцем не пошевсил; **орының піни** погов. знай своё место (б)жж. не вмешивайся в чужие дела.

WORD орын

HEADWORD ОРЫН

ALTERNAT

ALTERNATEN орн

FORM

DERIV

DERIVGLOSS

SEMTAG space

SEMGLISS место

PART NOMEN

ETYM

REST 1) место; пространство; **истіг орын** удобное место; **кизи орын** чужое место; **орын чогыл** нет места; **от орын** очаг; место для огня (напр., в юрте); **тогыс орын** место работы; **тынанча орын** место отдыха; **орынан даа хыймырабады** с места не встал; 2) местность; **агас чох орын** безлесная местность; **сигі орында чуртагчам** [а] живу в красивой местности; 3) должность, служба; **чахсы орын** хорошая должность; **орын чох халды** [он] остался без должности; **паса орында парьбыстым** [а] ушёл на другую должность; 4) место, часть текста, произведения; **чоохтың ин хыныг орын** самое интересное место в рассказе; **пу орынын хатап хыгырыбыларга** это место прочитать заново; 5) место (отдельная вещь *багажа, груз*); **минцигир орын** у меня одно место; **суғ орын** русло реки; **а пала орын** анат. послед (у женщины); **пик орын** надёжное место; **старшему тик орын** пустое место (не соответствующее занимаемой должности); **улуға орын пир, кичге польыс пир** погов. старшему месту уступил, младшему помочь оказать; **орынан даа турбаан погов.** соотв. даже пальцем не пошевсил; **орының піни** погов. знай своё место (б)жж. не вмешивайся в чужие дела); с притяж. **афр. 3 л. [eto] место; чурт орын** место, где стоит; **орын** или **будет** стоять дом.

NOTE1

NOTES

[0/16 SEMTAG field (variable-width)]

Record 7203/21557 LS 0 Times New Roman PSMT Pro

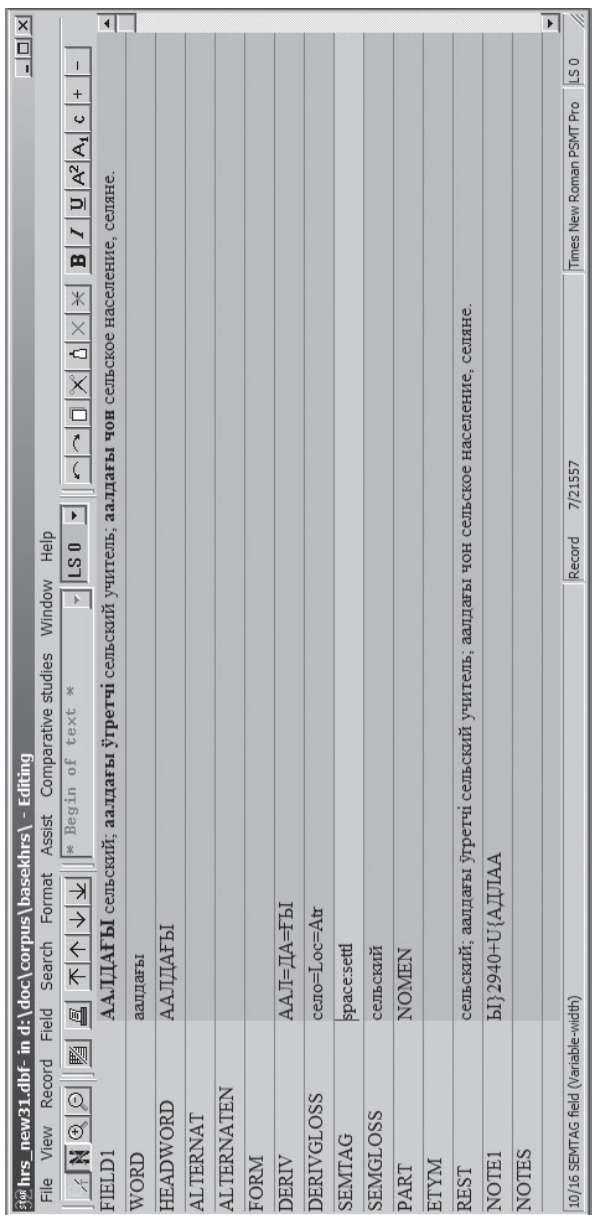

Рис. 4

2.1.2. О выделении грамматических классов и частей речи в хакасской морфологии

Согласно традиции, принятой в описании алтайских языков (см. [Баскаков 1953; ГХЯ 1975]), в хакасском языке выделяются три основных грамматических класса: имена, глаголы и неизменяемые (частицы, послелого, союзы и т.п.).

В словарной базе данных помета «часть речи» проставлялась автоматически. Глаголам в словаре основ была присвоена частеречная помета *Verbum*. Она присваивалась словам, оканчивающимся на *-pɣa/-pɣe*, если этим буквосочетаниям предшествовало не менее двух гласных. Пометы для неизменяемых слов (частиц, союзов, междометий) были автоматически скопированы из БХРС, после этого оставшимся словам была присвоена помета *Nomen* (имя).

В хакасской грамматике традиционно принято деление имен на более мелкие разряды: существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение. Однако при этом указывается, что дифференциация между грамматическими классами выражена слабо, особенно между именными разрядами — существительными, прилагательными и наречиями [ГХЯ 1975: 82; Баскаков 1953: 403 и след.]: одно и то же слово может трактоваться как существительное, прилагательное или наречие в зависимости от синтаксической функции, выполняемой им в предложении. Существительное может выступать в роли определения: *tas туралар* ‘каменные дома’; прилагательное может выполнять в предложении функцию существительного или наречия, ср. *улуга орын тир* ‘старшему место уступи’.

В процессе работы над алгоритмом автоматической морфологической разметки стали очевидными некоторые особенности тюркского словоизменения, которые обычно затушевываются при выделении частей речи традиционными тюркскими грамматиками, написанными по образцу классической грамматики. Анализ этих особенностей приводит

к выводу о зыбкости границ между частями речи не только в пределах имени, но также и между именем, глаголом и неизменяемыми частями речи.

Имя в хакасском языке (как и в других тюркских) может принимать грамматические категории, обычно считающиеся глагольными: изменяться по лицам, присоединяя в зависимости от синтаксических функций два комплекта лично-числовых показателей — личной принадлежности (*минің хол-ым* ‘моя рука’, *минің алган-ым* ‘мое взятие’ -ым – показатель принадл. 1 л. ед.ч.) и лица в составе именного сказуемого: *піс хакасныс* ‘мы хакасы’, -ныс – афф. 1 л. мн.ч.

Прилагательное в атрибутивной функции попадает в класс неизменяемых (*тас тура* ‘каменный дом’), а будучи актантом глагола присоединяет именные показатели: *кічіглер ойнапчалар* ‘маленькие (малыши) играют’.

В то же время тюркские и хакасские глаголы, как и глаголы в большинстве языков других групп, имеют формы с именными показателями — причастия, которые изменяются по падежам, а иногда принимают и показатели принадлежности. Ср. также так называемый «алтайский тип сложноподчиненного предложения», где вторичная предикация² выражается падежными формами причастия, например:

(1) *хайди тогын-ып*

Как работать-Conv1

јүрен-гле-п-четкен-нер-ін

учиться (Refl)-Distr-Form-Prs.Pt-Pl-Poss3-Acc

чоохты-п *пир-еңер*

говорить-Conv1 дать-Imp.2pl

Расскажите, как они работают, учатся? *букв.*

‘Расскажите в настоящее время **учащихся-их** работа’

[Мальцева 2004]

² Вторичная предикация образуется неличными формами глагола — инфинитивом, причастием, деепричастием.

Более того, похожим образом иногда ведут себя слова, причисляемые к неизменяемым служебным частям речи. Слово *осхас*, определяемое словарем как «послелог, выражающий подобие: ‘также как; как будто, подобно’» в зависимости от объекта подобия может принимать как именные, так и глагольные показатели (при этом смысловое слово выступает обычно в начальной форме).

- (2) *Мин осхас-тар-га хатхыр-ча-лар*
я как-Pl-Dat смеяться-Pres-Pl
Смеются над такими, как я.
- (3) *Кöй нар-ган осхас-нын мин*
гореть идти-Past словно-1SG
Я словно вся выгорела.

Таким образом, слова, традиционно относимые к разным частям речи — именам, глаголам и неизменяемым, — могут принимать аффиксы одних и тех же грамматических категорий: лица, числа, падежа, принадлежности. При этом можно заметить, что набор грамматических категорий имени является подмножеством набора грамматических категорий глагола: в именной части модели словоформы остаются незаполненными позиции таких категорий, как время, наклонение, отрицание и еще нескольких, которые можно отнести к исключительно глагольным. Вопрос выделения частей речи для тюркских языков является дискуссионным, к тому же на этапе автоматической разметки он преждевременен, т. к. здесь в первую очередь важно определение словарной основы, а также служебных морфем с их грамматическими значениями. Поэтому выносить решение о принадлежности слова к части речи было решено в процессе синтаксической разметки, которая остается за пределами настоящей работы.

2.2. Грамматика (инвентарь морфем, порядок их следования и правила сочетания)

Алгоритм морфологического анализа опирается на формальную компьютерно ориентированную модель хакасской словоформы. С учетом всего сказанного о частях речи в хакасском языке, для удобства анализа была построена объединенная модель для именных и глагольных словоформ в виде таблицы. См. таблица 2, с. 32. При этом для именных основ остаются незаполненными позиции с 1 по 8-ю, а в позиции 16 (Person) отсутствуют аффиксы императива (Imp и Prec).

В рамках представленной ниже модели словоформа представляет собой основу, к которой в определенной последовательности присоединяются словоизменительные аффиксы. Основа состоит из корня, к которому могут присоединяться аффиксы словообразования.

Содержательными источниками для модели послужили грамматические описания хакасского языка, содержащиеся в [Баскаков 1953] и в [ГХЯ 1975], а также [БХРС 2006]. Формально же данная таблица укладывается в теоретическую модель грамматики порядков, введенную в оборот американским дескриптивистом Г. Глисоном и с тех пор традиционно применяющуюся при описании агглютинативных языков. В рамках данного подхода описывались тюркские языки, в частности хакасский [Мальцева 2004], и палеоазиатские языки. Ср. аналогичное описание корейской глагольной словоформы в [Martin 1992: 244–274] и попытку машинной реализации морфологического и синтаксического анализа корейского языка на основе такой модели в [Бречалова 2009].

Отличительной чертой нашего подхода к морфологической разметке является *разграничение словообразовательной и словоизменительной морфологии*. Оно производится чисто механически на том основании, что основы со словообразовательными аффиксами присутствуют в словаре

в качестве заголовков словарных статей, часто с пометами, указывающими на наличие в слове словообразовательных аффиксов, напр.:

ПОЛЫНАРҒА *возвр. от поларҒа*; мочь, быть в силах
(в состоянии способным что-л. делать для себя);

АЙТЫРАРҒА *понуд. от айтарҒа*; хабар айтырарҒа
просить передать известие;

ХОҢЫРОҢАХ *уменьш. от хоңыро* бубенчик.

Помимо этого существуют и другие причины того, что в нашей модели морфологического анализа не учитываются словообразовательные показатели:

1. Словообразовательные показатели при включении в разметку, нарушают важный принцип грамматики порядков, а именно принцип однократности появления в словоформе граммем одной категории. В качестве примера такого нарушения можно привести аффиксы залога в хакасском глаголе: Двойной каузатив:

- (4) *ол паба-зы-на* *көнек* *тур-гыс-тыр-ча*
он отец-Poss3-Dat ведро стоять-Caus-Caus-Pres
Он заставляет отца поставить ведро.

Двойной пассив:

- (5) *лампа* *чил-наң* *чайха-л-ыл-ча*
лампа ветер-Abl качать-Pass-Pass-Pres
Лампа качается от ветра.

Пассив+Рефлексив:

- (6) *кізі* *чайха-л-ын-ча*
человек качать-Pass-Refl-Pres
Человек качается.

[Мальцева 2004]

Аффиксы конверсии (формообразующие аффиксы, обычно трактующиеся как аффиксы соответствующей части речи) также могут встречаться в слове более чем по одному разу

и в разном порядке, переводя слово из одного лексико-грамматического разряда в другой:

- (7) *чўк-те-н-цїк* ‘котомка’
ноша- Oper³-Refl > *чўк-те-н* ‘нести’ + *цїк* (Dimin)
- (8) *ачы* ‘киснуть’
ачы-з ‘горький’
киснуть-NomStat
ачы-з-ла-н-арга ‘скорбеть’
киснуть-NomStat-Oper-Refl-Infin

2. Фразеологизованность семантики производных лексем: значение производной словоформы не выводится из суммы значений корня и аффиксов, в силу этого включение словообразования в систему морфологического анализа не представляется значимым:

- (9) *хас* ‘берег’ — *хаста-* ‘идти вдоль чего-л.’:
хана хастирга ‘идти вдоль забора’
суз хастирга ‘идти по берегу’
хастирга < *хас+та+арга*
берег- Oper-Inf

По этим причинам на нынешнем этапе работы программа-парсер вычленяет в слове лишь аффиксы, имеющие грамматическое значение (падеж, лицо, число, время, наклонение, принадлежность и т. п.) и пренебрегает деривационными. Например, в слове *палыхчыларыбыстың* ‘наших рыбаков’ появляется афф. *-чы* (суффикс деятеля, образующий слово ‘рыбак’ от *палых* ‘рыба’), он рассматривается как часть основы и не учитывается при морф. анализе. Программа проанализирует слово как

³ Oper — формант, выражающий лексическую функцию образования отыменного переходного глагола; ср. Func — формант, выражающий лексическую функцию образования отыменного непереходного глагола. См. [Жолковский, Мельчук 1967].

(10) *палыхчы-лар-ыбыс-тың*
рыбак-Pl-Poss.lpl.-Gen

Однако иногда парсер анализирует и словообразовательные аффиксы, такие как, например, атрибутивный показатель (Attr) и показатель наречия образа действия (Adv). Attr (*гы*) и Adv (*ли*) — показатели, которые функционируют обычно как формообразующие, прибавляясь к чистой основе; тогда соответствующая единица попадает в словарь (*амгы* ‘современный’, *хысти* ‘всю зиму’), и аффиксы не учитываются при морф. анализе. Однако они могут свободно присоединяться к концу длинной словоформы, содержащей уже словоизменительные аффиксы, при помещении ее в определенные синтаксические условия; тогда их нет в составе словарной словоформы (*цирк-та-гы* < цирк-Loc-Attr ‘цирковой’, *хондыда-гы* < гроб-Loc-Attr ‘как в гробу’; *ас-ган-ни* < обгонять-Past-Adv ‘обгоняя’). В этом случае парсер подвергает эти аффиксы анализу⁴.

⁴ По мере работы с корпусом естественного языка и поступления новых языковых данных мы продолжаем редактировать автоматический анализатор. Коррекции подвергается также модель изменяемой словоформы, лежащая в его основе. Так, при обработке полевых материалов были обнаружены новые примеры рекурсии, побудившие нас создать в модели дополнительные слоты для дублирующих наборов числовых, посессивных и падежных показателей. Сделаем здесь следующее замечание. Аффиксы конверсии (такие как *ЛИГ*, *КИ*) в принципе в хакасском языке, как и в других тюркских, работают рекурсивно и теоретически допускают сколько угодно циклов с добавлением чисто словоизменительных аффиксов к новой «основе»; таким образом, можно было бы создать автомат, обрабатывающий каждую словоформу циклически. Однако а) случаи с количеством рекурсий больше двух практически в текстах не встречаются (а случаев с двойной рекурсией очень мало), б) такой автомат увеличит количество альтернативных разборов во много раз; вследствие этого мы сочли его нецелесообразным.

В конечном же варианте размеченного корпуса будет присутствовать словообразовательная разметка. В словаре основ она делается вручную.

Те же требования грамматики порядков (и автоматического анализа) – жесткий порядок следования и однократность появления аффиксов внутри словоформы – приводят к некоторым различиям в отображении грамматических показателей между нашей грамматикой и традиционными грамматиками хакасского языка. Так, некоторые показатели, традиционно трактуемые как один целостный аффикс, проанализированы нашим парсером как цепочка аффиксов. В качестве примера можно привести показатели длительности действия (Dur) *-чат* и прошедшего времени (Past) *-хан*, которые при последовательном употреблении считаются в ГХЯ в зависимости от синтаксической функции словоформы то аффиксом причастия настоящего времени: *хас-чатхан* ‘копающий’ [ГХЯ 1975: 232], то показателем прошедшего определенно времени: *узу-п-чатхан* ‘я спал (тогда)’ [ГХЯ 1975: 216]. В связи с этим мы рассчитываем, что в окончательной версии морфологического анализа парсер будет предъявлять пользователю 2 варианта морфологического разбора, один из которых трактовал бы выделяемые показатели в терминах традиционной грамматики.

2.3. Правила выбора фонетических вариантов аффиксов

На работу морфологического анализатора влияют также фонетические закономерности, действующие в языке⁵. При сочетании основы и словоизменительного

⁵ Необходимо оговориться, что здесь мы рассматриваем только те фонетические закономерности, которые проявляются орфографически, т.к. морфологический анализатор работает только с письменными текстами.

аффикса, а также самих аффиксов друг с другом их фонетический облик может изменяться в результате т.н. внутренних сандхи⁶, обусловленных сингармонизмом, аккомодацией, ассимиляцией и другими фонетическими процессами.

Законы сингармонизма, ассимиляции и аккомодации определяют *правила выбора* алломорфов в каждой из возможных в хакасском языке цепочек аффиксов⁷. Эти правила описывают изменения, возникающие вследствие взаимодействия между морфемами: между основой и аффиксами, между соседними аффиксами. После этого вступают в действие *внутренние сандхи* на границах морфем (интервокальные озвончения, выпадения и стяжения — т.н. «поверхностные правила»). Окончательный фонетический облик словоформы является результатом последовательного применения этих двух видов правил.

Ниже в таблице 1 в качестве примера приводятся правила выбора алломорфов аффиксов множественного числа.

⁶ Сандхи (санскр. saṅdhi) — изменения звуков на морфемных швах и границе двух слов, объясняемые отчасти фонетически, отчасти как отражение исторических явлений в языке (Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 432).

⁷ На вокализм аффиксов в хакасском языке, исходя из закона сингармонизма, влияет главным образом основа слова, а на их консонантные варианты, согласно правилам ассимиляции и аккомодации, помимо основы оказывают влияние также и предшествующие аффиксы. Поэтому помимо сочетаемости основ и аффиксов должна быть проработана фонетическая сочетаемость аффиксов между собой для каждого возможного их комплекта.

Таблица 1

Правила выбора аффиксов множественного числа

№	Фонетические свойства предшествующего форманта	Num(Pl)
1.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных заднеряден (<i>а, ы, о, у</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на гласный или на звонкий носовой согласный (<i>э, й, л, р</i>).	<i>лар</i>
2.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных переднеряден (<i>е, и, i, ö, ү</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на гласный или на звонкий носовой согласный (<i>э, й, л, р</i>).	<i>лер</i>
3.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных заднеряден (<i>а, ы, о, у</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на глухой согласный (<i>п, ф, х, т, ш, с, ц, ч, щ</i> или оглушающийся звонкий <i>б, в, д, ж, з</i> в заимствованиях из русского).	<i>тар</i>
4.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных переднеряден (<i>е, и, i, ö, ү</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на глухой согласный (<i>п, ф, к, т, ш, с, ц, ч, щ</i> или оглушающийся звонкий <i>б, в, д, ж, з</i> в заимствованиях из русского).	<i>тер</i>
5.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных заднеряден (<i>а, ы, о, у</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на носовой согласный (<i>м, н, ң</i>).	<i>нар</i>
6.	а) В элементах, предшествующих аффиксу, последний из охарактеризованных по ряду гласных переднеряден (<i>е, и, i, ö, ү</i>) & б) предшествующий элемент оканчивается на носовой согласный (<i>м, н, ң</i>).	<i>нер</i>

2.4. Правила сандхи, актуальные для компьютерного морфологического анализа

Правила сандхи подразделяются на два типа: первые описывают морфонологические изменения, возникающие вследствие взаимодействия между морфемами: между основой и аффиксами, между соседними аффиксами; правила второго типа — «поверхностные» правила.

К первому типу относится, например, правило выпадения беглого гласного (*y*, *ы*, *i*) при присоединении аффиксов принадлежности, начинающихся на *-ы*, *-i*: *пурун/пурны* ‘нос’, *харын/харны* ‘живот’, *орын/орны* ‘место’.

Примеры правил второго типа — озвончение глухого согласного в интервокальной позиции — действует всегда (*нас* ‘голова’/*назым* ‘моя голова’, *абыт-* ‘качать люльку’ (основа)/*абыдарга* (инфинитив)); выпадение согласного в интервокальной позиции и стяжение двух обрамлявших его гласных в один долгий. Чаще всего выпадают звонкие *z*, *z* (практически регулярно). Правила действуют по-разному в зависимости от различных фонетических условий (однородной или многосложной основа, долготы-краткости обрамляющих гласных).

3. Алгоритм морфологического анализа

Анализ словоформы идет справа налево. Сначала программа ищет в словаре основ целую словоформу. Если ее там не оказывается, парсер ищет с правого конца словоформы словоизменяемый формант и, если обнаруживается последовательность символов, похожая на какой-либо аффикс из базы, она отрезается, а левая часть снова сравнивается со словарем основ. При отрицательном результате программа снова обращается к правому концу слова и ищет следующий словоизменяемый аффикс, сравнивая его с базой аффиксов. Так продолжается до тех пор, пока

оставшаяся слева часть словоформы не совпадет со словом из словаря основ.

Таким образом получается корпус с неснятой грамматической омонимией. Омонимия снимается вручную, а результаты анализа выдаются пользователю в формате html, см. например, анализ строки из эпоса «Ай-Хуучин» (рис. 5).

Относительно возможностей парсера в смысле метрики получения разборов словоформ проблема распадается на две части. Во-первых, вопрос, какому проценту словоформ в тексте парсер приписывает анализ. Этот процент довольно высок (около 95 %), причем отказы парсера обычно обусловлены недостатками не морфологической модели, а словаря (слова нет в словаре, во вхождении словаря неправильно выделена основа, слово диалектное и для него в словаре не выписаны правильные чередования и т.п.). Во-вторых, насколько часто парсер дает словоформе правильный анализ. Обычно среди множества альтернативных анализов правильный имеется. Опять же, обратное случается в основном вследствие несовершенства словаря. Проблема вычленения правильного морфологического анализа пока ложится на постредактирование. Сейчас уже понятно, что ряд неадекватных анализов легко будет устранить при подключении синтаксического модуля; кроме того, планируется подключить семантический модуль в смысле извлечения из семантической разметки словаря (включающей актантные структуры) сведений о семантической сочетаемости внутри предложения.

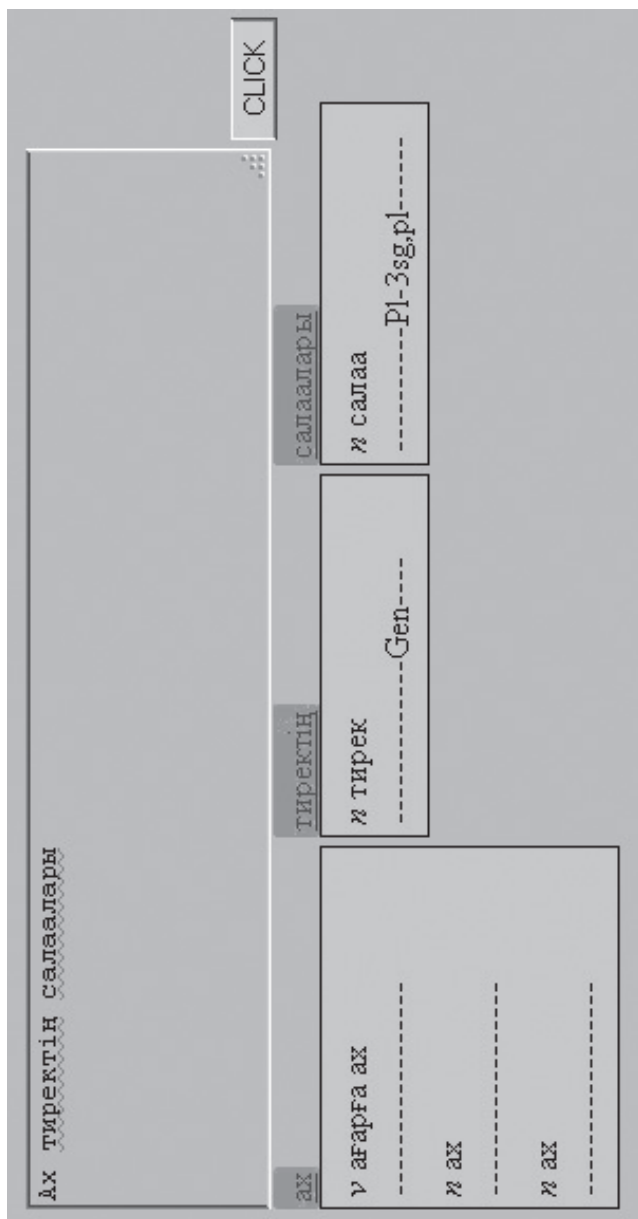

Рис. 5

I. МОДЕЛЬ ИЗМЕНЯЕМОЙ ХАКАССКОЙ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ

№ п/п	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	R (S)	Dist	Form 1	Plcl 1	Perf, Prosp	Dur	Neg/ Form 2	Iter	Tense (Past, Future), Conv, Mood	Evid
1.		<i>КЛА</i>	Form1 (Б)	Emph <i>ТАА</i>	Perf (I) <i>бИС</i>	Dur <i>чА(Т)</i>	Neg <i>БА</i>	Iter <i>дIр</i>	Praes <i>чА</i>	Indir <i>ТIр</i>
2.			Form. Neg <i>Бин</i>	Delim <i>ЛА</i>	Prosp (диал.) <i>(А)К</i>		Neg.Fut БА.С		Past <i>КАн</i>	
3.				Ass <i>ОК</i>		Dur1 <i>и(р)</i> (для нар- и клл-)	Neg.Conv <i>Бин</i>			
4.							Neg.Conv.Abl <i>Бин.Аң</i>		Fut <i>Ар</i>	
5.							Form 2 <i>А</i>		Hab <i>ЧАң</i>	
6.									RPast <i>ТI</i>	
7.									Сunc <i>КАЛАК</i> Cond <i>СА</i>	
8.									Opt <i>КАй</i>	
9.										
10.									Conv1 (I)Б	
11.									Conv1 <i>АБАС</i> диал.	
12.									Conv2 <i>А</i>	
13.									Lim <i>КАли</i>	
14.										
15.										
16.										
17.										
18.										
19.										

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВОФОРМЫ И НАБОР ХАКАССКИХ АФФИКСОВ

Таблица 2

10	11	12	13	14	15		16	17	18	19
Irr	Comit	Num (Pl)	Poss	Apos	Case		Atr	Prel 2	Person	Adv
					Simple declension	Possessive declension				
ЧИК	ЛИГ	ЛАр	1 pos.sg (I)м	Ни	Gen НИ _н	Gen НИ _н	КИ	Ass ОК	Полные 1prs.sg БИ _н	Ли
			2 pos.sg (I)н		Dat (К)А	Dat (К)А			2prs.sg СИ _н	
			3 pos (3)I		Acc НИ	Dat нА			3prs 3р	
			1 pos.pl (I)бIC		Loc ТА	Acc Н(I)			1prs.pl БIC	
			2 pos.pl (I)нАр		Abl ДА _н	Loc (н)ТА			2prs.pl САр	
					All САр	Abl ДА _н			3prs.pl СИ _н нАр	
					Instr нА _н	All (н)САр			Краткие 1prs.sg м	
					Prol ЧА	Instr нА _н			2prs.sg н	
					Delib ДА _н Ар	Prol (н)ЧА			2prs.pl (I)нАр	
					Comp ТАГ	Delib ДА _н Ар			3prs.pl ЛАр	
					Temp (I)н	Comp (н)ДАГ			Imp.1prs.sg ум	
						Temp (I)н			Imp.3prs.sg СИ _н	
									Imp.1prs.dual А _н	
									Imp.1prs.pl и.бIC	
									Imp.1prs.pl. Incl А _н Ар	
									Imp.2prs.pl (I)нАр	
									Imp.3prs.pl СИ _н нАр	
									Prec.1prs.sg ум.0АК	
									Prec.2prs.sg ТАК	

№	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	R (S)	Distr	Form 1	Ptc1	Perf, Prosp	Dur	Neg/ Form 2	Iter	Tense (Past, Future), Conv, Mood	Evid
№ п/п										
20.										
21.										
22.										
23.										
24.										
25.										

Необходимые пояснения к таблице

По горизонтали в таблице расположен перечень грамматических категорий, выраженных аффиксами, следующими за корнем (основой), по вертикали — аффиксы-показатели грам. категорий со всеми алломорфами.

Одну позицию по горизонтали могут занимать аффиксы одной или нескольких грам. категорий, каждая из которых (кроме R(S)) может быть не выражена, например: единственное число, именительный падеж имени, показатель 3 лица ед. и мн. числа глаголов и имен.

Условные обозначения

R(S) — корень или основа. Основа включает корень со словообразовательными показателями, присутствующий в словаре в качестве заголовка словарной статьи. Регулярное наличие показателя в словаре в составе заглавного слова служило критерием невключения того или иного показателя (например, аффиксов деятеля) в разряд словоизменяемых.

Distr — дистрибутив, обозначает множественность субъекта или объекта действия

Form (1, 2) — формообразующий аффикс

Form.Neg — отрицательная форма формообразующего аффикса

Ptc1 — частица (пишущаяся слитно со словоформой, а также вставная)

10	11	12	13	14	15		16	17	18	19
Irr	Comit	Num (Pl)	Poss	Apos	Case		Attr	Pct 2	Person	Adv
					Simple declension	Possessive declension				
									Prec.3prs.sg <i>CIn.ðAK</i>	
									Prec.1prs.dual <i>Añ.ðAK</i>	
									Prec.1prs.pl <i>u.ðIc.mAK</i>	
									Prec.1.prs.pl Incl <i>AñAp.ðAK</i>	
									Prec.2prs.pl (<i>IñAp.ðAK</i>)	
									Prec.3prs.pl <i>CññAp.ðAK</i>	

Emph — эмфатическая частица (*и, же, ведь...*)

Delim — делимитативная (ограничительная) частица (*только, лишь...*)

Ass — ассертивная (утвердительная) частица (*также, тоже ...*)

Perf — перфектив (завершенность действия)

Prosp — проспектив (состояние, предшествующее действию), исключительно сагайский диалект

Dur — дуратив (длительность действия), также выражает настоящее время

Iter — итератив (периодичность действия), также выражает настоящее время

Neg — отрицание

Neg.Fut — отрицательная форма буд.вр.

Neg.Conv (1, 2, 3) — отрицательная форма деепричастия

Neg.Conv.Abl — деепричастие мгновенного следования (аблатив отрицательного деепр.)

Tense, Mood — время, наклонение

Fut — будущее время

Hab — хабитуалис (привычное действие в настоящем и прошедшем времени)

Past — прошедшее время

RPast — недавно прошедшее время

- Cunc — кункатив, еще не совершившееся действие
- Conv (1, 2, 3) — деепричастие
- Lim — деепричастие предела в прошлом
- Cond — условное наклонение
- Assum — ассумптив, предположительное наклонение, вводится оборотом «похоже, что ...»
- Imp — императив (повелительное наклонение)
- Opt — оптатив (желательное наклонение)
- Prec — прекатив (просительное наклонение)
- Evid — эвиденциальность
- Indir — индиректив, косвенная эвиденциальность (неочевидность либо заглазность) действия
- Irr — «ирреалис», сослагательное наклонение
- Comit — комитатив, показатель совместности («с ...», «вместе с ...»)
- Num (Sg, Pl, Dual) — число (ед., мн., двойств.)
- Poss, pos — принадлежность
- Apos — показатель посессивного имени. После этого аффикса имя (или субстантивированное причастие) принимает аффиксы падежей из посессивного склонения.
- Case — падеж
- Simple declension — набор падежных аффиксов простого склонения
- Possessive declension — набор падежных аффиксов притяжательного склонения (после показателя принадлежности)
- Список падежей*
- Nom — номинатив, или нулевой падеж, отсутствует в таблице, т.к. не имеет поверхностного выражения
- Gen — генетив (родительный)
- Dat — датив
- Acc — аккузатив (винительный)
- Loc — локатив (местный)
- Abl — аблатив (исходный)
- All — аллатив (направительный)
- Instr — инструментальный (творительный)

Prol — пролатив (продольный)

Delib — делибератив (выраж. объект речи или мысли, также причинно-следственные отношения)

Comp — компаратив (сравнительный)

Temp — темпоральный (падеж временного обстоятельства)

Attr — атрибутивный показатель

Adv — адвербиальный показатель

Person, prs — лицо

Attr и Adv — показатели, которые функционируют обычно как словообразовательные, прибавляясь к чистой основе; тогда соответствующая единица попадает в словарь, и аффиксы не обязательно учитываются при морф. анализе. Но оба они могут свободно присоединяться к концу длинной словоформы, содержащей уже словоизменяемые аффиксы, при помещении ее в определенные синтаксические условия; тогда их нет в составе словарной словоформы. В этом случае парсер подвергает эти аффиксы анализу.

Кумулятивно выраженные граммы разделяются точками.

Выделены специальные морфемы на месте фонем, чередующихся в зависимости от фонетических позиций. Аффиксы в таблице записаны с помощью морфем, что позволяет не выписывать в каждом случае весь набор алломорфов того или иного аффикса:

Согласные морфемы	Гласные морфемы
-------------------	-----------------

Б: б/н/м

А: е, а

К: з/з/х/к

І: і, ы

Г: з/з/0

О: о, ö

Т: т/ð

Д: т/ð/н

С: с/з

Л: л/н/т

Н: н/т

Ч: ч/ч

Н: ң/0

Гласный в скобках, стоящий в начале морфа, проясняется, если предыдущий морф кончается на согласный, и опускается, если предыдущий морф кончается на гласный. Согласный в скобках, стоящий в начале морфа, проясняется, если предыдущий морф кончается на гласный, и опускается, если предыдущий морф кончается на согласный.

Литература

Большой хакасско-русский словарь. Под ред. *О.В. Субраковой*. Новосибирск, 2006.

Бречалова Е.В. Принципы построения синтаксического представления корейского предложения. Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2009.

Володин А.П., Храковский В.С. Типология морфологических классификаций глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. Москва, 1975.

Грамматика хакасского языка. Под ред. *Н.А. Баскакова*. Москва, 1975.

Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. Москва, 1967.

Крылов С.А. Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии // *И.С. Смирнов* (ред.) *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики. 3. Москва, 2008. С. 649–668.

Крылов С.А. Использование системы StarLing при создании морфологически аннотированного корпуса современного монгольского языка. 2011. *На правах рукописи*.

Ляшевская О.Н., Плунгян В.А., Сичинава Д.В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. Москва, 2005. С. 111–135.

Мальцева В.С. Структура глагольной словоформы в сагайском диалекте хакасского языка (говор с. Казановка). Москва, 2004.

Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Москва, 2005. С. 6–20.

Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкознания. 1969, №1. С. 42–56.

Сиразитдинов З.А. Алгоритмическая грамматика словоизменения башкирского языка / <http://mfbl.ru/bashdb/algram/algram.htm>

Хакасско-русский словарь. Под ред. *Н.А. Баскакова*, с приложением грамматического очерка хакасского языка *Н.А. Баскакова*. Москва, 1953.

Gleason H. Introduction to descriptive linguistics. New York, 1955.

Martin G. A Reference Grammar of Korean. Chicago, 1992.

Анна Владимировна Дыбо
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия
Anna Vladimirovna Dybo
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
adybo@mail.ru

Александра Валерьевна Шеймович
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Alexandra Valerievna Sheimovich
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
asheimovich@yandex.ru

Транслитерация памирских языков

On transliterating Pamir-language orthographies

Бахтоваршоев А.Ш.

Bakhtovarshoev A.Sh.

В статье рассмотрен вопрос о преобразовании (транслитерации) алфавитов некоторых памирских языков (шугнанского и рушанского) с кириллицы на латиницу и наоборот. Предложена и проанализирована конкретная таблица преобразования алфавитов по системам А и Б. Показано, что предложенная таблица сохраняет естественную частоту появления символов на данных языках и может быть использована в практической работе.

Ключевые слова: информационные технологии, транслитерация, памирские языки, шугнанский язык, рушанский язык

This article illustrates the transformation (transliteration) of the alphabets of two Pamir languages (Shughnani and Rushani) from Cyrillic to Latin script and vice versa. The author suggests a transliteration table for these alphabets based on two different systems and demonstrates that this table preserves the natural frequency of the letters in the specified languages and can be applied in practice.

Keywords: information technology, transliteration, Pamir languages, Shughnani, Rushani

В настоящей статье рассматриваются вопросы преобразования текстов шугнанско-рушанской языковой группы с кириллицы на латиницу и наоборот. Следует констатировать, что для данной группы языков малочисленных народов подобные средства ещё не созданы. Поэтому приходится применять разработки, существующие на сегодняшний день для конкретного языка, а именно для русского. Впрочем, большая часть таких программ применяется в режиме онлайн,

т. е. непосредственно в Интернете, что в целом не особенно удобно. При этом на многих сайтах существуют программы, преобразующие кириллицу (в частности, для русского, таджикского языков) в латиницу и наоборот, которые на жаргоне программистов обычно выступают под названием «на (с) транслит(а)», при этом вопрос о безопасности существующего на них контента, загружаемого для осуществления транслитерации, для пользователей остаётся открытым.

Транслитерация обычно применяется в следующих случаях: а) при переводе текста с одного языка на другой (иногда с использованием автоматического, машинного перевода); б) когда носители языка пользуются различными алфавитами; в) при обработке данных; г) для программ, преобразующих текст в речь; д) для веб-адресов; е) в мобильных телефонах для передачи сообщений. Очевидно, существуют и другие области применения. В случае (г) транслитерацию вынужден применять пользователь программы, если она ориентирована на какой-то конкретный алфавит. Пользователь такой программы должен «подать» ей текстовый материал только в том виде, которую она может воспринимать. Применение пункта (е) в России с 2007 г. считается нарушением законодательства, но в некоторых странах он до сих пор действует.

Обращаем внимание на тот факт, что до сих пор ни для памирских языков в целом, ни для языков шугнано-рушанской группы нет алфавита, принятого всем языковым сообществом. Имеются алфавиты, разработанные и применяемые в научных трудах специалистов-языковедов, созданные на основе иранистической международной транскрипции (например, [Эдельман 1963; Соколова 1966; Пахалина 1969; Додыхудоева 2005; Евангелие 2001а; 2001б]), а также варианты, использовавшиеся как в учебниках начальной школы, так и в научных исследованиях [Усманов, Гуломсафдаров 2009; Усманов, Кадамшоев 2009; Бахтоваршоев 2013; Карамшоев, Аламшоев 1996].

Таким образом, поскольку официально принятый единый стандартный вариант алфавита отсутствует, то целесообразен

только один путь — взять за основу один из возможных вариантов алфавита. Практическая работа с конкретным алфавитом поможет выявить ряд аспектов рассматриваемой проблемы. В данной статье мы придерживаемся, с одним дополнением, набора фонем, описанных В.С. Соколовой [Соколова 1966]. Наше дополнение состоит в том, что в алфавит введен аллофон фонемы [i], который обозначен в нём как буква «э». Этот дополненный набор фонем и есть та основа, на которой без существенных фонетических изъянов может быть записано любое выражение шугнанско-рушанской группы языков [Зарубин 1960, Соколова 1966]. Как правило, научные работы ведутся с использованием иранистической международной транскрипции, которая для «массового» использования является неудобной и затруднительной, так как одновременно применяются разные алфавиты. Более практичный подход состоит в том, чтобы применить один алфавит, который имеется в виде стандартной раскладки клавиатуры. Такой алфавит на основе кириллицы нами был составлен и подвергнут анализу [Бахтоваршоев 2013]. Этот алфавит, который мы условно называем алфавит Зарубина-Соколовой, по нашему мнению, имеет минимальные требования к программным продуктам и к квалификации пользователей операционных систем, легко может быть выучен, поэтому его «массовое» применение на практике не вызывает трудности.

На основании результатов работ [Усманов, Гуломсафдаров 2009; Бахтоваршоев 2013] можно утверждать, что тексты, напечатанные на алфавите Зарубина-Соколовой, имеют почти такие же статистические характеристики, как тексты других языков на естественных, «родных», алфавитах. Таким образом, цель данной работы состоит в том, чтобы в процессе выбора конкретных букв или комбинаций букв для транслитерации сохранить или существенно не ухудшить статистические характеристики транслитерированного текста по сравнению с оригиналом. Ведь упрощение или видоизменение записи текста не предполагает изменения его содержания и других объективных

свойств. Кроме того, простота и естественность способствует более лёгкому восприятию текста. Так как предварительно неизвестно, с каким конкретно реализованным алфавитом будут иметь дело программные продукты — с вариантом А или Б, — то мы должны рассмотреть оба варианта. Вариант А, конечно, предназначен для квалифицированных пользователей, и, скорее всего, будет применяться в исключительных случаях. Вариант Б рассчитан на рядового пользователя.

Многочисленные материалы, которые хаотически публикуются носителями языка как в виде печатной продукции, так и в Интернете, выявляют низкий уровень владения носителями правилами правописания, что происходит из-за отсутствия обучения родному языку в школе.

Несмотря на отсутствие обучения родному языку и на родном языке в школе, на протяжении XX в. были подготовлены учебные материалы для школы. Однако по тем или иным причинам подобные материалы не подходят для решения задач транслитерации, указанных выше. Так, известный «Букварь» шугнанского языка Д.К. Карамшоева и М. Аламшоева [1996] имеет весьма существенный недостаток, так как в силу недостаточного оснащения населения техническими средствами в конце 1990-х, он был ориентирован на обучение письму от руки.

Алфавит Зарубина-Соколовой, латинский вариант которого подвергнут анализу в настоящей работе, рассчитан в первую очередь, на применение информационных технологий.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о преобразовании, предварительно укажем те обозначения специалистов-языковедов, которые, ввиду их громоздкости и отличия от стандартных символов, мы заменили на более простые. [Соколова 1966; Пахалина 1969; Усманов, Кадамшоев 2009]. В свою очередь и они по сути были ориентированы на письмо от руки (или на набор на печатной машинке), и поэтому в настоящее время имеют узкую сферу применения. Выражения следующие: \bar{a} , \bar{o} , \bar{u} , \bar{a} , \bar{j} , \bar{x} . Они сегодня, в сущности,

являются формулами (т. е. созданными и внедрёнными объектами программы Microsoft Equation; обозначим их кратко как «форм. МЕ»). Почти такие же конструкции находим в работе [Языки мира 1999]. Стандартные таблицы символов обычных текстовых редакторов операционных систем не содержат подобных выражений. В данной работе они заменены на другие символы, которые указаны ниже в таблице 1.

Таблица 1. Соответствие символов

№	Символы, принятые иранистами-языковедами	Система А (лат.-греч.)	Система Б (лат.-греч.)	Кириллица	Примечания
1	(j с кароном)	j	j	ч	форм. МЕ
2	(o с чертой и двумя точками)	ō	o	oo	форм. МЕ
3	(u с чертой и кружочком)	ũ	uo	ӯ	форм. МЕ
4	(x с кароном)	–	x'	х	форм. МЕ
5	(γ с кароном)	γ	γ	гь	форм. МЕ
6	(ε с чертой)	ε	ε	ээ	форм. МЕ
7	з	з	dz	дз	ст. симв.
8	э	э	э	э	ст. симв.
9	æ	æ	æ	э', ээ	ст. симв.

Автором предлагается следующий вариант преобразования:

Таблица 2. Транслитерация по А и Б

	Кириллица	Система А (лат.)	Система Б (лат.)	прим.
01	а	a	a	станд.
02	Аа/аа	ā	Aa/aa	А – ст.
03	б	b	b	станд.
04	в	v	v	станд.
05	Вь/вь	w	w	научн.
06	г	g	g	станд.
07	гь	ġ	g'	пр. авт.

	Кириллица	Система А (лат.)	Система Б (лат.)	прим.
08	д	d	d	станд.
09	Дз/дз (Зь/зь)	ʒ	Dz/dz	станд.
10	Дь/дь	đ	Dh/dh	пр. авт.
11	е	ē	e	станд.
12	ж	ž	Zh/zh	А – ст.
13	з	z	z	станд.
14	и	i	i	станд.
15	й	y	y	станд.
16	к	k	k	станд.
17	л	l	l	станд.
18	м	m	m	станд.
19	н	n	n	станд.
20	о	o	o	станд.
21	Оо/оо	ō	Oo/oo	А – ст.
22	п	p	p	станд.
23	р	r	r	станд.
24	с	s	s	станд.
25	т	t	t	станд.
26	Ть/ть	ṭ/ṭ	Th/th	пр. авт.
27	у	u	u	станд.
28	Уу/уу	ū	Uu/uu	А – ст.
29	ф	f	f	станд.
30	х	x	x	станд.
31	Хь/хь	h	h	пр. авт.
32	ц	c	c	станд.
33	ч	č	Ch/ch	станд.
34	ш	š	Sh/sh	станд.
35	ъ	'	'	станд.
36	э	e	e'	пр. авт.
37	ээ	ê	Ee/ee	пр. авт.
38	ғ	ħ	Gh/gh	пр. авт.
39	қ	q	q	станд.
40	ч	j	j	станд.
41	й	ī	Ii/ii	пр. авт.
42	ӯ	ũ	Uo/uo	Б – пр. авт.

(Пометы «ст.», «станд.» обозначают ГОСТ 7.79-2000 или ISO 9:95; «лат.» — латинские символы, «греч.» — греческие символы, «прим.» — примечание, «пр. авт.» — предложение автора статьи, */* — прописная буква/строчная буква.)

Сначала рассмотрим систему Б, так как она основана на применении стандартной английской раскладки клавиатуры, следовательно, она чаще всего и будет применяться. Заметим, что транслитератор весь текст преобразовывает за один шаг. Так как мы работаем с «неродным» транслиту текстом, то вынуждены его предварительно преобразовать к виду, «понятному» для него. Поэтому ниже опишем подготовительные шаги. Здесь и далее будем опираться на результаты и статистические данные, приведённые в работах [Усманов, Кадамшоев 2009; Бахтоваршоев 2013]. Возьмем за основу алфавит Зарубина-Соколовой, который включает 41 (39) «букву». На данном этапе оставим без комментариев стандартные замены. Замена долгих звуков *aa* (кирил.) на *aa* (лат.) и *уу* (кирил.) на *uu* (лат.) может быть осуществлена автоматически. Следующие буквы исходного шугнанского текста **й, х, э, з, к, ч, ӣ, ӯ** должны быть предварительно заменены перед автоматическим осуществлением преобразования. Такое неудобство связано с тем, что в обычном латинском алфавите по сравнению с русским и, тем более, с шугнанским, количество букв меньше (их 26). Букву *х* (кирил.) транслитератор преобразует в *h* (аш) или *kh*, нам же нужна латинская *x* (икс). Каждая пара букв *е* и *э*; *й* и *и* заменяется транслитератором на одну — *e* (лат.) или *i* (лат.) соответственно. В силу этого, чтобы избежать путаницы, следует заранее заменить одну из них. Предлагается заменить «э» на латинское «e'», а «й» на «у» (игрек). Тогда при последующей транслитерации путаница исключается. «Таджикские» буквы **з, к, ч, ӣ, ӯ** транслитератором не распознаются, так как он ориентирован на русский текст. Значит, их также надо предварительно заменить, т. е. произвести замену $f \sim gh$, $k \sim q$, $ч \sim j$, $й \sim ii$, $ӯ \sim uo$. Итак, после предварительной замены

восьми символов мы получаем заготовку для реализации следующего этапа работы. Подготовленный таким образом текст и подаётся на вход транслитератора.

Самую большую частоту (повторения) в шугнанском языке имеет *a*, равную приблизительно 11,01 %. Поэтому, чтобы получить сведения о представлении шугнанского текста на латинице, следует сравнить суммарную частоту букв, которые после транслитерации будут иметь одинаковую компоненту, с частотой буквы *a*. Следовательно, мы должны вычислить частоты некоторых групп букв, имеющих одинаковую компоненту и результат сравнить с частотой буквы *a*, которую примем равной 100 %. Это группы *г, гь, ғ (g); д, дз, дь (d); е, э, ээ (e); дз, з, ж (z); дь, ж, ть, хь, ч, ш, ғ (h); о, у (o); у, уу, ӯ (u)*.

Сумма частот букв *г, гь, ғ*, которые будут иметь общую компоненту *g*, равна примерно 1,85 %, что меньше частоты буквы *a* почти в 6 раз; и это показывает, что выбор очень удачный. Сумма частот букв *д, дз, дь* равна 7,96 %, которая показывает, что есть ещё запас примерно в 30 % (более точно: $100 - (7,96/11,01) \times 100 \approx 28$ %). Для следующей группы *е, э, ээ* сумма равна 5,32 %, запас почти 50 %. Ещё одна группа *дз, з, ж* имеет сумму частот 1,62 %, которая также показывает хороший результат. Сумма частот букв самой многочисленной группы *дь, ж, ть, хь, ч, ш, ғ*, которые после перехода будут иметь компоненту *h*, приблизительно равна 5,80 %, что тоже является весьма неплохим результатом; запас больше 45 %. Следующие две группы имеют частоту 5,93 % и 6,58 % соответственно; последняя цифра имеет запас примерно 40 %. Следовательно, преобразованный текст будет иметь примерно ту же структуру, что и исходный, так как ни одна из букв не получила частоту, которая бы в разы превосходила максимальную.

Таким образом, получаем важный количественный результат: шугнанский текст на данном алфавите не будет иметь визуального перекося по причине безусловного доминирования

каких-либо букв, так как он в целом сохраняет статистические закономерности исходного текста.

При этом, чтобы получить «стандартный» текст, после проведения процесса транслитерации надо произвести еще четыре преобразования. Для этого нужно заменить d' на dh , x' на h , t' на th , v' на w . В результате таких манипуляций шугнанский текст преобразуется с кириллицы в латиницу. Это достигается за двенадцать шагов, восемь (предварительных), до транслитерации, четыре после неё.

Здесь подчеркнём, что закономерности сохраняются для текстов, имеющие «размер» больше некоторого, вполне определённого значения, для шугнанского рассматриваемый текст должен содержать не менее 12,3 тысяч знаков или семь страниц, т. е. текст должен быть репрезентативным [Усманов, Гуломсафдаров 2009]. Если взять какую-то группу, допустим $дъ, ж, ть, хь, ч, ш, ғ (h)$, и расширить её явно неудачным образом, добавляя, например, $aa = ah, x = kh, \bar{y} = uh$, то результат может быть катастрофичным, так как сумма частот таким образом расширенной группы равна 12,67 %, что превосходит частоту буквы «а». Но если текст меньше репрезентативного, то статистические закономерности могут и не сохраняться, следовательно, он с вышеуказанной группой в алфавите случайно может иметь нормальные характеристики.

Конечно, можно и прямо набирать любой текст на предложенном алфавите на основе латиницы при помощи английской клавиатуры. В некоторых словах, звуки которых при наборе (записи) будут совпадать с дифтонгами dh (дъ), dz (дз), uo (уо), стоящие рядом разные буквы следует разделить апострофом, например *pod'ho, bad'zot, sad'zabuon, bu'or, tu'ol*. Это поможет избежать путаницы и произносить слова правильно, ибо новый алфавит неминуемо порождает и новые правила правописания. Следовательно, для данных языков на повестку дня выдвигается разработка общепринятого алфавита и правил правописания.

При этом надо иметь в виду, что по рекомендации ООН за 1987 г. для *е, х, ц, ю, я* в географических названиях используются только *е, h, с, ju, ja* для передачи русских названий [Транслитерация; Щерба 1940]; правила передачи таджикских географических названий автором не рассматриваются.

Так, применяя систему Б для шугнанского алфавита, получаем следующий результат:

Таблица 3. Транслитерация по системе Б

a (aqq, aql)	aa (aal, aam)	b (boruon, baat)	c (cimuud, ciiv)
ch (chaal, chok)	d (dil, duor)	dh (dhar, dhud)	dz (dzal, dzul)
e (der, ser)	ee (jeeq, teer)	e' (biide', sozde')	f (fay, fiil)
g (goz, gul)	gh (ghob, ghuok)	g' (g'ach, g'ol)	h (hoj, hoy)
i (ilm, isob)	ii (biir, tiir)	j (jaar, juur)	k (kaal, kor)
l (laag, liil)	m (maruob, maruod)	n (nosh, noxuun)	o (osh, olam)
p (puc, palla')	q (qand, qoghaz)	r (rost, rux)	s (sado, sidz)
sh (shiig, shol)	t (tillo, tor)	th (thiir, thow)	u (umr, usma')
uo (buon, uon)	uu (suur, zuur)	v (vadz, vuor)	w (waarg, woh)
x (xaat, xiit)	y (yax, yuuhk)	z (zar, zariidz)	zh (zhaash, zhow)

Заметим, что в шугнанском языке «о» всегда долгое. Напротив, рушанский язык имеет пару, краткое и долгое «о». Тогда в рушанский алфавит помимо краткого «о» мы должны дополнительно включить диграф «oo» [ō]. В то же время в рушанском отсутствует звук [э]. Таким образом, в таблицу, соответствующую Таблице 3, для рушанского языка следует добавить долгий звук oo = [ō], а символы «ee» и «e'» удалить.

Рассмотрим теперь транслитерацию по системе А. Очевидно, что алфавитом обеспечивается первое требование — однозначность. Остаётся проанализировать частоту групп

букв, имеющих сходное начертание, т. е. отличающихся диакритическими знаками. Это такие группы, как а, ā; с, ċ; d, ḏ; e, ê, ē; g, ḡ; h, ḥ; i, ī; s, š; t, t'; u, ū, ù; z, ž.

Ясно, что наибольшую частоту имеет группа «а, ā». Естественно, что она превосходит частоту использования «а» (примерно на 30 %). Результат удовлетворительный, так как явного перекаса нет. К тому же, в этой ситуации другие варианты отсутствуют. Другие группы имеют следующие результаты: с, ċ (2,04%); d, ḏ (7,84%); e, ê, ē (5,31%); g, ḡ (1,33%); h, ḥ (1,70%); i, ī (7,02%); s, š (3,98%); t, t' (5,88%); u, ū, ù (6,58%); z, ž (1,49%). Как показывают эти результаты, максимальное значение имеет примерно 29 % запаса, так как $100 - (7,84/11,01) \times 100 \approx 29$ %. В таблице для строчной буквы t' помещена также прописная её форма, T с кароном, так как для этой буквы её строчная форма отличается от прописной. Таким образом, получаем количественный результат: шугнанский алфавит по предложенной системе не имеет неестественного явного доминирования каких-либо групп букв. Следовательно, он также может использоваться в практической работе в качестве действующего рабочего варианта.

Для рушанского имеем следующий результат: а, ā (17,82 %); с, ċ (2,04 %); d, ḏ (8,16 %); g, ḡ (1,68 %); h, ḥ (1,65 %); i, ī (7,84 %); o, ô (5,18 %); s, š (3,40 %); t, t' (5,62 %); u, ū, ù (6,06 %); z, ž (2,41 %). Для первой группы частота больше на 21 %, и её величина ещё меньше, чем для шугнанского. Для остальных групп максимальное значение не превосходит 55 %, которое показывает, что не имеет места явное преобладание каких-то конкретных групп. Следовательно, Таблицу 2 можно использовать и для рушанского языка, заменив в нём букву ē на е, и удалив из неё е', е'.

В качестве простого транслитератора можно использовать, например, программу Цифрица 2.2 (Cifrica 2.2) P.V. Кошелева [Кошелев].

Литература

Бахтоваришоев А.Ш. Статистическое распределение частот букв одного варианта алфавита шугнанского языка // Доклады АН РТ, 2013. Т. 56, № 7. С. 531–533.

Додыхудоева Л.Р. Шугнанский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Москва, 2005. Т. 3. С. 435–446.

Евангелие от Луки — Luqo Injīl. Xuṽ nūni ziv qissayen / mutarjīm R.Kh. Dodykhudoev. Maskav: Instituti tarjūmā Kitobi Muqadas, 2001a. (Евангелие от Луки (на шугнанском языке). Отрывки). Пер. *Р.Х. Додыхудоева*. Москва, 2001).

Евангелие от Луки — Luqo Injīl. Maskav: Instituti tarjūmā Kitobi Muqadas, 2001b. (Евангелие от Луки (на рушанском языке). Отрывки). Москва, 2001.

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва-Ленинград, 1960.

Карамшиев Д.К., Аламшиев М. Алифбо: Китоби дарсӣ барои соли аввали таҳсил ба забони шугнонӣ (Букварь. Учебник шугнанского языка для первого года обучения) (на тадж. языке). Душанбе, 1996.

Кошелев Р.В. Цифирица 2.2 (Cifirica 2.2). Сайт: <http://www.bestfree.ru/> (Последняя дата обращения: 24.01.2017). Автор предоставляет возможность безвозмездного использования программы.

Пахалина Т.Н. Памирские языки. Москва, 1969.

Соколова В.С. Шугнано-рушанская языковая группа // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. Москва, 1966. С. 362–397.

Транслитерация русского алфавита латиницей: http://ru.wikipedia.org/wiki/Транслитерация_русского_алфавита_латиницей (Последняя дата обращения: 24.01.2017).

Усманов З.Д., Гуломсафдаров А.Г. Статистическое распределение частот встречаемости букв в шугнанском языке // Доклады АН РТ, 2009. Т. 52, № 3. С. 187–191.

Усманов З.Д., Кадамшиев Н.У. Статистическое распределение частот встречаемости букв в рушанском языке // Доклады АН РТ, 2009. Т. 52, № 2. С. 106–110.

Щерба Л.В. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Москва, 1940. Т. I, № 3. С. 118–126.

Эдельман Д.И. О единой научной транскрипции для иранских языков. Москва-Ленинград, 1963.

Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. Москва, 1999.

Алигавхар Шохайдарович Бахтоваршоев
Независимый исследователь
Aligawhar Shokhaidarovich Bakhtovarshoev
Independent scholar
aligawhar07@mail.ru

**Кавказизмы в осетинском языке
(разбор семантических полей «скот»,
«коневодство»)**

**Caucasian loanwords in Ossetic:
The semantic domains of livestock and horses¹**

Мудрак О.А.

Mudrak O.A.

В данной статье рассмотрены семантические поля «животноводство» и «коневодство» в осетинском языке с точки зрения их структуры и этимологии. Большинство заимствований находит свой источник в конкретных подгруппах северокавказских языков. Благодаря этим данным можно проследить пути миграций в ареале «Большого Кавказа». Базируясь на установленных фонетических соответствиях адаптации кавказизмов в осетинском языке удастся проследить пути распространения не только терминологической лексики, но и сопряженных культурных реалий.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, этимология, фонетические соответствия, осетинский язык, кавказские языки, заимствования, семантические поля, животноводство, коневодство

This article offers an etymological and structural analysis of loanwords in the Ossetic language belonging to two semantic domains: livestock and horses. Most of these loanwords are borrowed from certain linguistic subgroups of other North Caucasian languages. These borrowings can help us better understand migration patterns through the Greater Caucasus area. There are regular phonetic correspondences in Ossetic adaptations of numerous borrowings from Caucasian languages. Based on these correspondences, we can propose the ways that both lexical items and related cultural elements historically spread through the area.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-04-00505а «Внутренние этимологические словари аварского и андийских языков. Андийские основы, Аварские основы».

Keywords: historical linguistics, etymology, phonetic correspondences, Ossetic language, Caucasian languages, borrowings, semantic domains, stock-raising, horse breeding

В данной работе продолжается анализ источников осетинских кавказизмов. На этот раз изучаются термины животноводства и рассматриваются такие семантические поля как «скот» и «коневодство».

Была сделана сплошная выборка этой осетинской лексики по лит. (иронскому) материалу из указанных в списке литературы источников и произведена ее этимологизация, исходя из данных других языков Кавказа. Для удобства анализа эти большие поля разбиты на более мелкие группы.

Как уже отмечалось в предыдущей статье², кавказизмы представлены во всех сферах лексики осет. языка. С учетом всех семантических полей, наибольшее количество слов усвоено из ПДарг. и ПНах. Соответственно, порядок подачи материала повторяет композиционное решение, примененное ранее, и сначала идут параллели с ПДарг., ПНах. и др. языковыми ветвями северокавказских языков, потом картвельские, тюркские и русские заимствования.

Реконструкции по подгруппам северокавказских языков сделаны на базе учета соответствий между языками, включая морфонологические чередования и данные косвенных основ. Частично их номера соответствуют базе на ресурсе StarLing, однако база этимологической авторской картотеки значительно расширена не только количественно (в отдельных случаях в 2–3 раза), но и по объему привлекаемых языков и материалов внутри каждой языковой подгруппы, а также реинтерпретации неправомерных схождений.

Ниже даются соответствия адаптации ПДарг. согласных, которые применимы в большей степени и для остальных

² Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. 2014, № 1(2). С. 76–129.

освоенных кавказизмов. Это является повторением материала из первой статьи для удобства пользования этимологиями. Разбор внутри таблицы идет от системы согласных ПДарг. языка. В ней разделены осет. отражения в зависимости от позиции начала и середины слова. В осет. полях дается праосетинская реконструкция, которая довольно очевидна при сопоставлении ирон. и дигор. материалов.

Через две косых линии отмечены допустимые контекстно обусловленные рефлексы в осет. полях. Они возможны, но необязательны, и их появление могло быть связано, например, со старой акцентуацией, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном специальном исследовании.

дарг.	осет. Т-	осет. -Т-	примечания
p-, -p-	p- (11), f- (4)	-b:(-) (6) // -rw- (2)	Спирантные рефлексы отмечены перед сочетаниями *Nδ, *Ip, *гр.
p̣-, -bʷ- ~ -p̣-	b-(z)- (3)	-b:- (3), -b- (1), ? -f- (2)	Причем в 2 случаях перед осет. *-z-. В срединной позиции со спирантом в глаголе 1 раз.
b-, -b-	b- (3+5)	-b:(-) (6+3), -b- (3+5)	Через ѝ+χ даны случаи, где по дарг. материалу не определяется *b или *v.
v-, -v-	b- (18), f- (2) (и далее в своем сложении -v- (1))	-b- (20), -w(##) (7) // -rv- (3), -wr- (1), -or- (1)	Начальные спирантные рефлексы в осет. перед *rd, *rt, *tr. В глаголе 1 раз встретилось -v-. Знак (##) означает конечнослоговую позицию.
-w-		-0- (6), -w(##) (4)	Знак (##) означает конечнослоговую позицию.
t-, -t-	t- (17)	-t- (10), -d- (2)	
ṭ-, -ṭ-	ṭ- (3) // d-D (1)	-d- (19), -d:(##) (13) // -nṭ- (1), -lṭ- (1)	Знак (##) означает конечнослоговую позицию. В случаях с усилением -d: отмечается 8 контекстов с предшествующим -г-.

дарг.	осет. Т-	осет. -Т-	примечания
d-, -d-	d- (7)	-d- (16) // -nt# (2), -rät# (2), -lat# (1)	С вторичной разбивкой части сочетаний.
δ-, -δ-	d- (10)	-d- (6) // -n(#) (1) (< *nδ)	
c-, -c-	c- (2)	-s# (1)	
ç-, -ç-	ç- (6) // з-D (4) (+ з-1 (2))	-з- (4), -rz# (1) // ? -ç- (2) (< *М-ç-)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным и 2 раза перед плавным.
з-, -з-	з- (6)	-з- (8), -z (4)	
z-, -z-	z- (8) // zäГ- (4)	-z(-) (24)	Аффрикатные начальные рефлексы перед звонкими заднеязычными спирантами.
s-, -s-	s- (18)	-s- (19)	
č-, -č-	c- (21) // з-D- (4)	-c- (5), -з (1)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным. Конечный звонкий рефлекс (морфонологический -з, при венг. kutya) отмечен в слове 'собака'.
č̣-, -č̣-	ç- (5) // з-D (2)	-з- (9), -lз:- (1) // М-ç- (2), -нç- (1)	Озвонченные начальные рефлексы перед звонким смычным.
ž-, -ž-	з- (5)	-з- (7), -з:- (1)	
ẓ̌-, -ẓ̌-	з- (3), z- (2)	-z- (7)	
š-, -š-	s- (16)	-s- (19)	
k-, -k-	k- (17)	-k- (4)	
ḳ-, -ḳ-	ḳ- (20) // g-(m) b- (2)	-ḳ- (12) // -g- (2), -g:- (2), -g# (2+1)	Звонкие срединные рефлексы из сочетаний с сонантами (в том числе с метатезой), а сильные 2 раза в контексте з-g:-.
g-, -g-	g- (17)	-g- (10), -g:- (4)	
ŷ-, -ŷ-	g- (8)	-g- (12), -b- (4)	
x-, -x-	χ- (4)	-χ- (6), -s- (1), -f- (1)	Сибиллянтный рефлекс в месте палатализации в дарг., а губной при отражении контекста *-vχ-.

дарг.	осет. Т-	осет. -Т-	примечания
q-, -q-	χ- (12), k- (4) // g-l- (2)	-g(-) (6), -g:- (2) // -mχ- (2), -rχ- (1)	Причем kaj, kǎ- (2) в случаях осет. велярного начала. Ср. развитие *ç-, *ǰ- перед плавным.
ǰ-, -ǰ-	k- (33) // g-l (2)	-k- (8), -g:- (2), -gl- (2) // -r/bχ- (2), -χ# (1) ?	Ср. развитие *ç-, *q- перед плавным.
g-, -g-	g- (17), g- (4)	-g:- (4), -b# (2) // -ng- (2)	
β-, -β-	β- (8+1)	-β- (14), (-χ (1))	С вторичным оглушением в контексте χ-fs- для начала. И 2 раза в середине отмечено выпадение во второй части сочетания.
χ-, -χ-	χ- (20)	-χ- (12)	Увулярный спирант.
ħ-, -ħ-	χ- (12)	-χ- (9)	Фарингальный глухой спирант. 1 раз в начале 0-g:- (диссимилиация?).
ħ-, -ħ-	χ- (1)	-0(w)- (4), -lv- (1)	Фарингальный звонкий спирант.
ʔ-, -ʔ-	ʔo- (2) (= wA-), 0- (2)	-0- (3), -χ (1)	Фарингальный смычный.
ʔ-, -ʔ-	0-	-0-	Гортанный смычный.

При подаче осет. слов сначала идет ирон. форма, через косую черту (/) следует дигор. форма. При подаче реконструкций перед сокращенным названием дан номер этимологии по соответствующей базе, после названия — номер этимологии в базе на уровень выше, т.е. номер северокавказской этимологии для кавказских языков. Кроме того, номер этимологии по базе может даваться в круглых скобках, когда пример идет в качестве иллюстрации. Многие этимологии В.И. Абаева существенно изменены и пересмотрены.

Семантическое поле «скот»

Сюда входят названия домашних животных за исключением семейства Лошадиных (эквидов), которые даны в следующем семантическом поле. Также рассматриваются их характерные признаки, анатомические части тела, продукты их жизнедеятельности, идущие в пищу (например, молоко) со способами их переработки или продукты, используемые для других нужд (например, шерсть). В поле включаются специализированные глаголы.

Сначала отмечены осет. слова (включая сложения), корневые части которых имеют иранскую этимологию (порядка 40 основ). Сюда относятся:

Общие термины (abstract)

осет. qom и первые части в qom-vos 'скот, стадо (крупного рогатого скота)', fɨs-vos 'скот (мелкий рогатый)', räbu ~ räbaw 'стадо (крупного рогатого скота)', stur-tä 'скотина' (но может быть и ПНах. (67) этимология).

Прилагательные (adjectives)

осет. χ^wišk 'яловая'.

Постройки и строительство (architecture)

осет. räz 'кошара', skät 'хлев'.

Части тела (body)

осет. sarm 'шкура', вторая часть в wäl-zarm 'шкура ягненка', fäsm 'шерсть (основной термин)', fäzdon 'вымя', q^win 'шерсть с одной овцы', si (и siқа?) 'рог'.

Коровы (cows)

осет. qug 'корова', räwäd, god 'теленки', wänig 'бычок', wäss 'теленки'.

Пища (food)

осет. äχsɨŋ 'молоко', saɣv 'топленое масло', sɨχt 'сыр', обе части в äχsɨŋi-särtä 'сметана, сливки', первая часть в äχsɨŋi-çärtä (при второй части ПНах. 353), обе части в fälmän-sɨχt 'творог' (для второй части может быть и ПДарг. 669).

Козы (goats)

осет. sänik: 'козленок'.

Свиньи (pigs)

осет. χ^{wi} 'свинья', обе части в näl-χ^{wi} 'боров', первая часть в χ^{wi}ji qibil 'поросенок' (при второй части ПНах. 1939)

Овцы (sheep)

осет. fɨs 'овца', wär 'барашек', wär, wärik: 'ягненок', первая часть в fɨsti zug 'отара' (ПНах. 1956), обе части в näl-fɨs 'валух'

Социальные термины (social)

осет. fäjjaw ~ fɨjjaw 'пастух' (или ПАнд. 287).

Глаголы (verbs)

осет. ärduzin 'холостить', ducɨn 'доить', wasɨn 'мычать', än-qizɨn käwɨn 'квасить', tuag känɨn 'киснуть', χizɨn 'пасти' (но может быть и ПНах. 1063), mɨŋ-mɨŋ känɨn 'ржать' (или ПЦез. 1730).

Остались неясными этимологии осет. параллелей для терминов 'комолый', 'мерлушка', 'буйволица', 'буйволенок', 'айран', 'простокваша', 'хряк'.

Группы упорядочены по английскому краткому названию и в дальнейшем будут даваться в таком же порядке при рассмотрении осет. заимствований из конкретных языковых подгрупп. Основы, допускающие двоякую интерпретацию источника заимствования, фигурируют в обоих разделах с соответствующими отсылками.

Даргинские заимствования

Общие термины (abstract)

осет. / *fir̄on* 'скот' (Абаев, I 475, 476 — отвергает сравнение с греч. *portis* 'теленка, телка', др.-инд. *pr̄thuka-* 'дитя'). Осет. основа формально является отыменным прилагательным *firt-on*. < 919ПДарг.884 **värti-x̄əj* ~ **värtə-x̄üj* 'овца молодая (от года до 2 лет); самец-производитель'.

Прилагательные (adjectives)

Постройки и строительство (architecture)

Части тела (body)

Коровы (cows)

Заимствования отсутствуют во всех четырех подгруппах.

Пища (food)

осет. *χ^wir̄χ* / *χir̄χä* (< **χir̄χä*) 'кислая сыворотка', а точнее: «сыворотка, остающаяся после створаживания молока, в результате окисления превращается в *χ^wir̄χ*; употребляется женщинами для мытья волос» (Абаев, IV 267 — нефонетичная иран. этимология). < 1184ПДарг.2716 **xörχö^ñ* 'пена (мыльная)'.

Здесь представлен не пищевой, а технический продукт, изготавливаемый на молочной основе.

Козы (goats)

осет. *säwқа* 'козленок (от шести месяцев до года)' (Абаев, I 307 — с нефонетичной этимологией). < 923ПДарг.760 **čaqun* 'коза (до 2-3 лет); рано окотившаяся коза'. В этой основе начальный осет. *с-* появляется по контаминации с *säw* 'козел', Самостоятельного суффикса *-қа* не существует.

Свиньи (pigs)

Овцы (sheep)

Социальные термины (social)

Заимствования отсутствуют во всех трех подгруппах.

Глаголы (verbs)

осет. bǎb-bǎb kǎnɪn / 'блеять (об овцах)'. < 1096ПДарг.807 *v'ǎ'- 'блеять (о овцах)'. Также ПАвар. (331), ПАнд. (331) с соответствующей для заимствования фонетикой и значением.

осет. meq:, meq:itǎ kǎnɪn (< *meG) 'блеять (о козах)'. < 2604ПДарг. *me'e- 'блеять (об овцах и козах)'. Также ПАнд. (333) с соответствующей для заимствования фонетикой и значением.

Эти ономатопоэтические основы в части случаев служат базой для образования нейтральных названий животных, или, наоборот, сами образованы от нейтральных названий. Интересно присутствие заднеязычного элемента в осет. при гортанном согласном в кавказских языках (фактически в поверхностной реализации -ʔ- айн).

В отличие от других лексических групп, здесь можно говорить о практическом отсутствии заимствований в этой сфере из ПДарг. Интересно лишь наименование 'козленка'.

Нахские заимствования

Общие термины (abstract)

осет. fos / fons (< *fōms) 'скот, имущество; добыча' (Абаев, I 479) с утверждением заимствования наоборот. < 2238ПНах. *hǎnc̣ɛm ~ -s- 'трофей, военная добыча' при 2236ПАнд. **hǐṃci- ~ **hǐṃci- 'науськивать, натравливать', 2017ПАвар. **hus:ə- 'натравливать'. Вторые части в **осет.** fǐs-vos 'мелкий рогатый скот', qom-vos 'крупный рогатый скот'.

осет. zɪg / zog (< *zog) 'стадо, отара; стая' (Абаев, I 399 — «усвоено из соседних кавказских языков»), zǐg^wɪŋ / zɪgɪŋ 'толпа, сборище; группа' (Абаев, I 402 — сравнение с коми šikör 'толпа, куча', хотя допускается связь с предыдущим словом). < 1956ПНах.3032 *žɪgɔn 'кучка, небольшая группа людей; куча, грудa, ворох; табун, стая'. Вторая часть в fǐstǐ zɪg 'отара'.

осет. ǎrdong 'стадо свиней' (РОС), 'стадо, стая, гурт' (Абаев, I 173 — с ПНах. этимологией). < 1406ПНах.271 *ardan-ga 'стая, толпа, банда, шайка'.

Прилагательные (adjectives)

Заемствования отсутствуют.

Постройки и строительство (architecture)

осет. *kärt / kært* 'загон' (РОС), 'двор' (Абаев, I 586, 587 — трактуется как возможный кавказизм). < 821ПНах.2018 **kerte* 'забор, ограда, изгородь; усадебный, дворовый'.

осет. *kävdäs / kävdäs* 'кормушка, ясли' > балк. *gebdeš ~ gäbdäš* 'кормушка, ясли' (Абаев, I 591 — интерпретирует как «инверсированное» сложение из **wäs-käd*- 'помещение для теленка'). < 1963ПНах. **ħavdej*(не) 'ясли, кормушка для скота', в осет. отражена форма pl., ср. инг. *ħäs ~ ħäjš*, чеч. шат. диал. *hövdε* (-š), кист. диал. *ħävde* (-š).

Части тела (body)

осет. *fist / fest* (< **fest*) 'шерсть весенней стрижки' (Абаев, I 476 — с предположением о существовании иран. этимологии и однокоренном происхождении с осет. *fäsm* 'шерсть'). < 679ПНах.797 **bʁästejɕe* 'весна'.

осет. *qʷimbil* / (< **qumvel*) 'шерсть очищенная' (Абаев, I 649 «звукоизобразительное»). < 2148ПНах. **qomolo* 'конопля; пакля'.

В этой подгруппе заимствованы только названия специфической (овечьей) шерсти.

Коровы (cows)

осет. *qambec* 'буйвол' (Абаев, I 618 — с предположением заимствования из груз. *qameci*, диал. *qambeči*). < 1564ПНах.2924 **qambece* 'буйвол'.

осет. *stur / ästor* (< **stor*) 'корова, бык', также 'скотина' в ирон. (РОС) (Абаев, III 155, иран. **staura*). инд.-иран. *uštra-*. < 67ПНах.1106 **üstuvɕe ~ üstujɕe* 'бык' (1106ПСК **jəmco*).

Отмечены только названия быков.

Пища (food)

осет. -*çäg* вторая часть в сложении *äxšni-çärtä* pl. 'сливки' как «молочные сливки», *çag / çagä* 'кора, кожица, шкурка,

скорлупка; оболочка, обертка' (Абаев, I 330 — как слово субстратного происхождения с набором разнокоренных форм). < 353ПНах.1049 *č(ǰ)orvoŋ 'кожура, оболочка; скорлупа; кожа; лыко' при бацб. čar 'кожа; кожура, оболочка'.

осет. kädor / 'творог, приготовленный из пахтанья' (< *kädor ~ *kǰ-), при груз. хевс. kalṭi 'творог' (Абаев, I 622 реконструкция из фиктивной мегр. формы "kotori). < 1076ПНах. *kaldō, *kaldō 'сыр, брынза; творог'. Груз. форма отражает бацб. фонетику.

осет. nälxä / nälxä 'сливочное масло' (Абаев, II 168 — «усвоено от соседей на Кавказе» с привлечением отличных по фонетике авар. и арч. форм). < 556ПНах.508 *nalxε 'сливочное масло'.

осет. sir / serä (< *serä) 'кушанье из муки и молочной сыворотки' В.И. Абаев (III 112) выступает против нах. этимологии, не предлагая ничего взамен, кроме лат. serum 'сыворотка, пахта'. < 559ПНах.1453 *šare < **šera 'сыворотка; пахта'.

осет. sili / sulu (< *sulu) 'свежая молочная сыворотка' (Абаев, III 196 — как «старое заимствование из тюрк.»). < 1698ПНах.1457 *sulevme 'дубитель, закваска (кожи)'. Изолированное груз. suluguni ~ sulguni 'молодой сыр без соли' отражает бацб. фонетику.

Козы (goats)

Заемствования отсутствуют.

Свиньи (pigs)

осет. qibil / qibil (< *Gibil) 'поросенок' (РОС), 'детеныш' (Абаев, II 320 — без этимологии), также χ^wijjī qibil / 'поросенок' с первой иран. частью 'свинья'. < 1939ПНах. *qivlō- 'водить, вести; поручить', также 'наставлять, увещевать' и р. part. *qivlo-ni 'увещеваемый, ведомый'. В осет. наблюдается развите значения 'воспитанник' или 'опекаемый'.

осет. zärb (, zärbätä) / zärbä 'свиноматка' (Абаев, I 395 — с нах. этимологией). < 408ПНах.1160 *žarβavna 'свинья, свиноматка'.

Если учесть осет. ärdong 'стадо свиней' (см. в разделе Общие термины), то свиноводство характеризуется значимым количеством ПНах. заимствований.

Овцы (sheep)

осет. dalis / dalis 'годовалая овца; годовалый баран, барашек' > сван. dalisw ~ dalüs 'барашек (от полугода до года)' (Абаев, I 342, — сравнение со сванским). < 1757ПНах. *dele- 'детеныш (домашнего скота)', сохраняющийся в бацб. сложении ps̄udc̄ilī 'теленоч, бычок'. В осет. освоена форма мн. ч. на *-š. ПНах. основа имеет параллели в ПЛезг. и ПЛак.

осет. kuist / 'баран (одного года)' (ОРС, РОС), 'годовалая овца, коза' (Абаев, I 604 — «кавказское слово?»). < (?) Неотмеченное сложение из 220ПНах.673 *kam̄e -J 'баран (самец); самец, мужского рода' (синхронные номинативы — ka, ko) и 2073ПНах.1116 *üsteb̄e 'овца; баран'.

Социальные термины (social)

Займствования отсутствуют.

Глаголы (verbs)

осет. χiz̄in (χiz̄t) / χezun (χiz̄t) (< *χez-) 'пасти; оберегать, ждть' (Абаев, IV 206, 207 — иран. *haiz-, в, как правило, префиксальном окружении и значением 'остерегаться, осматриваться'. «Индоевропейский прототип не просматривается»). < 1063ПНах. *ħažo-, dur. *ħežio- 'смотреть, посмотреть, взглянуть; ухаживать, присмотреть'.

Здесь обнаружены 23 основы, заимствованных или имеющих заимствование в своем составе. Интересно присутствие в общих терминах названий стад, фигурируют несколько важных заимствований, связанных с обустройством животных — 'загон' и 'ясли', наименования быков, набор заимствований в свиноводстве и в названиях молочных продуктов. Показательно освоение нейтрального ПНах. глагола как терминологического для значения 'пасти' из *'ухаживать'.

Аварские, андийские и цезско-дидойские заимствования

В данном семантическом поле присутствует не более десятка основ с учетом всех подгрупп восточно-кавказских языков, указанных в названии. Поэтому их стоило свести вместе. Обращают на себя внимание многочисленные лакуны.

Общие термины (abstract)

Прилагательные (adjectives)

Постройки и строительство (architecture)

Заимствования отсутствуют.

Части тела (body)

осет. / **сор:** (< ***соб:**) 'шерсть, клочок' (Абаев, I 337 — с неверным сближением с ирон. 'вершиной' и определением как звукоподражательного звукотипа). < 214ПАнд.573 ***čǔb-** 'очищать от шелухи, лущить, лузгать; обдирать, сдирать; оцарапать (кожу)'.⁷

Коровы (cows)

Заимствования отсутствуют.

Пища (food)

осет. **қәрә / қәру** 'кефир' > балк. **giri** (Абаев, I 627 — с нефонетичным мегр. сравнением). < 871ПАнд.1455 ***к(:)öbi-**, ***қöbī-** 'сметана; сливки'.

Козы (goats)

осет. **zigi-zigi** / (< ***zigi-** ~ *-и-) обращение к козам (козлятам) < 256ПЦД760 ***čikī(n)** 'козленок', ПЦез. ***čikīu**, ПДид. ***čikēv^w**. В ПЦД начальная придыхательная аффриката является развитием ПСК сильной глоттализованной ***č:-**.

Свиньи (pigs)

Овцы (sheep)

Заимствования отсутствуют.

Социальные термины (social)

осет. fǎjjaw ~ fǎjjaw/ fǎjjaw 'пастух' (Абаев, I 431 — от иран. *rāu- 'охранять' с нерегулярным рефлексом гласного и неясной аффиксацией как в äbdaw 'обычай', wǎzzaw 'тяжелый'). < 287ПАнд.191 *ixǎw- 'пастух, чабан; стадо', 287ПАвар.191 *hɛxɬaʔvə 'пастух, чабан'. В осет. следует предполагать метатезу "(h)ixɬaw > "x^wi(h)aw, может быть, в результате контаминации со своим корнем, восходящим к указанному иран.

Глаголы (verbs)

осет. ämbuχin / ämboχin 'мычать' (Абаев, I 141 — с членением и натянутой корневой этимологией). < 1509ПАвар. *ʕumə- 'мычать', авар. чад. dur. ʕum-b-ɛh-zi 'мычать' с регулярным чередованием гласного в dur. форме глагола, авар. хунз. buhud-ize 'кричать (о сове)'. Исходная форма заимствования имела вид "ʕum-buh-.

осет. än-tawin (äntid) / äntawun (äntud) 'заквашивать сусло' (Абаев, I 166 — с иран. этимологией из значения «рассыпать», что сомнительно). < 1982ПАнд.1458 **täb- 'гнить'.

осет. қоҳ-қоҳ ~ қоҳ-қоҳ kǎnɪn 'хрюкать' (нет у В.И. Абаева). < 2327ПАвар. *qaxij- 'несильный грохот'.

осет. mɪr-mɪr kǎnɪn/ mur-mur kǎnun 'ржать' (Абаев, II 141 — сравнение с инд.-евр. образным глаголом *mur(mur)-, но соотношение с животными представлено только в слав. > рус. *мурлыкать*, кроме того, этой основы нет в других иран. языках). < 1730ПДид. **mögä'- ~ **mägä'- 'мычать', при 1730ПЦез. **merad- 'мычать'.

Обращает на себя внимание набор образных глаголов, передающих звукоиспускание животных, которые отражают основы аваро-андо-цезского ареала.

Лезгинские заимствования

Сюда включены также заимствования из соседствующего хиналугского языка.

Общие термины (abstract)

Прилагательные (adjectives)

Постройки и строительство (architecture)

Части тела (body)

Заимствования отсутствуют.

Коровы (cows)

осет. boβ / boβä (< *boβä) 'бык' (Абаев, I 264). < 1678ПЛезг.2823 *vʷboj 'бык'. В осет. отражение первого гласного -o-, который присутствует лишь в цах. и шагдагском вариантах — цах. boβa, крыз. boβa.

осет. kʷiŋ / kuŋ (< *kuŋ) 'молодой бык' (Абаев, I 608 — с поволжскими этимологиями). < 686ПЛезг.673 *kʷwoŋə (~ -h-) 'молодая коза, козленок' (значение ПСК этимологии 'баран, самец, баран-производитель').

Пища (food)

осет. inʒin / ingin 'творог' (Абаев, I 544 — «кавказское слово?»). < 192ПХин.1449 *ɕngev ~ *ɕngir 'сыр'.

Козы (goats)

осет. säβ / säβä 'коза' (Абаев, III 58 — с пермскими и шумерскими этимологиями), näl-säβ 'козел (кастрированный)'. < 979ПЛезг.2425 *šɕgʷəŋ ~ -l 'овца (двух лет)', фонетически лучше 529ПХин.2425 *šäyŋ 'овца молодая (1-3 лет); овца-ярка'.

Свиньи (pigs)

Заимствования отсутствуют.

Овцы (sheep)

осет. fiŋ / fuŋ 'баран-производитель' (Абаев, I 499 — с сомнением от *rɕna- 'целый'). < 137ПЛезг.124 *šʷiwoŋ (~ š-) 'мужчина; муж; мужской, самец', при шагд. *fʷiri: крыз. firi, буд. furi.

Социальные термины (social)

Заимствования отсутствуют.

Глаголы (verbs)

осет. bob-bob känin 'мычать', однокоренное с bob / bobä (< *bōbä) 'бык', см. выше. < шагд. *boβa < 1678ПЛезг.2823 *vūboj 'бык'.

Западно-кавказские заимствования

Только из одной семантической подгруппы.

Козы (goats)

осет. säw / säw 'козел (некастрированный)' (Абаев, I 307 — с возможным нефонетичным иран. сравнением). < 301ПЗК1116 *āhča 'олень; козел-производитель', ПАТ *ča 'олень, оленуха', ПАК *a:žā 'козел-производитель'.

Остальные заимствования

осет. qajmaq / qajmaβ 'сметана, сливки' (Абаев, II 255, 256 — как тюркизм). < ПТюрк. *qajmaG 'сметана, сливки'. Так же основа звучит и на ПКыпч. уровне. Это — позднее карачаево-балкарское или кумыкское заимствование, как показывает его редкая употребительность в дигор.

осет. toq^wil ~ toqil / toquli ~ toguli 'баран, откармливаемый на убой' (Абаев, III 305 — как тюркизм). < ПТюрк. *toqli 'барашек (до года)'. Так же основа звучит и на ПКыпч. уровне. Не до конца освоенное кыпчакское заимствование из того же источника.

осет. dārḡ / dārḡä 'телка / козленок до года' (Абаев, I 358) < груз. *dētḡe- 'годовалая телка'. Сван. darg 'козленок от 6 месяцев до года' заимствован из дигор. источника через карач. или балк. посредство, ср. совр. карач. dārḡa 'кляча; в половину силы'.

Неизвестным остается происхождение осет. qästäl 'сыворотка' (Абаев, I 299).

Описывая спектр этимологий этой тематической группы, можно отметить, наряду со своими общими названиями

«скота» присутствуют даргинское и три нахских заимствования. В строительных терминах для скотоводства — два своих и два нахских случая. Заимствования в «частях тела» фигурируют только в названиях, связанных с шерстью и представлены двумя нахскими и андийской основой. Довольно широко разработана группа кисломолочных продуктов. Причем количество терминов, имеющих свои корни, почти такое же, как количество с заимствованными корнями. Стоит добавить, что абсолютное большинство заимствований для пищевых названий имеет нахскую этимологию. При изучении половозрастных терминов копытных домашних животных обнаруживаются следующие моменты. Количество названий, используемых для крупного рогатого скота, делится на равные группы — исконные по происхождению слова и заимствования. Причем заимствования отмечаются для названий самцов (быков), и они имеют лезгинские и нахские этимологии. Для «коз» существует лишь один свой термин в наименовании «козленка», остальные заимствованы из разных северокавказских подгрупп, исключая нахскую. Для «свиной» исконным является лишь общее название свиньи, а вся остальная терминология является нахской по происхождению. Не исключено, что осет. χ^{w_i} / χ и 'свинья' заимствовано в две ветви западно-кавказских языков — 2077ПАТ * $\dot{h}o$ -n- и убых. * $\chi\dot{o}$ ~ * $\chi\dot{c}\chi\dot{o}$, но не в ПАК *qo. Хотя, с другой стороны, отсутствие рефлекса велярного *-k-, а все остальные иран. языки отражают развитие иран. * $\chi\dot{u}ka$ -, может указывать на влияние или даже заимствование (?) из одного из этих языков. В названиях «овцы» абсолютно доминируют иранские по происхождению основы, хотя отмечаются название самца (из лезгинских языков) и два названия молодых животных (из нахских языков). Непростой случай с наименованием «пастуха». В.И. Абаев предлагает дериват с неясным аффиксом от иранской основы, причем с нерегулярным отражением первого гласного как старого *-i-. Такого типа деривата нет в других иран. языках. Существует лобовое по значению соответствие

в аваро-андийских языках, но тогда следует предполагать редукцию первого гласного и перенос получившегося "-j- через огубленный велярный спирант. В глаголах-терминах базу составляют иран. по происхождению основы. Заимствования многочисленны только для «образных» глаголов, передающих звуки животных. В основной массе они заимствованы из аваро-андийских и цезско-дидойских языков. Главный глагол скотоводчества «пасти» находит иран. этимологию в корне *haiz-, как правило отмеченном в префиксальном окружении и имеющем общее значение 'остерегаться, осматриваться'. Причем, по утверждению В.И. Абаева, «индо-европейский прототип не просматривается». Этот корень, в таком случае, отражает заимствование из нахской глагольной основы *ħažo-, dur. *ħežio- 'смотреть, посмотреть, взглянуть; ухаживать, присмотреть'.

Семантическое поле «коневодство»

В данном поле представлено похожее выделение более мелких подразделений, но добавлено и техническое — tool, связанное с упряжью и транспортными экипажами.

Сначала даются осет. слова (включая сложения), корневые части которых имеют иранскую этимологию (чуть более 30 основ). Сюда относятся:

Общие термины (abstract)

осет. ġāḃaw 'табун, стадо', обе части в cälχ-wäd 'колея' (= «колесный след»).

Постройки и строительство (architecture)

осет. sġät 'конюшня, хлев' (общее слово для помещения для скота).

Части тела (body)

осет. ġarġ 'грива', säftäg 'копыто', обе части в fästäg ärdäg 'круп' (= «задняя половина»).

Лошадиные (Equides)

осет. bajrag 'жеребенок', jäfs 'кобыла' (< иран. 'лошадь'), wıngs 'жеребец' (< иран. 'самец').

Пища (food)

осет. вторая часть в bähı äħsıg 'кумыс' (= «лошадиное молоко»).

Социальные термины (social)

осет. baräg 'всадник, джигит', вторые части в bäh-gäs 'конюх' (= «смотрящий за лошадьми»), bähı-kusäg 'конюх' (= «рабочий с лошадьми/ на лошадях»), bäh-täräg 'конюх; возчик, возница' (= «погонщик лошадей»).

Техническое (tool)

осет. äfsär 'полоз' (< иран. 'челюсть'), (?) bagaläg 'телега, арба (с широким кузовом на низких колесах для перевозки сена, снопов)', salħ 'колесо', dändağ 'спица колеса' (< 'зуб, зубец'), fars 'борт телеги' (< иран. 'бок, ребро'), rätánađd 'оглобля', sämäp 'ось' (< иран. 'втулка, заноза'), wärdon 'воз, арба, повозка, колесница', и части собственно упряжи äftaugä 'потник, попона, чепрак, подседельник', bät:än 'коновязь, привязь' (< иран. *wand- 'вязать'), bos (< *boms) 'коновязь, привязь' (< иран. *wäs- ? 'вязать'), widon 'узда, уздечка', обе части в äb-däpsoj 'стремя' (= «опора бедра»), (?) säfħad 'подкова' (= «скобы нога»?), dımi-tong 'подхвостный ремень', gaß-bos 'потник, чепрак, чересседельник', вторые части в bähı zawmatä 'упряжь', bähı fälıst 'упряжь'.

Глаголы (verbs)

осет. säwın 'ехать' (< иран. 'идти, ехать, двигаться').

Не ясны эквиваленты для терминов 'ослица', 'упряжная лошадь', 'псалии', 'супонь', 'щетка (надкопытная)', 'днище телеги', 'воз сена', 'колодка на оси', 'планка', 'подвода', 'седельная сумка', 'седло (вьючное)', 'супонь', 'язычок плети'.

Даргинские заимствования

Отмечены только в одной подгруппе — технических терминов и упряжи (tool).

осет. / *sonäb* ~ *sonuḅ* (< **sonäb* < "саноб") 'сани; челюсть', эта основа контаминирует с основной *zonḅ* / *zonuḅ* 'сани; челюсть' (Абаев, I 397 — «культурное слово широкого европейско-азиатского распространения»), заимствованной из ПНах. **žāna* 'вращающаяся ось веретена; подшипник мельничного жернова' (2756). < 1166ПДарг.2065 **čāpō* 'вэ 'сани', но, возможно, лучше трактовать как заимствование из 1353ПАвар.2065 **čanḅo*? 'челюсть; сани'.

осет. / *bujnaγ* (< **buniay*) 'войлок (?)', в примерах «войлочная (?) плетка», «спать на ... из грубой шерсти» (Абаев, I 269 — с «народной этимологией» из *'нижний'). < 971ПДарг. **bānūj*(və) 'полоска кожи, ремешок, веревка'.

осет. *gox* / 'повод', pl. *gox-tā* / 'вожжи' (Абаев, II 422 — неправомерное сравнение со слав. **raĭka* 'рука'). < 588ПДарг.1620 *(?)*uγxurə* 'уздечка' или 638ПНах.1620 **urγe* 'вожжи; повод уздечки; управление'.

осет. *zβällag-kom* / 'удила' — словосложение со второй частью -*kom* 'рот'. В первой части *zβār* / *äsqār* (< **āzGār*) 'доспехи, латы' (Абаев, IV 308, 309 — восточно-иранские формы, восходящие к **zūāγ-* с тем же значением, откуда заимствовано др.-инд. *jaṅaga-* 'панцирь'). — 1468ПДарг. **mazyarə* (~-z'-) 'медь; бронза'. Основа могла быть заимствована с утерей первого слога, или в ПДарг. представлен незасвидетельствованный префиксальный вариант из семитских или картвельских языков со значением «(предназначенный) для лат, панциря». В последнем случае это интересная изоглосса с заимствованием из общего источника.

Фактически, заимствованной лексики коневодства из ПДарг. не отмечается. Первый и третий случаи имеют альтернативные этимологии. Во втором случае это название плети, и оно может относиться и к пастушеству.

Нахские заимствования

Общие термины (abstract)

Постройки и строительство (architecture)

Заимствования отсутствуют.

Части тела (body)

осет. qul / ʁolä (< *ʁolä) 'бабка для игры, альчик' (Абаев, II 313 — иран. *yūla-). < 328ПНах.158 *ʁovlō-j 'альчик, бабка; сухожилие (лодыжки?); шаг'. ПНах. основа имеет хорошую ПСК этимологию. По облику и значениям источником для иран. форм и осет. может быть только ПНах.

Лошадиные (Equides)

осет. emlik / emellek, emillik (ОРС) (< *emēl'čək) 'дикая, необъезженная лошадь' (Абаев, I 412 — «усвоено от соседней» с правильным нахским сближением и неверной тюркской этимологией). < 2038ПНах.1128 *emelke(v) ~ -m 'неприрученная лошадь; дикое, неприрученное животное'.

Пища (food)

Заимствования отсутствуют.

Социальные термины (social)

осет. baräg (baržitä) (< *baräy) 'всадник' (Абаев, I 236 — с иранской этимологией *bāraka от несохранившегося глагола «ездить верхом»). — 2014ПНах. *bεreju (~ -y-) 'всадник, наездник, джигит' при ПАрч. параллели *vəgi- 'юноши' (1758). Постулирование обязательного осет. заимствования в ПНах. необязательно.

Техническое (tool)

осет. jεxsi-qäd 'кнутовище', где вторая часть qäd / ʁädä (< *ʁädä) 'дерево (материал); ствол, стебель, древко; бревно; лес' (Абаев, II 281). < 149ПНах.735 *ʁadmə, *ʁadHəmə 'стебель, ствол'. Первую часть см. в ПАрч. 1526.

осет. гоҳ / 'повод', pl. гоҳ-тă / 'возжи' (Абаев, II 422 — неправомерное сравнение со слав. *raka 'рука'). < 638ПНах.1620 *urχe 'возжи; повод уздечки; управление' или 588ПДарг.1620 *(?)urχurə 'уздечка'.

осет. wīt:nī-käbäl 'чека оси', букв. «... головка» (нет у В.И. Абаева). — 1490ПНах. *winte 'винт' (чеч. wint, инг. fent). Судя по осет. сильному согласному на месте сочетания с -n-, здесь представлено заимствование.

осет. зонĭб / зонуб 'сани; челюсть', контаминирующее с **осет.** / сонăб ~ сонуб (< *сонăб < "санаб) 'сани; челюсть' (Абаев, I 397), заимствованном из ПАвар. *čanbo? 'челюсть; сани' (1353). < 2756ПНах. *žānā 'вращающаяся ось веретена; подшипник мельничного жернова'.

осет. sāmān 'ось' (Абаев, III 64, 65 — с иран. и инд.-евр. этимологиями со значениями 'дышло' и 'заноza ярма'). > 920ПНах. *semHen ~ -m 'ось' и таб. (Плезг.) sam (-ru, -ar) 'ось арбы'.

осет. wārdon / wārdun 'воз, арба' (Абаев, IV 92 — с хорошей индоевропейской этимологией) — 1624ПНах. 1459 *wordom 'арба (горская), воз, подвода', в дериватах 'катушка', 'тачка'. Для постулирования прямого заимствования в ПНах. смущают регулярные ПСК параллели с абруптивными согласными 1355ПЛак.1459 *hörtōu 'большая тарелка', 1583ПАрч.1459 *hörtiw 'тарелка'.

осет. bāz-āmbārzān 'попона', первая часть трактуется как bāz- 'толстый' (Абаев, I 257), а для второй части предлагается деривация от глагола ām-bārzān 'покрывать', который В.И. Абаев (I 137) сравнивает со слав. *berg- 'беречь', что плохо по инд.-евр. соответствиям велярных. < 257ПНах.918 *bažHe 'табун, стадо (крупного рогатого скота); скотина' и 2686ПНах.2645 *barzača 'верхняя одежда, белье; латы', т.е. «одежда скотины».

Глаголы (verbs)

Заимствования отсутствуют.

Ясно видно, что за исключением слова для 'бабки, альчика', которое заимствовано в игровом значении, остальные заимствования связаны лишь с технической терминологией и частями упряжи.

Аварские и андийские заимствования

Из-за их немногочисленности стоит рассматривать вместе ПАнд. и ПАвар. заимствования.

Общие термины (abstract)

Постройки и строительство (architecture)

Заимствования отсутствуют.

Части тела (body)

осет. бесік: (besič:itä) / be(n)cuk:ä (< *bētucig:) 'чуб, локон, челка' (Абаев, I 258, 259 — «происхождение неизвестно»). < 51ПАнд.17 *böčj- 'чуб; шкура (козы)'; заимствование из собств. анд. bočiči в вторичным переразложением и выделением формы sg. Из осет. слово попадает в виде *bunčūG 'бунчук, клок волос у наконечника копья' в стандартно-тюркские языки (огузский, кыпчакский, карлукский).

Лошадиные (Equides)

осет. qäläw / 'осленок' (нет у В.И. Абаева). < 604ПАнд.1132 *qälλ:an- ~ *qälqäl 'осленок'. Новое заимствование с адаптацией латерала через осет. -l-.

осет. χäräg / χäräg 'осел' (Абаев, IV 176, 177 — инд.-иран. соответствия, при иран. *xara-ka. Это слово не имеет надежной внешней индоевропейской этимологии). < 604ПАнд.1132 *qälλ:an- ~ *qälqäl 'осленок'. Старое заимствование того же корня в иран. языки.

осет. χäs:än / χärsän 'осел'. В.И. Абаев производит от «нести, таскать» (IV 188). < 757ПАнд. *q:arsj- 'осленок; кляча' при ПЛезг. параллели *χäsi- 'кастрированный' (2845).

Пища (food)

Социальные термины (social)

Заемствования отсутствуют.

Техническое (tool)

осет. ar*m / 'оглобля', у В.И. Абаева (I 67, 68) сведено с омонимом 'рука'. < 831ПАвар.1410 *ʕəŋmɛʔ 'жердь, шест'.

осет. / sonäb ~ sonuɞ (< *sonäb < "саноб' 'сани; челюсть', [эта основа контаминирует с зонɨb / зонuɞ 'сани; челюсть' (Абаев, I 397 — «культурное слово широкого европейско-азиатского распространения»), заимствованного из ПНах. *žānā 'вращающаяся ось веретена; подшипник мельничного жернова' (2756)]. < 1353ПАвар.2065 *čānboʔ 'челюсть; сани' или 1166ПДарг.2065 *čānɔ'və 'сани'.

осет. čil / qelä (< *qelä) 'обод; задняя часть ноги, обуви' (Абаев, I 633 — без этимологии). < 2433ПАвар.2596 *qiləʔ 'кольцо, крючок (на конце веревки)'.

Глаголы (verbs)

Заемствования отсутствуют.

Кроме интересного названия 'челки, чуба' из ПАнд. языков заимствованы три наименования ослов. А три технических термина, связанных с устройством телеги и названием саней, заимствованы из ПАвар. источника. По всей видимости, культуру использования ослов предки осетин получили через андийское посредство.

Цезско-дидойские, арчинские, лакские заемствования

Сюда включены редкие заимствования из языков западного и центрального Дагестана. Все они отмечены только в одной семантической группе.

Техническое (tool)

осет. jäxs / äxsä 'кнут, плеть', jɛχsɨ-qäd 'кнотовище' (Абаев, I 564 — разбивка на морфемы и произведение от глагола *ag-

(*az-) 'гнать'. В.И. Абаев отвергает сравнение с авест. *yaḥšti-* 'ветка', предпочитая авест. *aštrā-* 'плеть'; в первом случае далеко по смыслу, во втором — неясности в фонетике). < 1526ПАрч.1892 ***fiəχšā-0* 'рвать, рубить; рваться, трескаться'. **осет.** *роχ* / 'колесо плуга, грядиль, дышло' (нет у В.И. Абаева). < 1955ПЛак. **риχ̣iу-* 'круг (начерченный на земле для игры в альчики)'.
осет. *χäbäs:äg* 'козлы', дериват от *χäbäs* / *χäbäz:ä* 'раскоряка' (Абаев, IV 149 — «звукоизобразительное слово»). < 714ПЦД1546 **χam̄sə-* 'щипцы, клещи', при ПДид. **χam̄səŋv^w*, а ПЦез. **χosum^wгə*.

Набор лексики, связанный с транспортом.

Лезгинские заимствования

Лошадиные (Equides)

осет. *bäχ* 'лошадь, конь' > груз. имер. *baχi* 'невзрачная, негодная лошадь горской породы' (Абаев, I 255 — «слово относится к субстратному (кавказскому) слою осетинской лексики» с неправомерным сближением с нах. 'жеребенком', имеющим абруптивный увулярный смычный **beqōg ~ -j*); также многочисленные производные с первой частью в качестве композита, включая *bäχzɨn* 'верховой', *bäχ-gäs* 'конюх', *bäχ-tägäg* 'возчик, возница'. < юго-зап. **wājχi-ra* 'кляча', дериват от 1209ПЛезг.1812 **həχō-г ~ -n* 'худой'. Точно такое же развитие первого согласного наблюдается в заимствовании из того же источника — **осет.** *bälas* / *bälasä* (< **bälasä*) 'дерево (растущее)' > балк. *balas* 'волокуша для сена; салазки из молодых деревьев для транспортировки сена с гор' (Абаев, I 247 — с нефонетичной инд. этимологией *palāša-* 'листва' с плавным серединным сонантом и глухим началом). < 3001ПЛезг. **hōlōšü* 'граб', основа отмечена только в юго-зап. языках и там она восходит к юго-зап. форме **wälāsü*.

Техническое (tool)

осет. *särt-miχ* 'коновязь' с неясной первой частью, по В.И. Абаеву (III 86), восходящее к слову 'долото'. Во второй части

присутствует *mīχ / mēχ* (< *mēχ) 'кол' (Абаев, II 126 — сопоставление с авест. *mauxha kāsakaina* 'стенное украшение из самоцветов'. Слово есть в совр. иран. языках с тем же значением и отражающее рефлексы *maix-). < 1610ПЛЕзг.2385 *mēχil ~ -г 'гвоздь'. Иранский материал указывает на заимствование из лезгинской ветви.

осет. *sāmān* 'ось' (Абаев, III 64, 65 — с иран. и инд.-евр. этимологиями со значениями 'дышло' и 'зано́за ярма'). > таб. (ПЛЕзг.) *sam* (-ru, -ar) 'ось арбы' и 920ПНах. *scmHep ~ -m 'ось'.
осет. *χогзеп / χигзип* (< *χōgзēn) 'переметная сума'. < 2854ПЛЕзг. *χōgзип 'переметная сума, хурджин' (2854). С подобной огласовкой и серединной аффрикатой существует только ПЛЕзг. основа среди северокавказских языков. Арабо-перс. аналогичный технический термин *χигзип* внешней этимологии не имеет, а в ПСК ветвях кроме значения 'вьюк; чересседельные сумки' встречается и значение 'учкур, гашник' (< *«подвязка») в нахских языках.

Единичные, но культурно значимые ПЛЕзг. заимствования.

Западно-кавказские заимствования

Техническое (tool)

осет. *g^wiffä / guffä* 'кузов арбы' > каб. *gufō* 'дышло' (Абаев, I 529 — с неправильным каб. и правильным убых. соответствиями). < 218ПЗК793 *ku 'арба, телега, повозка', 1281ПАК2117 *раб̄и 'деревянная часть плуга' и *gu-раб̄и 'дышло', убых. *ро̄би 'деревянная часть плуга', *ku-ро̄бц 'дышло'. Из ПЗК языков также заимствованы мегр. *қоре* 'задняя поперечная доска арбы', груз. *қоро* 'принадлежность саней'.

Тюркские заимствования

Лошадиные (Equides)

осет. *alasa / alasa* 'мерин' (Абаев, I 44 — с тюркской этимологией). < ПКыпч. *alaša, ПТюрк. *ulaša 'мерин'.

осет. *qadir / qadir* 'мул' (Абаев, II 255 — с заимствованными кавказскими этимологиями). < ПКыпч. *qadir 'мул, лошак'.

Техническое (tool)

осет. sarʃ / sarʃ 'седло' (Абаев, III 34, 35 — с иранской этимологией при согд. s'ʔg 'седло'). Также дериваты sarʃi bəx 'верховой', sarʃi gor: 'изгиб седла'. < ПТюрк. *saʔri 'круп лошади, кожа на хребте'.

Специфическая болезнь

осет. maŋqa(w) / maŋba(w) 'сап' (< *maŋ-ʃaw как бы с внешними сандхи) (Абаев, II 69 — с тюрк. этимологией). < ПКыпч. *maŋqaw 'сап'.

За исключением 'седла', которое, возможно, является более ранним заимствованием в иран. языки, отмечены только этимологии кыпчакского вида.

Русские освоенные заимствования

Техническое (tool)

осет. boʒi 'вожжи' < рус. *вожжи*.

осет. diʃla 'дышло' < рус. *дышло*.

осет. qozla 'козлы' < рус. *козлы*.

осет. ɣamut 'хомут' < рус. *хомут*.

Остаются неясными этимологии осет.: первая часть в saud bəx 'кляча', fəlg^wir 'обод', məsɣ 'ступица колеса', məsiɡ^wat 'холка', təli 'обруч'.

Анализ лексики осет. семантического поля «коневодство» показывает, что довольно большая часть терминов представлена описательными конструкциями в виде словосочетаний. Причем, семантика термина прямо выводима из значений частей. Это внушает подозрение в терминологичности таких сочетаний. В специфических частях тела в качестве заимствованию фигурируют периферийные «бабка» и «чуб, челка». Термин для «всадника» является общеиранским, но сам он может продолжать северно-кавказского «юношу, молодца, всадника», заимствованного из нах. источника. В названиях

животных семейства Лошадиных фигурируют 3 иранских основы — «жеребец» (< иран. 'самец'), «кобыла» (< иран. 'лошадь, конь') и «жеребенок». Из нах. языков заимствовано название «дикой лошади», из андийских языков 3 названия для «осла», а из юго-зап. лезгинских общее слово для «коня, лошади» (в источнике заимствования это слово значит 'кляча', в картв. заимствовании из раннего осет. 'невзрачная, неказистая лошадь'). В более позднее время появляются кыпчакские тюркские заимствования для «мула» и «упряжной (гужевой) лошади». В общей (и транспортной) технической терминологии отмечено следующее соотношение — 8 своих и как минимум 11 заимствованных терминов, куда добавляются два русизма. Любопытно, что нет лексических различий между видами колесного транспорта, предназначенного для грузов или людей, понятия «воз», «арба», «телега» и т.д. передаются одним и тем же термином. В качестве заимствований есть «плетка (спец.)», «кнут», «чека оси», «оглобля», «обод», «сани», «колесо (плуга), грядиль», «козлы», «коновязь», «кузов арбы» и поздние (рус.) «дышло», «козлы». В терминологии конской упряжи — 10 своих терминов и 8 заимствований, с добавочным тюркизмом и двумя русизмами. Как заимствования отмечены «попона», «повод, вожжи», «переметная сума», и (тюрк.) «седло», (рус.) «вожжи», «хомут».

Этимологический анализ семантических полей «скот» и «коневодство» позволяет сделать некоторые выводы о культурном уровне развития данных отраслей у предков осетин к моменту начала контакта с кавказскими народами. Несомненно, они имели прирученных коров и пользовались кисломолочными продуктами. Как свидетельства освоения новых пород коров могут служить заимствованные возрастные названия для быков-производителей. Козоводство было в зачаточном состоянии, или его не было вовсе. Тоже самое можно сказать и про свиноводство, однако, здесь уже удастся проследить у кого были заимствованы свиноводческие термины, — это нахские народы. Овца была хорошо известна и

освоена. Заимствовались лишь названия самца-производителя (от лезгинских народов южного ареала) и специфические категории молодых животных (от нахских народов). Была своя развитая обработка шерсти, хотя также есть заимствования специальных терминов, полученных от нахов и андийцев. Наименования «пастуха» и глагола «пасти», по всей видимости, также являются заимствованиями, несмотря на то, что для глагола имеются иран. параллели. Имя заимствовано от аваро-андийских народов, а глагол из нахских языков. Связано это могло быть со сменой характера пастушеского выгона в новых географических условиях.

Коневодство тоже было известно, наряду с остальным скотоводством. Однако специфического термина для «конюшен», отличного от хлева для скота не фиксируется. Ставшее нейтральным название лошади заимствовано из юго-западных лезгинских языков, где оно обозначало «старую клячу». Из нахских языков заимствовано название «дикой лошади», а из андийских — термины для «ослов». По-видимому, для осетин более или менее активное использование «ослов» началось в их бытность на Кавказе. Позже от тюркок-кыпчаков была привнесена технология использования «мулов», как «тягловых лошадей». «Кумыс» называется просто «лошадиным молоком», что говорит о его ограниченном употреблении и использовании. Культуры вторичной переработки конского молока не отмечено. Существовало общее название транспортного средства без разделения видов по функциональности, что может косвенно указывать на неразработанность транспортного использования. Довольно большое количество кавказской лексики удается найти в транспортной терминологии и в названиях частей упряжи. С верховым «седлом» знакомство произошло через тюркское посредство. «Образные глаголы» речевой деятельности животных отражают аварскую и дидойскую системы. Картвельские заимствования в данных сферах лексики минимальны, что указывает на заимствование основной массы кавказизмов до контактов с картвелами.

Заемствования из дарг. в данных сферах лексики также представлены в очень ограниченном количестве.

Любопытно сравнить соотношение своей и заимствованной (или неясной лексики) для тематической группы «коневодство» в кавказских языках — в даргинском 54 своих термина и 11 заимствований, в нахском 57 своих и 12 заимствований. В осетинской лексике по самым оптимистичным подсчетам немногим более 30 слов, связанных с коневодством, имеют иран. этимологию. Терминологических заимствований из языков Средней Азии нет. Лексический материал разобранных подгрупп не дает право соотносить предков осетин с кочевническими культурами. Распределения заимствованной лексики по языкам-источникам позволяют указать географические ареалы контактов. По этим данным и по данным анализа других подгрупп вырисовывается миграция с территории Северного Азербайджана по Алазанской долине, проживание на южных отрогах Большого Кавказского хребта в центральной части, а затем переселение на северные предгорья Кавказа.

Сокращения

caus.	каузатив
dim.	уменьшительное, диминутив
pl.	множественное число
sg.	единственное число
абх.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
анд.	андийский
араб.	арабский
арм.	армянский
арч.	арчинский
балк.	балкарский диалект
бацб.	бацбийский

буд.	будухский
венг.	венгерский
вост.	восточный
греч.	греческий
груз.	грузинский
дарг.	даргинский
диал.	диалектное
дигор.	дигорский диалект (язык)
др.-	древне-
зап.	западный
имер.	имеретинский диалект
инг.	ингушский
инд.	праиндийский, древнеиндийский
иран.	праиранский
ирон.	иронский диалект (язык)
ааб.	кабардинский
кар.-балк.	карачаево-балкарский
карач.	карачаевский диалект
картв.	картвельский
кист.	кистинский диалект
крыз.	крызский
кумык.	кумыкский
лаз.	лазский
лак.	лакский
лезг.	лезгинский
лечх.	лечхумский диалект
лит.	литературный
мегр.	мегрельский
нах.	нахский
осет.	осетинский
ПАвар.	прааварский
ПАК	праадыго-кабардинский, праадыгский
ПАнд.	праандийский
ПАрч.	праарчинский
ПАТ	праабхазо-тапанский

ПБулг.	прабулгарский
ПГЗ	прагрузинско-занский
ПДарг.	прадаргинский
ПДид.	прадидойский
перс.	персидский
ПЗК	празападнокавказский
ПКарт.	пракارتвельский
ПКыпч.	пракыпчакский
Плак.	пралакский
ПЛезг.	пралезгинский
ПНах.	пранахский
ПСК	прасевернокавказский
ПТюрк.	пратюркский
ПХин.	прахиналугский
ПЦД	працезско-дидойский
ПЦез.	працезский
рач.	рачинский (рачский) диалект
рус.	русский
сван.	сванский
слав.	славянский
совр.	современный
согд.	согдийский
таб.	табасаранский
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
хевс.	хевсурский диалект
хин.	хиналугский
хунз.	хунзахский диалект
цах.	цахурский
чад.	чадаколобский диалект
чеч.	чеченский
чув.	чувашский
шагд.	шагдагский
шат.	шатоевский диалект
южн.	южный

Словарные материалы

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва–Ленинград, 1958.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград, 1973.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Москва, 1979.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Ленинград, 1989.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. Москва, 1995.

Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. Москва, 1970.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Гуриев Т.А. (ред.) Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.

Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

Этимологическая база данных аварского языка (avaret более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных андийских языков (andet более 2500 этимологий).

Этимологическая база данных арчинского языка (avaret более 1800 этимологий).

Этимологическая база данных даргинских языков (darget более 3100 этимологий).

Этимологическая база данных западно-кавказских языков (abadet более 3800 этимологий).

Этимологическая база данных картвельских языков (kartet около 1700 этимологий).

Этимологическая база данных лакского языка (laket более 2600 этимологий).

Этимологическая база данных лезгинских языков (lezget более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных нахских языков (пахет более 3000 этимологий).

Этимологическая база данных северно-кавказского языка (sauket около 3100 этимологий).

Этимологическая база данных цезских и дидойских языков (sezet около 2300 этимологий).

Литература

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. Москва–Ленинград, 1949.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. 2014, № 1(2). С. 76–129.

Олег Алексеевич Мудрак
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Oleg Alekseyevich Mudrak
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
omudrak@yahoo.com

**Некоторые проблемы
миноритарных языков Памира
(к становлению письменности и литературы)
*The development of writing systems and written literature
in Pamir minority languages***

Эдельман Д.И.

Edelman J.I.

Стремление народов Памира к выработке письменности и письменной литературы на родных языках имеет глубокие корни в виде богатого фольклора и давнего знакомства грамотных людей с классической персидско-таджикской литературой. На протяжении многих десятилетий интеллигенция Памира добивалась разработки алфавитов и публикации литературных произведений на родных языках. Сейчас мы видим процесс реализации этих усилий.

Ключевые слова: родной язык, письменность, алфавит, литература

The peoples of the Pamir Mountains have for many years longed to develop writing systems and written literature in their native languages. This aspiration is deeply rooted in their rich folklore traditions and in the fact that literate people knew the classical Persian-Tajik literature. Pamir intellectuals strived for many decades to produce alphabets and publish literary works in their native languages. Today we can observe the effect that these efforts are having.

Keywords: mother tongues, written language, alphabet, literature, Pamir languages, Indo-Iranian

История «малых» языков Памира в XX и начале XXI вв. свидетельствует о борьбе их носителей не только за само выживание этих языков в эпоху глобализации, но и за повышение социального статуса, расширение общественных и культурных функций некоторых из них.

Речь идет о так называемых памирских языках, на которых говорят малочисленные народы Западного и Южного Памира и примыкающих регионов, образующих ареал, называемый Бадахшаном. Это продолжения древних языков и диалектов восточноиранской группы, в отличие от государственного таджикского языка, принадлежащего к западноиранской группе. К памирским языкам относятся:

1. Так называемая шугнано-рушанская группа языков или диалектов: шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский. На них говорят в северо-западной части Памира — в Горно-Бадахшанской автономной области (далее ГБАО) Республики Таджикистан и в прилегающей к ней провинции Бадахшан в Афганистане. Входящий в эту группу сарыкольский язык распространен в местности Сарыкол Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Все языки этой группы взаимопонимаемы, однако единой объединяющей их надъязыковой (или наддиалектной) нормы не существует, поэтому их называют языками, диалектами или языками/диалектами шугнано-рушанской группы.

2. Язгулямский язык, генетически близко родственный языкам шугнано-рушанской группы, но без взаимного понимания. Распространен в долине Язгулям, севернее шугнано-рушанского ареала, в ГБАО Республики Таджикистан.

3. Ишкашимский язык, отдаленно родственный выше-названным, без взаимопонимания, распространен в южной части ГБАО и частично в Афганском Бадахшане.

4. Сангличский язык, родственный ишкашимскому, распространен еще южнее, в Афганском Бадахшане.

5. Ваханский язык — распространен в относительно обширном регионе: на Южном Памире (в ГБАО), в прилегающих районах Афганистана, Северного Пакистана и частично в Сарыколе (КНР).

Точное число носителей памирских языков неизвестно. Переписи населения разных лет учитывали количество людей, проживающих в том или ином регионе Бадахшана, но не содержали информации об их родных языках¹.

Несмотря на генетические различия этих языков, они имеют относительно однотипный фонологический и грамматический строй, что объясняется общим субстратом (в виде неиндоевропейского языка бурушаски), единым суперстратом (о нем см. ниже) и многовековым межъязыковым общением в едином ареале. Это позволяет говорить о наличии здесь языкового союза [Додыхудоев 1970; Эдельман 1980а]. В некоторых трудах к памирским языкам причисляют также мунджанский и йидга, на которых говорят в долинах Восточного Гиндукуша, в Афганистане. Однако от языков, перечисленных выше, их отличает ряд существенных генетических и структурно-типологических черт.

Все памирские языки имеют в научной литературе статус бесписьменных. Языками письменности, книг на протяжении

¹ В ряде лингвистических и этнографических трудов приводятся оценочные данные о численности, например, шугнанцев (88 тыс. чел. на 1999 г. [Каландаров 2004: 7–8]), сангличцев (1312 чел. на 1996 г. и 1250 чел. на 2012 г. [Юсуфбеков 2013: 3]), ишкашимцев (менее 1 тыс. чел. на 2009 г. [Назарова, Назаров 2009: 166]), но это сведения о количестве людей, проживающих в данном регионе и принадлежащих к данному этносу. Лингвистический фактор учитывается не всегда: например, человек (особенно представитель молодого поколения), живущий в Ишкашима и называющий себя ишкашимцем, может быть таджикоязычным, а в Шугнана говорят не только по-шугнански. С другой стороны, родной язык может сохраняться в группах диаспоры вне памирского ареала.

многих столетий (а также школьного образования и средств массовой информации в наши дни), служат продолжения классического персидско-таджикского языка: персидский, таджикский и язык дари Афганистана; последние являются *lingua franca* бытового общения и тем самым — элементами общего суперстрата для местных языков. В последние годы в ГБАО в качестве второго *lingua franca* выступает шугнанский язык, на котором говорят в административном и культурном центре Памира.

О времени появления письменности на Памире существуют разные мнения. Известно, что в регионах Центральной Азии бытовали языки, письменные памятники которых дошли до нашего времени: сакский (в регионах Хотан, Тумшук, Муртук, памятники с начала VII в. н.э. до 2-й половины X в. н.э.), бактрийский (в исторической Бактрии, на территории юга Узбекистана и Таджикистана и севера Афганистана, памятники с I–III вв. н.э. на основе греческой графики), согдийский (значительно севернее, памятники с I в. до н.э.). В отдельных работах на основании свидетельств средневековых путешественников высказывается предположение о бытовании неких видов письма и на Памире. Однако пока зафиксированных письменных фрагментов не обнаружено, говорить об их присутствии в прошлом в труднодоступных горных ущельях трудно. Дошедшие до нас многочисленные наскальные рисунки и знаки-символы в разных регионах Памира не представляют письменного текста.

Достоверное появление письменной (и литературной) традиции на Памире и в соседних регионах связано с просветительской и миссионерской деятельностью поэта, философа и мыслителя XI в. Носира Хусрава (1004–1088). Это литература на классическом персидском (или персидско-таджикском) языке, в письменности на основе арабской графики. По-видимому, тогда же, как следствие просветительской деятельности Носира Хусрава, сформировалась присущая народам Памира тяга к книге, огромное

уважение к написанному слову, к книжной грамотности, которую отмечают историки, этнологи и просто путешественники разных лет.

Позднее, в XX в. она приведет, с одной стороны, к бережной фиксации устного народного творчества, а с другой — к потребности в выработке письменности и в образовании на родном языке, в создании авторских литературных сочинений, а затем и в нормировании литературного языка и т.п.

Уже в первых научных записях европейскими учеными в XIX в. текстов, словарей и просто списков слов разных памирских языков видно, насколько развит фольклор, богата его лексика и нормализована грамматика. Сравнение современных фольклорных текстов с записанными в XIX в. образцами стихотворных и прозаических текстов показывает, что традиционные жанры, базовые сюжеты практически не изменились. В корпусе волшебных сказок характерны сюжеты и персонажи, тесно связанные с местной памирской мифологией (о принципах зависимости волшебной сказки от мифа см. [Пропп 2000]; примеры, иллюстрирующие эту зависимость в фольклоре Памира см. [Курбонхонова 2011]). Интересно, что фольклор и XIX в., и нашего времени двуязычен: тексты создаются и на родных языках, и на таджикском². Мы застали здесь разработанный жанр сказок с песенными вставками, свойственный многим народам мира; при этом песенные вставки в сказках, исполняемые на определенные мелодии, часто поются по-таджикски, обычно — на местном таджикском диалекте.

Разработаны собственно песенные жанры: *булбулик* (от тадж. *булбул* ‘соловей’), *даргилик* (от шугн. *даргил* ‘горестный; в тоске’ — рифмованные бейты, обычно по 8 слогов в стихе, с грустной протяжной мелодией и

² Из двух первых песен жанра «даргилик», записанных в XIX в., одна была на таджикском языке, одна — на рошорвском, см. [Даргилик 1987: 9].

припевом *даргил-модик* или *даргил-даргил*; жанр возник из женской песни — тоски на чужбине о матери), *лалайик* (колыбельная, от *ла-ла* ‘баю-бай’).

Отмечается нормализация языка и стиля фольклорных текстов. Она особенно заметна в фонетике в виде относительно медленного темпа речи, четкой артикуляции, отсутствия или малого количества фонетических стяжений слов, а также в лексике в виде отбора слов условно «высокого» стиля. Практически это веками отработанный, нормированный стиль устной литературы. При этом, несмотря на общие жанровые фольклорные каноны, наддиалектная (или надязыковая) норма, как уже говорилось, отсутствует, все тексты бытовали и бытуют по-отдельности на каждом языке.

Рубеж конца XIX – начала XX в. на Памире ознаменовался глубокими социальными потрясениями, которые способствовали, помимо прочего, реализации стремления его народов к письменной культуре. Страдая от набегов афганцев и притеснений со стороны Бухарского эмирата, представители памирцев в начале 1890-х гг. обратились к правительству России с просьбой о вхождении в Российскую империю. В результате в 1895 г. на Памире появился российский пограничный отряд. Организована «Русско-туземная школа», работавшая с 1910 г. (по другим сведениям, с 1909 г.) по 1918 г. Это была первая светская школа (в отличие от немногих прежних религиозных), которая дала выпускникам выход из языковой, социальной и даже психологической изоляции: ее роль для Памира сравнивают с ролью Царскосельского лицея для России. Ее выпускники стали носителями грамотности для населения Памира, которое до того было почти сплошь неграмотными (особенно женщины). Одним из выпускников этой школы был Шириншо Шотемур (дек. 1899–27.10.1937), ставший впоследствии видным государственным деятелем Таджикистана и начальником республиканского штаба по ликвидации безграмотности. Об этом периоде истории см. [Каландаров 2004: 70 и сл.]

На фоне общего внедрения грамотности в СССР в 20-е – 30-е гг. и, соответственно, внедрения грамотности в Таджикистане на таджикском языке, с письменностью — сначала на арабской графике, затем, в конце 20-х гг., — на латинице, возникла идея создания письменности и для памирских языков на базе латинского алфавита. На это были направлены общие усилия российских и таджикских языковедов и отдельных представителей местной интеллигенции.

В результате начало 30-х гг. ознаменовалось буквально взрывным расцветом письменной культуры. Работа шла над письменностью для шугнанского языка как наиболее распространенного. Этому способствовало еще и то, что г. Хорог — центральный населенный пункт Шугнана, теперь уже был и административным и культурным центром ГБАО, образованной в 1924 г. в составе Таджикистана.

Шугнанский алфавит был разработан весьма детально и очень грамотно с точки зрения его соответствия системе шугнанской фонетики и фонологии. Этой разработке предшествовал большой труд по анализу звукового и фонемного состава шугнанского языка, поскольку он существенно отличается от таджикского. Для изображения фонем, отсутствующих в таджикском, дорисовывались буквы на базе латинских. Каждой фонеме соответствовала одна буква, диграфы отсутствовали, диакритики допускались только при обозначении долгих гласных фонем, чтобы отличить их от сходных по качеству кратких гласных. См. образец текста на шугнанском языке, иллюстрация 1.

На основе этой графики создавались и издавались, в основном в Сталинабаде (ныне Душанбе) и Ташкенте, учебники, особенно для начальной школы: буквари, книги для чтения, учебники арифметики, географии; было издано также несколько учебников для взрослых, в рамках движения ликвидации неграмотности. Начался процесс школьного образования и работа кружков обучения грамоте взрослых. Уже сам учебный

Īitumat Xorpuġt

*Īitum as xorpuġti wint xu lodi:
 „jid tu šudin ĉapān lap bezeb
 Ćizardat dam pinuġġ?“ Xorpuġt
 ciwob dođ: „Ńn jam bezeb! amo
 jam mu bezeb ĉapān muji as
 wūrĉat kud cāng xalos cūgġ.
 Ata tu lōvi dō jid tu pūxoh nār-
 mat saled ea, dōndga xizmat turd
 kiġt jo naj?“ Īitum oji sar tīzd
 xu gargaji nađod xu tojd.*

*Страница из шугнанского букваря,
 приведено по [Morgenstierne 1974]³*

процесс требовал выработки устного и письменного стиля литературного шугнанского языка.

³ Транскрипция текста: «*Īitum-at Xorpuġt*». *Īitum as xorpuġt wint xu lūd-i: «Yid tu šudin ĉapān lap bezeb. Ćiz-ard-at dam pinuġġ?» Xorpuġt ġiwob dođ: «Ūn, yam bezeb! Amo yam mu bezeb ĉapān mu-yi as wūrġ-at kud ĉang xalos cūġġ. Ata tu lūv-idō yid tu puġoh nārm-at saled ea, dūnd-ga xizmat tu-rd kiġt yo naj?» Īitum oyi sar tīzd xu ġar-ġa-yi nađod xu toyd.*

Перевод: «Заяц и ёж». Заяц увидел ежа и сказал: «Этот твой тулуп с иглами очень некрасив. Зачем ты его надел?» Ёж ответил: «Да. Он некрасив! Но этот мой некрасивый тулуп спас меня от когтей волка и собаки. А ты скажи: эта твоя одёжка, которая мягкая и белая, такую же службу тебе делает или нет?» Заяц тяжело вздохнул, (больше ничего) не сказал и ушел (букв. 'ушла', очевидно, подразумевается зайчиха, однако в тексте пол животных не был обозначен).

Создается художественная литература на шугнанском языке. Были опубликованы переводы с русского языка художественных произведений: В. Гауф «Маленький Мук» («*Ѕulikik Muk*») и Л. Кассиль «Льдина-холодина» (переведенное как «*Sumγot-i uaxparča*» «Подарок-льдинка»). И если «Маленький Мук» — сказочный текст — был в языковом отношении оформлен в привычном стиле волшебной сказки, то текст «Льдины-холодины» уже был выполнен в стиле литературного прозаического повествования с его специфическими языковыми средствами. Был подготовлен перевод на шугнанский язык романа М. Горького «Мать», однако издан он не был. Тогда же было заложено начало создания поэтических сочинений на шугнанском языке, построенных уже не только по фольклорным традициям, но и по литературным канонам, главным образом классической персидско-таджикской литературы.

Ведущую роль в этом процессе становления литературного шугнанского языка (а также в подготовке и издании учебников для младших классов и для взрослых) играл талантливый поэт и просветитель Нодир (Джамшед) Шанбезода, который ныне признан основоположником шугнанской поэзии, оказавшим влияние на других поэтов. Именно он ввел в те годы в поэзию на шугнанском языке правила классической персидско-таджикской литературы: ритмику аруза, жанры месневи, газель, китъа, рубаи. В 1937 г. он издал первый стихотворный сборник на шугнанском языке «Гулгунча» («Бутон»).

Однако уже наступали годы «Большого террора» во всем СССР. Сборник стихов Н. Шанбезода был уничтожен, а сам он репрессирован, как и другие представители нарождающейся памирской интеллигенции, которые начали работать к тому времени (Ш. Шотемур, поддерживавший просветительскую работу, был расстрелян 27.10.1937). Все работы по развитию литературы и обучения на памирских языках были закрыты. Образование, даже начальное, было целиком переведено

на официальный таджикский язык. Подробнее об этом периоде см. [Аламшоев 2009: 180].

Книги на шугнанском языке (учебники и художественные переводы, о которых говорилось выше) какое-то время еще хранились в фондах Центральной публичной библиотеки Таджикистана, в отделе краеведения, но в образовательном процессе уже не использовались. В 50-е гг. мне еще довелось там, в библиотеке (в то время она называлась Библиотекой им. Фирдоуси), поработать с этими книгами, однако позднее, в 70-е гг. они были уничтожены. Так языковая политика Таджикистана тех лет на долгие годы затормозила создание письменности на памирских языках, а тем самым и развитие литературы и разработку литературного письменного стиля.

Однако остановить этот процесс было уже невозможно: ряд писателей (главным образом, поэтов, но и некоторых прозаиков), которые публиковали свои сочинения по-таджикски, продолжали писать также и на родных языках — только «в стол». По имеющимся сведениям, это были в первую очередь носители шугнанского языка — наиболее «продвинутой» часть интеллигенции. (Попутно следует отметить, что в годы советской власти Памир отличался от остальных регионов Таджикистана самым высоким числом людей с высшим образованием и студентов. Сказалась многовековая тяга к книге, к письменному слову). К тому же на протяжении XX в. на Памире не ослабевает интерес к родному языку и культуре среди широких слоев населения.

В академической и университетской среде ведутся записи, исследования и публикации фольклора на разных языках Памира. Издаются книги, содержащие тексты разных фольклорных жанров: сказки, легенды, песни и т.п. (серии книг «Фольклор народов Памира», «Памирский фольклор»). Тексты строго паспортизованы, с указанием имени сказителя или певца, его возраста, места и времени

записи и обозначением записавшего лица. Печатаются исследования закономерностей разных фольклорных жанров, см., например, статью [Курбанов, Шакармамадов 1987: 5–17] в кн. [Даргилик 1987], многие статьи в академических сборниках «Памироведение», «Вопросы памирской филологии», в научных журналах.

При этом фольклорные записи, при всей их ценности для лингвистики и шире — филологии, а также для этнологии, религиоведения и т.д., являются, как уже говорилось, образцами устной литературы, со своим нормированием. Некоторое исключение представляют повествовательные тексты, жизнеописания, рассказы о событиях, об обычаях и т.п. Они относительно близки к литературной прозе, в частности к мемуарам, однако все же не подвергаются нормированию в качестве письменного рассказа, обращенного к невидимому читателю. Нередко в них встречаются прямые обращения к реальному собеседнику, попутные реплики и т.п. См., например, эпические по стилю рассказы о жизни, о строительстве дома и т.д. в кн. [Зарубин 1960], и более эмоциональные тексты о приметах, верованиях в кн. [Бромшоева 2012].

XX в. ознаменовался и глубоким лингвистическим анализом памирских языков, необходимым для создания письменности. В известной мере способствует этому и научный интерес к языкам и культуре народов Памира исследователей «со стороны». Особую роль здесь сыграла российская наука, в частности школа И.И. Зарубина в лице представителей лингвистических и шире — филологических школ Москвы и Санкт-Петербурга (в то время — Ленинграда). Тщательность записей и исследования системы каждого из памирских языков сопровождается в их работах этнолингвистическими наблюдениями и большими корпусами текстов. В результате к 90-м гг. XX в. были практически описаны (в синхронном и диахроническом аспектах) памирские языки и собраны большие корпусы текстов разных жанров.

В то же время к 90-м гг. XX в. усилились международные веяния, способствующие пониманию ценности родных языков, даже бесписьменных, «малых» и непрестижных.

Институт перевода Библии совместно с Российской Академией наук начал разрабатывать переводы на языки РФ и СНГ. При этом, помимо богословских задач, теории перевода и культурологии, немалое внимание уделяется также практике перевода на разные языки, в том числе и находящиеся на грани исчезновения. Эти проблемы обсуждались на широких форумах в 1996, 2000, 2008 гг. В рамках этого проекта были сделаны переводы фрагментов Евангелия от Луки на языки Памира: шугнанский, рушанский, язгулямский и ваханский. Для их публикации нами (Р.Х. Додыхудоевым и мною) были разработаны два варианта практического алфавита: на основе латиницы и кириллицы — с использованием букв таджикского алфавита и дополнительных знаков для каждого из языков Памира. Эти переводы были изданы в виде отдельных книжек на двух алфавитах, с иллюстрациями для облегчения понимания текста. Варианты алфавита и список основных орфографических правил опубликованы в приложениях к статье [Эдельман 2010: 198–201]. В книге [Перевод Библии 2010] во многих статьях подчеркивается, что одна из задач этих переводов — стимул к сохранению языков и к выработке и развитию их литературной нормы, к культурному обогащению народов. В предисловии к язгулямскому переводу один из переводчиков написал (привожу в русском переводе): «До сих пор на нашем языке такой книги не было. Мы впервые взяли на себя этот труд ... и у нас есть надежда, что она (то есть книга — Д.Э.) поможет, чтобы наш язык оставался живым и чтобы развивалась язгулямская литература» [Luqoi Injil 2001: 8–10].

Продолжалась работа Фонда «Языки в опасности» («Foundation for Endangered Languages»); очередная (13-я) конференция Фонда, совместная с Институтом гуманитарных наук Академии наук Таджикистана (г. Хорог) и Институтом

исмаилизма (Лондон), была проведена в 2009 г. на Памире, в Хороге. Обсуждались многие проблемы «малых» языков, «языков в опасности», «языков на грани исчезновения», включая памирские.

По решению ЮНЕСКО от 17 ноября 1999 г., с 2000 г. 21 февраля принято отмечать как «День родного языка», о чем напоминает и памирское общество «Нур» («Свет») — (NGO Nur, с центром в Шугнанае), которое ведет активную работу по сохранению языка и развитию его литературной формы, путем налаживания связей с лингвистами, участия в издании книг (включая дидактические книжки для детей дошкольного возраста), оцифровки собранных в экспедициях материалов и т.д.

В этих условиях к концу XX в. среди представителей новой памирской интеллигенции, высокообразованных на базе таджикского, русского (а некоторые и английского) языков, наблюдались две противоположные тенденции в отношении к родным языкам.

С одной стороны, они еще воспринимали родные языки как функционально ограниченные, пригодные для бытового, устного, неформального общения, а официальные публичные выступления должны были вестись по-таджикски (или по-русски). Это проявлялось и в речевом поведении. Например, в 1991 г. мне пришлось наблюдать выступление носителя шугнанского языка в большой аудитории, где слушатели тоже были шугнаноязычны. В зале он говорил с собеседниками по-шугнански, но как только поднялся на кафедру, автоматически перешел на официальный — таджикский — язык, несмотря на крики из зала: «Говори на своем языке» (традиционно в шугнанском, как и в других памирских языках, нет обращения «Вы»). Только один раз, обернувшись к кому-то в президиуме, попросил по-шугнански: «Дай воды».

С другой стороны, события начала 90-х гг., объявленная «гласность», с последующим распадом СССР,

независимостью Республики Таджикистан, языковая политика руководства Таджикистана, относительно большая свобода слова на Памире послужили толчком к публикациям на памирских языках. Расширяется функциональный диапазон этих языков, особенно шугнанского. Еще во времена СССР начали выходить местные газеты: с октября 1990 г. — «Фарҳанги Бадахшон» («Культура Бадахшана») — ежемесячное литературное приложение к газете «Бадахшони советӣ» («Советский Бадахшан»), с 1 апреля 1991 г. — «Маърифат» («Знание») — ежемесячное литературно-художественное приложение к газете «Коммунисти Шугнон» («Коммунист Шугнана»). В этих газетах печатаются как образцы фольклора, так и уже авторские литературные произведения. В основном, это стихи, рассказы, небольшие повести, юмористические миниатюры, шуточные «байки», сказочки для детей и прочее. Большая часть этих сочинений была на шугнанском языке, несколько меньше — на рушанском, однако были произведения и на бартангском, ишкашимском, ваханском, язгулямском языках, а также на киргизском (поскольку в состав ГБАО входит Восточный Памир, населенный киргизами) и даже на ванджском диалекте таджикского языка. Публикуются и небольшие сборники авторских стихов, например [Ҳабиб 1991] на шугнанском языке, [Раҳдор 1992] на рушанском.

Печатаются стихи основоположника шугнанской поэзии еще с 1930-х гг. Нодира Шанбезода. Его стихи представлены не только в виде газетных публикаций, но и в различных сборниках, и в уже появившихся трудах исследователей его творчества. Например, в качестве образца шугнано-язычной газели издано его стихотворение «Ба касе ҳавас надорам» («Другой не желаю») [Вопросы памирской филологии 1992: 173]. Позднее стараниями литературоведа и поэта В. Охонниёзова был заново издан многострадальный сборник Н. Шанбезода «Гулғунча», загубленный в 1937 г. [Шанбезода 1998].

Этот период — с начала 90-х годов XX в. явился вторым (после 1930-х гг.) прорывом литературной, письменной культуры памирских языков. Это были годы активизации писателей — поэтов и прозаиков Таджикского Бадахшана, и они выявили, судя по газетным и небольшим книжным публикациям, не только разнообразие фольклорных жанров (что тоже не забывалось), но и во многих случаях уже сформированный (оказывается!) к этому времени высокий уровень жанровой нормализации письменного литературного языка, прежде всего шугнанского; к этому времени реально уже сложилась ситуация, в которой шугнанский язык стал вторым *lingua franca* на Памире. Печатаются стихи многих поэтов, оформленные по высоким канонам классической литературы, начало чему заложил в 1930-е гг. Н. Шанбезда.

Об этапах освоения этого жанра свидетельствуют переводы на шугнанский язык произведений классической персидской литературы, например, стихотворный перевод произведения Носира Хусрава «Орёл» на шугнанский язык, выполненный поэтом Ато Мирходжа (опубликован в газете «Маърифат», 1991, № 2, с. 8). Главное же — появление собственных поэтических сочинений на шугнанском языке, построенных по классическим персидским канонам. Уже в этих небольших газетных и немногих книжных публикациях наблюдаются классические газели (с каноническими рифмами: *aa, ba, ca, da, ...* и т.д., с рефренами и с именем или псевдонимом автора в последнем бейте), рубаи (с традиционным оформлением и «философским» содержанием), месневи (с парными рифмами) и т.д.

Многие стихи и песенные тексты написаны в стиле современной русской и европейской поэзии. Анализ всего этого богатства — задача литературоведов, однако даже при беглом взгляде на многие стихи 90-х гг. заметны настолько сложные сочетания рифм и рефренов и построения

строф, что они со всей очевидностью свидетельствуют о предварительной фиксации и обработке текстов в письменном виде.

Таким образом, образцы письменной литературы начала 90-х гг. существенно отличаются от письменного творчества начала 30-х. В 30-е гг. грамотные люди писали для неграмотных, с целью их элементарного просвещения. В 90-е гг. пишут люди, образованные на базе как классической персидско-таджикской, так и современной таджикской литературы (это входило в школьный курс), знакомые с образцами русской и западной литературы и с фольклором на родных языках. И они пишут для читателей, имеющих в целом аналогичную образовательную базу и ценящих художественное слово. Это разговор на равных.

На этом этапе особенно остро возникала проблема практического алфавита, пригодного для литературных текстов, ориентированных на широкий круг читателей (языковой материал в научных трудах, включая публикации фольклора, обычно подается в научной транскрипции).

К этому времени и писатели, и читатели владеют грамотой и письменными (и читательскими) навыками, но на таджикском языке. Писатели пишут на родных языках, пользуясь поневоле таджикской графикой, не приспособленной к этим языкам, в расчете на читателя, который знает свой родной язык, умеет (в принципе) читать и может угадать значение того или иного слова. При всем неудобстве графики, писать и читать эти произведения можно, но с затруднениями, отчего художественный (особенно поэтический) текст воспроизводится тяжело.

Поэтому первой задачей прикладного характера явилось создание практических алфавитов, соответствующих фонетическим и фонологическим системам памирских языков. Предлагалось несколько вариантов, в разработке которых принимали участие лингвисты Москвы

и Таджикистана, включая представителей интеллигенции — носителей памирских языков. Для передачи фонем, отсутствующих в таджикском языке, были предложены как буквы-монографы с диакритиками, так и диграфы в разных вариантах.

В 1990-е гг., исходя из типографских возможностей Таджикистана, а особенно — Памира, предлагалось максимальное использование таджикского алфавита с очень небольшими изменениями. Например, для некоторых согласных фонем шугнанского языка, отсутствующих в таджикском, — диграфы: сочетания буквы с твердым знаком, изображения для долгих гласных — линейка над буквой, например: *дъийӯн* (*diyūn*) ‘два’, *дъйс* (*δīs*) ‘десять’, *зарӣзъ* (*zarīz*) ‘куропатка’ и др., см. [Карамшоев 1991: 8]; впоследствии эта идея в расширенном виде (для разных памирских языков) опубликована в виде брошюры [Карамшоев 1992]. Это был наиболее рациональный принцип для того времени, когда текст печатался на «пишущей» машинке и затем в типографии набирался или готовыми буквами-литерами, или на линотипе; к тому же часто текст был «слепым», учитывая бледную печать на рыхлой газетной бумаге. Однако на практике и этот приспособленный к памирским языкам принцип соблюдался не всеми авторами: в газетных и книжных публикациях наблюдаются случаи отсутствия твердого знака, замены его мягким знаком, отсутствия знаков длительности гласных, замены их двоеточиями после буквы и т.д. При этом разные передачи одного и того же звука иногда отмечаются у одного и того же автора и даже в одном и том же тексте.

В начале XXI вв., когда стал уже реальным компьютерный набор, иными стали и типографские возможности. Появились новые, более рациональные проекты. Кроме варианта, использованного в Институте перевода Библии

(буквы с диакритиками), были и другие предложения. Проекты обсуждались в разных учреждениях Таджикистана. В 2013 г. в секторе иранских языков Института языкознания РАН (Москва) сотрудником сектора Б.Б. Лашкарбековым (1948–2014) был организован семинар с обсуждением проектов алфавита, с приглашением писателей и поэтов, пишущих на памирских языках. По просьбам последних было решено, что алфавиты должны базироваться на основе привычной для них таджикской графики с некоторыми модификациями; идея о латинской основе не была ими принята⁴.

На данный момент наиболее удачным представляется шугнанский алфавит на базе таджикского с добавлением латинских и греческих букв, а также отдельных диакритик для обозначения специфически шугнанских звуков. Такой алфавит используется, в частности, для печатания детских книжек, издаваемых при международной поддержке. Книжки снабжены таблицей алфавита, в которой к каждой букве приводится шугнанское слово, начинающееся на данную букву, а к этому слову дается его перевод на таджикский и русский языки. Поскольку такие книжечки предназначены для детей от 2-х до 6-и лет, то таблица алфавита является подспорьем также и для взрослого человека, который будет читать этот текст малышу. Тем самым решаются проблемы и подготовки ребенка к школе, и обучения взрослого человека алфавиту и чтению письменного текста на родном языке. Тексты в таких книжках даются на двух языках: шугнанском и таджикском, что тоже облегчает ребенку последующее вхождение в школьное обучение. См. иллюстрации 2–3.

⁴ В Северном Пакистане создан алфавит на основе арабской графики для ваханского языка; в Афганистане — для шугнанского.

Хуўнўни алифбо

Aa аангит-ангушт-палец	Āā аан-гардан-шава	Бб бо-чо-чоринго-орех	Вв виру-абру-бровь
Ww вир-тург-волк	Гг гуйт-гуйлт-мисо	Ғғ гуй-гуйш-узо	Ҳў Ҳиндел-зан-чир-цет
Дд диф-доира-бубен	Дб дуст-даст-рука	Ее еиш-шикор-окога	Êê рбў-лона-пездо
Жж жон-гов-ворова	Зз зарра-наби-корратли	Зз зуни-хурд-малъимий	Ии чиб-кошук-посажа
Йй чид-хона-дом	Йй ленан-оина-зеркало	Кк куд-саг-собака	Ққ қимон-нон-хлеб
Лл леф-фурта-одерело	Мм маф-ғуй-банд-овша	Нн нан-мадор-мама	Оо остин-макир-салтанчида
Пп паб-из-след	Рр рийц-рйбул-лиса	Сс суз-суан-вила	Тт туб-тул-тутовник
Уу буд-дил-дин	Ўў бул-пошфа-ботини	Ўў бун-рини-борода	Фф фот-кафтар-вакхир
Өө өир-хокистар-пепел	Хх хир-офтб-солнце	Хх хуйц-шир-молово	Чч чуй-хурис-петух
Чч чириб-чурб-носин	Шш ши-ғусола-теленок	Цц цем-чаша-глаз	

Форзац и стр. 6 из кн. [Ризвоншоева 2015]⁵

⁵ Переводы текстов на стр. 6: шугн. «Тут и там (он) очень искал, одну морковь себе нашёл», тадж. «Искал что-нибудь съедобное, наконец, одну морковь нашёл».

В настоящее время по этому образцу подготовлены детские книжки на рушанском и ваханском языках.

Получила развитие и художественная проза. Издаются отдельные сочинения, пока только на шугнанском языке.

Проблемы письменной речи не исчерпываются алфавитом. Одна из насущных проблем этого круга — морфологический принцип орфографии. Дело в том, что в имеющихся публикациях соблюдается в целом орфография, принятая для таджикского языка и ориентированная на таджикскую морфологию. Однако шугнанская морфология существенно отличается от таджикской. В частности, здесь иное словосложение в глагольных формах. Так, в таджикском языке формы прошедшего времени образуются от глагольной основы прошедшего времени постпозитивным присоединением личного окончания, например тадж. *дирӯз ба хона омадам* ‘я вчера пришел домой’, в транскрипции:

<i>dirūz</i>	<i>ba</i>	<i>xona</i>	<i>omad-am</i>
adv	prep	subst	verb past tense 1 sg (past stem + pers. ending 1sg)
вчера	в	дом	пришел-(я)

‘(я) вчера пришел домой’.

В шугнанском же, как и во многих других памирских языках, в формах прошедшего времени, перфекта и плюсквамперфекта лицо и число выражаются не окончаниями, а отделяемыми показателями-маркерами, которые продолжают древние местоименные энклитики и связки. Поскольку энклитики тяготели ко второй позиции в предложении, то эти личные показатели могут присоединяться не к глаголу, к которому они относятся, а к другому ударному члену предложения, в зависимости от фразового акцента, от тема-рематического членения фразы, от общего контекста, например шугн. *бийбр-ум тар чїд йат // бийбр*

тар чїд-ум йат // *бийōр тар чїд йат-ум* ‘я вчера пришел домой’, в транскрипции:

<i>бийōр-ум</i>	<i>тар</i>	<i>чїд</i>	<i>yat</i>
adv+verbal pers. marker 1sg	prep	subst	verb past tense 1sg (past stem)
вчера+(-я)	в	дом	пришел

‘(я) ВЧЕРА пришел домой’

<i>бийōр</i>	<i>тар</i>	<i>чїд-ум</i>	<i>yat</i>
adv	prep	subst+verbal pers. marker 1sg	verb past tense 1sg (past stem)
вчера	в	дом+(-я)	пришел

‘(я) вчера ДОМОЙ (// В ДОМ) пришел’

<i>бийōр</i>	<i>тар</i>	<i>чїд</i>	<i>yat-ум</i>
adv	prep	subst	verb past tense 1sg (past stem+verbal pers. marker 1sg)
вчера	в	дом	пришел(-я)

‘(я) вчера ПРИШЕЛ домой’.

Поэтому, например, в книге [Ризвоншоева 2015: 9] фразу *духтурен қиwd* ‘(они) позвали доктора’ стоило бы написать *духтур-ен қиwd*, поскольку показатель 3-го лица множественного числа *-ен* относится не к имени *духтур* ‘доктор’, а к основе прошедшего времени *қиwd* глагола ‘позвать’.

По-видимому, с обучением в школе грамматике шугнанского языка такие проблемы будут решаться легче.

Структура шугнанского языка, отличная от таджикской, может создавать и другие проблемы при выработке литературной нормы и при написании литературного текста. Известную

специфику шугнанского языка составляет отраженное в его лексике особое видение мира, членение пространства, отличное от таджикского. К таким особенностям относятся, например, способы указания на пространственную локализацию объекта, которые особенно характерны (или лучше всего разработаны и описаны лингвистами) для шугнанского языка. Здесь степень удаленности объекта высказывания от говорящего не двухступенчатая, как в таджикском и в большинстве языков Евразии, типа «этот» — «тот», а трехступенчатая: *йам* 'этот, что возле меня (или в моей пространственной сфере, реальной или мыслимой)' — *йид* 'тот, что возле тебя, недалеко' — *йу* (ж.р. *йā*) 'тот, далекий (от нас обоих)'. То есть пространство членится не на две, а на три сферы. Такое указание на участников речевого акта сходно с латинской триадой *hic* — *iste* — *ille* и этимологически частично соответствует ей (это достояние древней индоевропейской системы, где большое внимание было уделено пространству собеседника). В устной речи, когда повествование имеет реального адресата, присутствующего в процессе коммуникации, эта триада сохраняется. Однако неясно, что в этой триаде выживет в письменном литературном стиле (к тому же при влиянии таджикского языка), когда адресат будет только подразумеваться и реальное членение пространства будет отсутствовать.

Старая триада шугнанских предлогов направления и местонахождения *ни* (вверх от говорящего) — *таp* (в горизонтальном направлении) — *ар* (вниз от говорящего) уже сейчас допускает «отклонения от правил» в разговоре и в письменных текстах, когда говорящий/пишущий отрывается своего природного памирского фона. Так, в кн. [Хабиб 1991], в стихах, написанных на равнине, в г. Куйбышеве (ныне Самара) в 1982 г., отмечаются случаи иного соотношения предлогов, например в стихотворении «Ар Бадахшун савам» («Поедем в Бадахшан») употреблен предлог *ар*, хотя подразумевается движение вверх [Хабиб 1991: 18]; в стихотворении

«Салӯм ӯамард лу» («Передай ей привет») есть фразы и «са ар Помир» ('лети/ступай на Памир'), и «ривъаз рост ни Бадахшӯн» ('лети прямо в Бадахшан') [Ҳабиб 1991: 20]. Возможно, определенную роль здесь играет расположение регионов на географической карте.

По-видимому, все это придется учитывать при выработке нормированного литературного языка. И для этого необходимо знание системы языка, хотя бы в пределах основ грамматики.

Известно, что к настоящему времени необходимость изучения родного языка в начальной школе осознается носителями всех памирских языков. Практически ситуация такова, что дети дошкольного возраста живут в семье, в окружении родных, говорящих на родном языке. Придя в школу, многие дети еще не знают таджикского языка, на котором ведется преподавание. Поэтому наиболее рациональным является учебный процесс, при котором в начальных классах преподавание велось бы на родном языке с постепенным вводом в процесс обучения таджикского языка, чтобы к моменту, когда начнутся более сложные дисциплины (география, история, геометрия, таджикская классическая литература и т.п.) школьник уже владел бы в достаточной мере таджикским языком. Переводить все школьное обучение на родной язык нерационально: это закроет ученику путь к высшему образованию. Так естественно возникла необходимость в письменных учебных пособиях на родном языке, направленных на начальное обучение. Поэтому в 1990-х – начале 2000 гг. в некоторых школах Шугнана было введено факультативное обучение шугнанскому языку, созданы учебные пособия для начальных школ. Подробнее об этом процессе и программе и задачах обучения родным языкам и их сохранения см. [Аламшоев 2009: 177–182].

При выработке языка и стиля письменной литературы характерно противопоставление и взаимодействие трех сфер: литературный язык — просторечие — диалектизмы.

Что касается шугнанского языка, то здесь взаимодействие первых двух компонентов, по-видимому, достаточно ясно: уже при выработке устной литературной нормы просторечный компонент используется только при стилистической необходимости. Норма достаточно отработана. Но решать проблему соотношения литературной нормы и диалектизмов еще придется. Шугнанский язык диалектно неоднороден: имеются различия между говором Хорога и говорами, или подговорами, Шахдары и Барвоза (еще более отличен от них диалект Баджува). И, если устная литература (фольклор) создается на каждом говоре отдельно, то для письменной, по-видимому, придется избрать один вариант. Скорее всего, это будет говор Хорога как культурного центра (здесь теперь уже расположены и высшие учебные заведения, и Институт гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан).

Проблему представляет социолингвистическая позиция других языков шугнано-рушанской группы, зависящая от того, будет ли использоваться шугнанский нормированный литературный язык в качестве письменного языка носителями рушанского, хуфского, бартангского, рошорвского языков.

В свое время при подготовке к изданию многотомного энциклопедического труда «Языки мира», когда для многих «малых» языков, не имеющих письменности, решался вопрос соотношения понятий «язык» — «диалект» и когда о возобновлении письменности на Памире можно было только мечтать, для памирских языков предлагались термины «язык» или «язык/диалект». Остановились на термине «язык», исходя из того, что определяющими являются три основных признака, отличающих «язык» от «диалекта»:

А. Наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями форм речи, представляющих разные локальные единицы (что отражает степень языковой близости).

Б. Наличие или отсутствие единой наддиалектной нормы в виде письменного или устного литературного языка.

В. Наличие или отсутствие у носителей разных локальных языковых разновидностей этнического единства, выражающегося в едином самосознании и самоназвании.

По всем трем признакам отдельными языками предстали языки: ваханский, ишкашимский и язгулямский. Что же касается единиц, входящих в шугнано-рушанскую группу, они на тот период, согласно признакам Б и В, также квалифицировались как самостоятельные языки (подробнее см. [Эдельман 1980б: 127–147]. Если теперь шугнанский литературный язык будет использоваться как единая литературная норма носителями всех единиц этой группы, то это поменяет их социолингвистический статус: они будут квалифицироваться как диалекты единой группы, обладающей наддиалектной нормой в виде единого литературного письменного языка. При этом остальные параметры: язык фольклора, самосознание и пр. могут остаться прежними.

Имеются и другие языковые проблемы на Памире, связанные с новыми социальными условиями и с общими процессами глобализации. Решать их придется уже современному поколению памирской интеллигенции.

Литература

Аламшоев М. Историческое становление и перспективы сохранения памирских языков (Historical formation and perspectives for the preservation of the Pamiri languages) // *Endangered Languages and History* / Н. Elnazarov, N. Ostler (eds.) FEL, England, 2009.

Броимшоева М.К. Боварҳо ва таъбирҳо дар забонҳои шугнонӣ-рушонӣ: таҳлили этнолингвистӣ. Душанбе, 2012 («Поверья и толкования в шугнано-рушанских языках: этнолингвистический анализ», на таджикском языке).

Вопросы памирской филологии (Масъалаҳои филологияи Помир). Душанбе, 1992.

Даргилик. *Н. Шакармамадов, Х. Курбанов* (сост.) Душанбе, 1987.

Додыхудоев Р.Х. Памирские языки (к проблеме конвергенции) // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания (Тез. докл.). Москва, 1970.

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. Москва–Ленинград, 1960.

Каландаров Т.С. Шугнанцы (Историко-этнографическое исследование). Москва, 2004.

Карамшоев Д.К. Алифбои шарҳномаи муваққати шугнонӣ // «Маърифат». Хорог, 1991, № 3. («Шугнанский объяснительный временный алфавит», на таджикском языке).

Карамшоев Д.К. Алифбои ғаврии забонҳои помириҳо ба намунаҳои адаби. Хорог, 1992. («Временный алфавит памирских языков с литературными образцами», на таджикском языке).

Курбанов Х., Шакармамадов Н. Древний поэтический жанр даргилик // Даргилик. *Н. Шакармамадов, Х. Курбанов* (сост.) Душанбе, 1987.

Курбонхонова Н.М. Устураи ҷонварон дар фольклори Бадахшон. Душанбе, 2011 («Мифы о животных в фольклоре Бадахшана», на таджикском языке).

Назарова З.О., Назаров Н.О. Вазъи забонҳои Помири Ғарбӣ: ҳатари азбайнравии забони ишқошимӣ (Language situation in the Western Pamir: Case of linguistic materials on the endangerment of Ishkashimi Language) // *Endangered Languages and History. Н. Elnazarov, N. Ostler* (eds.) FEL, England, 2009.

Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: Проблемы и решения. Москва, 2010.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Москва, 2000.

Раҳдор С. Номус. Душанбе, 1992 («Честь», на рушанском языке).

Ризвошиоева Г. Хитумбуц / Харгӯшак. (Аз 2-солā то 6-солā кӯдакенард) (Барои кӯдакони сини 2 то 6 сола). Харағ / Хоруғ, 2015. («Зайчик», на шугнанском и таджикском языках, для детей от 2 до 6 лет).

Ҳабиб Л. Дарёта тизд. Хорог, 1991 («Река течет», на шугнанском языке).

Шанбезода Н. Гулғунча. Хоруғ, 1998. («Бутон», на шугнанском языке).

Юсуфбеков Ш.П. Очерк исторической фонетики сангличского языка. Душанбе, 2013.

Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980а, № 5.

Эдельман Д.И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. Москва, 1980б.

Эдельман Д.И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. Москва, 2010.

Luqoi Inʼjil. Москва, 2001 (Евангелие от Луки, на язгулямском языке).

Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.

Джой Иосифовна Эдельман
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Joy Iosifovna Edelman
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
joy.edelman@gmail.com

**Особенности употребления грамматических
средств в эвенкийском языке
в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере
фокусных частиц¹**

***Distinctive features of the use of Evenki grammatical
devices, particularly focus particles***

Рудницкая Е.Л.

Rudnitskaya E.L.

В статье анализируются устные рассказы на эвенкийском языке 2005–2011 гг. Как и в сфере грамматических показателей глагола, в частности причастных форм глагола в независимом предложении, в употреблении фокусных частиц в устных рассказах наблюдаются следующие особенности: унификация и размытость функций, редукция множества частиц. Сфера употребления фокусных частиц (как и причастных форм) довольно широкая, так что эти частицы иногда дублируют уже существующие грамматические средства фокусирования. Эти изменения частично связаны с тем, что эвенкийский язык не используется

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич. Автор благодарит Н.К. Митрофанову и Е.Л. Клячко за основную работу по обработке и глоссированию используемых текстов, Е.Л. Клячко за предоставленную информацию о рассказчиках, участников конференции «Маргиналии–2015», особенно О.А. Казакевич и Е.Э. Разлогову, а также редакционную коллегию журнала «Родной язык» за полезные замечания.

в повседневной речи большинством рассказчиков, будучи вытеснен русским.

Ключевые слова: грамматическая категория, причастие, фокусная частица, актуальное членение, устный рассказ

The present paper is based on an analysis of Evenki oral stories told from 2005 to 2011. In these stories, several distinctive features can be seen in the use of focus particles, as well as in the grammatical marking of verbs, such as participles that function as matrix predicates. Changes include a tendency towards amalgamation and fuzziness in their grammatical functions, and a reduction of the set of particles used. The number of contexts in which the focus particles and participles are used is rather broad, so that these devices sometimes occur in the same contexts as already existing grammatical focus devices. These changes are partially caused by the fact that most storytellers no longer use Evenki in their everyday speech, having shifted to Russian.

Keywords: grammatical category, participle, focus particle, information structure, oral story

1. Введение

Об эвенкийском языке говорят не как о едином языке, а как о множестве диалектов [Василевич 1958; Мыреева 2004 и др.] С литературным эвенкийским языком (ЛЯ), созданным на основе непского, а затем полигусовского говора, нельзя идентифицировать остальные говоры (в наибольшей степени с ЛЯ объединяются говоры южного наречия (ЮН), а не северного наречия (СН)²). В словарях Г.М. Василевич и А.Н. Мыреевой есть пометы относительно употребления и значения каждого слова в разных диалектах.

Экспедиции О.А. Казакевич (см. [Казакевич 2010] и также сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; режим

² В работе [Мамонтова 2013: 84–85] упоминается, что говоры СН сохранились не хуже, а даже лучше, чем говоры ЮН.

доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/> (02.08.2016)) проводились в различные эвенкийские села Эвенкийского муниципального района. Большинство этих сел относится к СН: Эконда, Чиринда, Кислокан, Хантайское Озеро, Тутончаны, Тура. Только несколько сел (Ванавара, Полигус, Стрелка, Суринда, Муторай) относятся к ЮН.

В грамматиках эвенкийского языка, например [Василевич 1940, 1948; Константинова 1964; Bulatova, Grenoble 1999; Nedjalkov 1997] и др., а также в исследованиях, посвящённых отдельным проблемам ([Колесникова 1966; Бродская 1988; Nedjalkov 1994; Болдырев 2007; Урманчиева 2012] и др.) рассматриваются базовые грамматические структуры устного и письменного эвенкийского языка. Однако в них не исследуются отдельно характеристики устной речи: арсенал используемых в ней средств, грамматические категории и синтаксические конструкции, отличающую устную речь от письменной. Исследования со сравнением корпусов устных и письменных текстов проводились на материале таких языков, как английский или русский [Chafe 1982; Кибрик А.А. 2009] (и также французского — Е.Э. Разлогова, личное сообщение), однако они почти не изучены на материале малых языков.

Размер корпуса отгlossированных эвенкийских рассказов небольшой (35000–40000 словоформ, около 25–30 рассказчиков), и мы не располагаем размеченным корпусом письменных текстов. Поэтому для сравнения приводим данные грамматик и других работ: например, в работах [Константинова 1964: 251–266; Колесникова 1966] употребление грамматических маркеров описано самым исчерпывающим образом, и материалом служат как устные, так и письменные (например, переводные) тексты. Нам кажется, что приводимые в этих работах данные можно использовать как свидетельство об употреблении того или иного грамматического показателя в письменных текстах. Как еще один эталон для

(Ну, в церкви там **молилась** [molī-da-ŋkī-n ‘молиться-IPFV-PTSTITER-3SG’] она.) ‘Из Туруханска целый год **возвращалась** в Эконду’ (**Рассказывала** [ulguson-də-s’o-n ‘рассказать-IPFV-PTST-3SG’] мать покойная...)

(2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1947 г.р.), LR1, 00:04:28.390)

б. *oro-r-wo* *kamnikās-ta*
 олень-PL-ACC бежать.за.зверем-SLIP
kamnikās-ča

бежать.за.зверем-PTCP.ANT

(Муж где-то ходит [bi-d’ə-rə-n ‘быть-IPFV-NFUT-3SG’]) ‘Оленей **собирает, собирает**’ (Я хлеб состряпала [ir-čə-w ‘жарить-PTST-1SG’], чтобы сегодня нам отправиться аргисить.) (2007, Суринда (ЮН), Коноренок Марта (1970 г.р.), LR3,00:00:09.576)

В примерах (1а-б) причастные формы PTCP.ANT и PTCP.NAV употребляются как главные глаголы в общем вопросе, не являясь его фокусом (фокусом являются обстоятельства места *tajga-dū* ‘в тайге’ и *hərakə-dū d’u-dū* ‘в другом чуме’). В то же время, в вопросе такие формы употребляются довольно редко⁶, а чаще всего для обозначения второстепенных или последовательных событий. PTCP.ANT/PTCP.NAV используются как просто выражающие отнесенность к прошедшему/настоящему. Исходя из употреблений типа (1а-б) противопоставление финитных форм прошедшего/настоящего времени, с одной стороны, и форм PTCP.ANT -čV- и PTCP.NAV -vkī-/pkī-, с другой, становится менее четким.

В примере (2а) форма PTCP.NAV *ətə-də-fkī*, которая переводится как ‘возвращалась’, обозначает единичное

⁶ Такое употребление не является уникальным с типологической точки зрения — ср. бурятские [Калинина 2001: 83] или аварские (Т.А. Майсак, личное сообщение) нефинитные формы в общем вопросе.

действие в прошлом (о чем говорит предшествующий и последующий контекст, см. перевод). В примере (2б) форма РТСР.АНТ *kamnikās-ča* употреблена так, что непонятно, сохраняется ли в ее значении значение прошедшего времени (ср., неточный перевод «собирает», в то время как все повествование относится к прошлому). Эта форма не интерпретируется как обозначающая событие, предшествующее какому-то другому в цепочке последовательных событий, — см. предшествующий и последующий контекст. Кроме того, как и финитная форма *bi-d'ə-rə-n* 'быть-IPFV-NFUT-3SG' в предшествующем примере, *kamnikās-ča* приобретает значение повторяющегося или продолженного действия, не свойственное РТСР.АНТ без таких аспектуальных показателей, как IPFV *-d'V-*. В (2а-б), по крайней мере частично, утрачиваются таксисные и аспектуальные признаки РТСР.АНТ *-čV-* /РТСР.НАВ *-vkī-/ -pkī-*.

Если у Хадончиной Надежды (2005, Полигус, ЮН) или Комбагир Анны (2007, Эконда, СН) РТСР.АНТ и РТСР.НАВ встречаются относительно редко, и в основной части повествования используются финитные формы прошедшего времени (PST *-čV-/ -čV̄-*, NFUT (небудущее) *-rV-/ -tV-/*... и PSTITER (прошедшее итеративное) *-ŋkī-*), то в некоторых рассказах — Удыгир Валентины (2008, Кислокан, СН), Елдыгир Лилии (2008, Тура, СН), Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН) — формы РТСР.АНТ/РТСР.НАВ часто употребляются не для рассказа о предшествующих чему-то и/или второстепенных событиях, а как синонимичные финитным формам настоящего или прошедшего времени. Особенно это заметно в рассказе Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН, LR1) о свадьбе, на которой она присутствовала. В начале рассказа употребляются формы NFUT *-rV-/ -tV-/*..., которые обычно используются для рассказа о единичных событиях в прошлом или настоящем. Также в рассказе, хотя и редко, используются формы PST, РТСР.АНТ. Однако большинство глаголов стоят в форме РТСР.НАВ, поскольку

рассказчик представляет все происходившее на свадьбе как повторяющийся ритуал.

В целом можно сказать, что *PTCP.ANT* в основном сохраняет отнесенность к прошлому, а *PTCP.NAV* — имперфективное значение. Таким образом, эти формы сохраняют часть своего исходного грамматического значения.

В работе [Рудницкая 2016] рассматривается встречаемость в корпусе устных рассказов аспектуальных аффиксов со значением количественности и значения, которые они имеют в рассказах. Если сравнивать аспектуальные аффиксы с причастными формами в независимом предложении, у аспектуальных аффиксов удалось фиксировать меньше изменений: из шести рассмотренных аффиксов пять встречаются достаточно регулярно (в разных селах и у разных групп носителей). Значения этих аффиксов в рассказах в целом довольно стабильны и во многом подтверждают данные грамматик [Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Можно сделать предварительный вывод, что словообразовательные морфологические единицы, которыми являются эвенкийские аспектуальные аффиксы, в меньшей степени подвержены изменениям и семантическому выветриванию, чем словоизменительные категории.

3. Употребление фокусных и эмфатических частиц

Есть много работ, в которых ставится проблема порядка слов и его вариативности в языках типа SVO/SOV [Vilkuna 1998; Testelec 1998; Holmberg 2000; Ljutikova, Zimmerling 2015], и к таким языкам относится эвенкийский [Grenoble 2000]. Независимо от формальных средств описания, все исследователи признают, что каким бы ни был базовый порядок слов в данном отдельно взятом языке (VO или OV), он подвергается изменениям под воздействием факторов актуального членения⁷.

⁷ Ср. гипотезу Split-CP [Rizzi 1997].

Кроме того, порядок слов — параметр синтаксиса, который легко меняется под воздействием контактов с другими языками⁸.

В данном пункте мы рассмотрим закономерности употребления фокусных и эмфатических частиц. Подобные частицы функционально сходны с русскими эмфатическими частицами типа *же, ведь, -то* или со словами типа *только, даже* (ср. *only, even*), предполагающими выделение объекта из ассоциируемого множества⁹. Эти частицы напрямую связаны с информационной структурой предложения. Краткое описание этих частиц содержится в работах [Константинова 1964: 251–266; Nedjalkov 1997: 285–291¹⁰].

Для примера приведем список частиц, функция которых связана с выделением, по грамматике И.В. Неद्याлкова: $=\eta nV$, $=wVlin$ ‘exactly, namely’, $=kV:n/=kV:nVn$ ‘and now, first’, $=\eta an$ ‘surprise’, $=mVk$, $=kVr/=pVr/=vVr$, $=kV$, $=d\bar{V}$, $=sV$ (по [Константинова 1964: 253], также $=nV$) ‘exactly, just’, $=tV$ ‘categorical [категорический] statement or command’ (это не алломорф $=d\bar{V}$ после глухой согласной), $=kun$ ‘surely, of course’ (по [Константинова 1964: 256], употребляется с наречиями для их интенсификации), $=nun$ ‘exactly, only’ (нет в [Константинова 1964]), $=mat$ ‘if only’. К сожалению, функции частиц указаны в обеих грамматиках не всегда точно, и их сочетаемость с именными или глагольными категориями часто не

⁸ Ср. [Рудницкая 2015a; Rudnitskaya 2016]; аналогичное мнение об удмуртском языке (Erica Asztalos, личное сообщение, а также [Kiss, Asztalos 2016]).

⁹ Последние связаны с узким (narrow), или контрастивным, фокусом (*Иван купил только* [_{NF} **книгу**]), с некоторыми оговорками противопоставленным широкому фокусу или реме в нейтральном предложении: *Иван вчера вечером* [_p **пришел домой, закрыл окно, поужинал и лег спать**].

¹⁰ В работе [Василевич 1940: 149–150] зафиксирован список фокусных частиц, характерный для более раннего среза грамматики эвенкийского языка.

упоминается. Например, частицы $=d\bar{V}$, $=kV$, $=sV$ описываются как эмфатическое или фокусное (узкий, или контрастивный, фокус) выделение отдельного слова или составляющей — ср. переводы ‘namely, exactly, only’. Многие из перечисленных частиц кажутся, исходя из такого описания, синонимичными. Кроме того, в грамматиках [Константинова 1964] и [Nedjal-kov 1997] список фокусных частиц и функции, которые им приписывается, не полностью совпадают. Поэтому мы будем ориентироваться на устные рассказы с минимальным обращением к данным этих грамматик.

Очень употребительны частицы $=d\bar{V}$ и $=kV$, они могут сопровождать и имена, и глаголы (и также модификаторы), которые по тем или иным дискурсивным параметрам выделяются (эмфатическое выделение, топик/тема и т.д.).

Важно заметить, что основная функция $=d\bar{V}$ — маркирование соединительной связи между именами (*ahal=da bajə-l=do* ‘женщина.PL=FOC мужчина.PL=FOC’ «(и) женщины, и мужчины» — 2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:16:53.650) или предложениями (*tumñi-rə-n=dā huru-rə-n* ‘плюнуть-NFUT-3SG=FOC пойти-NFUT-3SG’ «[черт] плюнул [на лица людям] и пошел», 2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), FM1, предложение 61), см. [Рудницкая 2015б]. Кроме того, $=d\bar{V}$ маркирует слова отрицательной полярности, сокращенно NP1 (*ēkun=da ašin* ‘что=FOC NEG_{EX}’ «**ничего** нет», 2011, Хантайское Озеро (СН), Чемпогир Антонина (1934 г.р.), LB1, 00:01:01.431). В этих функциях $=d\bar{V}$ встречается почти у всех рассказчиков. Эти функции не связаны с дискурсивным выделением. Согласно работе [Forker 2016: 71, 87], $=d\bar{V}$ по основным функциям — типологически довольно часто встречающаяся «аддитивная» частица (частица, у которой есть несколько типичных для нее функций: она может функционировать как скалярная, соединительная, кванторная, фокусная и др.). В рассказах часто встречается маркирование частицей $=d\bar{V}$ кванторной группы, независимо от того, фокусируется эта группа или нет.

- (3) *tundra-lō* *ɲənə -sō-wun* *ōkī-rā*
 тундра-LOCALL идти-PST-1PL(EXCL) сколько-ADVZ.QT
ōkī-rā=dā
 сколько-ADVZ.QT=FOC

(Перечисление занятий в палаточном лагере в тундре) ‘В тундру ходили несколько раз’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Чемпогир Антонина (1934 г.р.), LR, 00:00:52.000) [Тут рема ‘ходили в тундру’, а не ‘несколько раз’]

Интересно, что одни рассказчики употребляют $=kV$ как приименную частицу, а $=d\bar{V}$ — как глагольную, см. (4а-д), (9а), (10а), а другие — наоборот (1а), (5а-б), (7г). Однако материал не дает возможность установить однозначную корреляцию между этими моделями, с одной стороны, и СН vs. ЮН, с другой. Нельзя даже утверждать, что все рассказчики из одного села употребляют одну и ту же модель. Один и тот же рассказчик может использовать то $=d\bar{V}$, то $=kV$ в одном синтаксическом контексте: при имени (6а-б)¹¹ или при глаголе — фокусе вопроса в общем вопросе: ср. (10а) (*bi-sā-tin=kā* ‘быть-PST-3PL=FOC’) и (11в) (*bi-čə-n=dā* ‘быть-PST-3SG=FOC’), см. подробнее ниже.

- (4) а. *bi=kā* *on* *nuɲar-dū-tin*
 я=FOC как 3PL-DATLOC-3PL
tura-t-čə-m [N=FOC] *əwə-di-t*
 разговаривать-DUR-FUTCNT-1SG эвенк-ATR-ADVZ
horoki-l
 глухарь-PL

¹¹ В (6а-б) употребление $=d\bar{V}$ и $=kV$ при имени не свидетельствует о том, что рассказчик не различает эти две частицы. Из переводов (6а) и (6б) видно, что $=d\bar{V}$ в (6а) используется как аддитивная частица (до этого говорится о других имевшихся видах рыбы: ‘... чирь **тоже** были’), а $=kA$ в (6б) — просто как выделительная частица (‘ты **же**...’). Аддитивный характер частицы $=d\bar{V}$ прослеживается во многих приименных употреблениях, например, в (5а) (‘... **даже** я...’).

‘Я-то как им скажу по-эвенкийски — глухари’ [то есть не понимают] (2008, Тутончаны (СН), Хукочар Даниил (1955 г.р.), LR, 00:03:16.056)

б. *mənmaktə-l irgəktə-l oro-r-wo=kə*
 комар-PL паут-PL олень-PL-ACC=FOC
kik-ča-fkī-l [N=FOC]
 укусить-IPFV-PTCP.NAV-PL

‘Комары, пауты оленей-то кусают’ (2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1947 г.р.), LR1, 00:01:48.259)

в. *mōni-n mōni-n tar bəjə* [V=FOC]
 RFL-PS.3SG RFL-PS.3SG тот мужчина
ə-čə=dō *gugda həgdi bi-rə*
 NEG_v-PTCP.ANT=FOC высокий большой быть-PTCP.NEG

‘Сам, сам тот человек не был высоким, большим’ (2008, Тура (СН), Лапуко Геннадий (1938 г.р.), LR3, 00:06:45.631)

г. *to aja aja-mama-t dolsāt-ča=dā* [v=FOC]
 то хороший хороший-INTS-ADVZ слушать-PTCP.ANT=FOC

‘Хорошенько прислушалась: ...’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Турская Зинаида (1951 г.р.), FB2, 00:02:34.987)

(5) а. ...*amin-mun tam bi=dā həgdi*
 отец-PS.1PL(EXCL) там 1SG=FOC большой
o-kanəm [N=FOC] *huru-ŋkī-wun*
 статья-CVB.ANT пойти-PTITER-1PL(EXCL)
bira-ja-lā...
 река-ATTEN-LOCALL...

‘...наш отец и **даже** я, став большой, ходили на речку...’ (2008, Тутончаны (СН), Увачан Инна (1969 г.р.), LA, 00:07:51.053)

б. *ŋə= ŋələ-wsi=kə*
 испугать.SLIP испугать-ATR.QUAL=FOC

*babajkə-l=nən*¹² [ADJ=FOC]

медведь-PL=FOC

(Девочка, заблудившись, одна идет по лесу вечером, она несет большую палку, и ей кажется, что она заметила какого-то большого зверя. Она говорит:) ‘– Страшные медведи-то’ (2005, Полигус (ЮН), Хадончина Надежда (1936 г.р.), LR1, 00:04:25.914)

(6) а. *muŋūri-l=da bi-fkī-l* [N=FOC]

чир-PL=FOC быть-PTCP.НАВ-PL

‘Чиры [вид рыбы] тоже бывают’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:15:30.350)

б. *hi =kə əŋəhī-ši bi-hi-ndə* [N=FOC]

2SG=FOC сила-ATR быть- NFUT-2SG

‘Ты же сильный’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина, FM10, предложение 28)

В целом, *=kV* чаще употребляется с именами в рассказах более пожилых рассказчиков и в селах СН: Эконда, Чиринда, Тутончаны, Кислокан, Тура и др. Частица *=dV* употребляется с именами у более молодых рассказчиков

¹² В данном примере инвертированный порядок слов (предикат — субъект) используется из-за эмфатического контекста в связи с фокусированием *ŋələ-wsi* ‘страшный’. Предикативное причастие или прилагательное часто употребляются в эвенкийском без связки *bi-*, особенно в настоящем времени, хотя запрета на ее употребление нет. Связка употребляется в основном при эмфазе или фокусировании сказуемого. (5б) — единственный найденный в нашем корпусе пример употребления *=nən* как алломорфа *=nun* ‘exactly, only’ (по И.В. Недеялкову). В рассказах Надежды Хадончиной (школьная учительница, 1936 г.р.) эвенкийский язык достаточно богат и мало затронут изменениями и языковыми контактами.

в. *dilgan=ta* *amī-ŋī-w* [N=FOC]

голос=FOC отец-PROPR-PS.1SG

(Потом услышала крики... [00:02:23.666]... Хорошенько при-слушалась:) ‘Голос-то моего отца’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Турская Зинаида (1951 г.р.), FB2, 00:02:37.839)

г. *taduk=kə* *tuk* *aji-li-fkī-l*

потом=FOC так это-INCH-PTCP.HAB-PL

təwu-fkī-l [N-FOC] *hələ-dū* *pulki-jə=tə*

нагрузить-PTCP.HAB-PL ружье-DATLOC пуля-PRTV=FOC

(Рассказ о стрельбе пулями и подготовке к выстрелу) ‘Потом-то это самое делают, кладут в ружье пулю’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:36:36.851)

Данные примеры показывают, что =*tV* употребляется не только для эмфатического выделения (7б)¹⁵, но и для маркировки темы/ топики (*ili-dū-tin* ‘третий-DATLOC-PS.3PL’ в (7а), *taduk* ‘потом’ в (7г)) или восстановленной темы текста в (7в-г): ранее упоминаемый в тексте объект в (7в) — *dilgan* ‘голос (отца)’, в (7г) — *pulki* ‘пуля’. Примеры (7а-г) и другие примеры ниже показывают, что для рассказчиков характерно использовать фокусные частицы (не только =*tV*) как для эмфазы или выделения узкого (*paŋrow*) фокуса (ср. английские переводы И.В. Недялкова ‘exactly, just, only’ выше и примеры (4а-г) и (5а-б)), так и просто для маркировки темы (ср. (7а), (7г), (8а)), реже ремы (8б), или конечных обособленных членов предложения (8в)¹⁶.

¹⁵ В (7в) фокусная частица присоединяется не к слову ‘жалкий’ (предикативное прилагательное), которое выделяется, а к подчиняющему его служебному глаголу *bi-ŋkī-tin* ‘было’. Данное употребление частицы =*tV* можно считать конструкцией, аналогичной групповой флексии (групповой флексии в эвенкийском нет).

¹⁶ Обособленные члены или просто члены, вынесенные в конец предложения, часто несут уточняющую функцию и

- (8) а. *turu-dū=da* *alba-sā-n*
 Тура-DATLOC=FOC не.мочь-PS-T-3SG
aji-si-fkañ-d'ə-mī [ТОР]
 вылечить-DUR-CAUS-IPFV-CVB.COND

([об отце] Потом вот недавно, когда постарел, перестал видеть.)
 ‘В Туре не смог вылечиться’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир
 Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:13:09.450)

- б. *ənī-ŋəhə* *hawal-kirə* *bi-s'ō-n*
 мать-DEADREL работать-ATR.QUAL быть-PS-T-3SG
ahī *o-lon=da* [FOC]
 женщина сделать-NMLZ.AG=FOC

‘Мать покойная работающая была женщина и мастерица’
 (Начало нового этапа в повествовании: далее рассказ
 о том, как мама хорошо шила и учила шить Валентину)
 (2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1962 г.р.), LR1,
 00:03:29.980)

- в. а *to hu-wər* *ribaki-l* *bi-čə-l*
 а то 2PL-RFL.PL рыбака-PL быть-PTCP.ANT-PL
ər *amī-ŋaha-s=tə* [SPEC_FOC]
 этот отец-DEADREL-PS.2SG=FOC

‘А то вы были рыбаки, этот, отец твой покойный’ (2011, Хантай-
 ское Озеро (СН), Еремина Любовь (1940 г.р.), LR, 00:08:15.997)

Данный материал показывает, что сфера использования в рассказах фокусных частиц очень неопределенная и размытая. Функции этих частиц не ограничиваются эмфатическим выделением и маркирования узкого фокуса; эти частицы используются для выделения темы и темы текста, ремы предложения. Фокусные частицы также часто маркируют вопросительное слово в частном

анализируются как идентифицирующий фокус (specificational focus). См. [Göksel 2013; Ko 2015; Rudnitskaya 2016].

вопросе¹⁷ (9а-в) и начальную фокусированную составляющую (9г)¹⁸:

(9) а. *anti=kə* *əwī-wun* *bi-ŋkī-n*
 какой=FOC играть-NMLZ.INST быть-PSTITER-3SG

(Анна рассказывает про то, как она и ее сверстники играли, когда были детьми) ‘Какие игры были?’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна, LR1_2, 00:34:52.680. (9а) это вопрос Изольды (1969 г.р.) — собеседника Анны: поскольку Анна почти не знает русского языка, Изольда переводит вопросы лингвиста)

б. *ilə=kə* *huru-d'ə-rə-Ø*
 куда=FOC пойти-IPFV-FUTCNT-3PL
hāld'a-kanəmi-l
 стыдиться-CVB.NSIM- PL

(Рассказывается, как россомаха хотела обмануть других птиц и на зиму улететь со своей семьей в теплые страны, оставив остальных замерзать, и как птицы раскрыли ее обман,

¹⁷ Частный вопрос, в соответствии с существующими описаниями [Nedjalkov 1997: 8–10], строится путем постановки вопросительного слова в начало предложения — это средство его фокусирования, см. сноску 18. В общем или альтернативном вопросе факультативно используется частица =*gu*/=*ku*/=*ŋu*/=*wu* — см., например, [Nedjalkov 1997: 12]. Однако вопросительные частицы крайне редко встречаются в рассказах (в частности, у Комбагир Анны, ср. (9в) и (10б), (11в)).

¹⁸ Помещение исходно неначальной составляющей в начало предложения (топикализация [Nedjalkov 1997: 129–130]) уже служит признаком ее эмфатического или фокусного выделения, ср. (5б), (9д). И, возможно, также ее тематического статуса (Е.Р., ср. (7а), (8а)). То есть в (9г) и также в частных вопросах (9а-в), см. сноску 17, представлено двойное маркирование фокусирования — начальная позиция и фокусный показатель.

опозорили ее и улетели в теплые страны сами) ‘Куда пойдут, опозорившись?’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), FM10, предложение 91)

в. *nī-duk=ka nuṇa-r-duk-tin=gu haṇṭkta-d'aṇā-n*
 кто-ABL=FOC 3SG-PL-ABL-PS.3PL=INTER спросить-FUT-3SG
 (Собеседник интересуется, почему из Эконды увозили шаманов, и они не возвращались) ‘У кого, у них **ли** спросит?’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:31:19.340)

г. *d'ont'a-d'a-Ø-m=wəhin¹⁹ nuṇan-mə-n*
 помнить-IPFV-NFUT-1SG=FOC 3SG-ACC-PS.3SG
 (Валентина упоминает про свою тетю, Ирину Васильевну, которая давно умерла, и в дальнейшем рассказывает о ней) ‘Помню я ее’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:17:22.109)

д. *ərtikī-kon huru-sā-wun muruktə-gidā-tkī*
 сюда-ATTEN пойти-PS.T-1PL(EXCL) Мурукта-SIDE-ALL
 [zapat-tikī ə wastok-tikī=kun] [ADV _INTENS]
 запад-ALL нет восток-ALL=FOC
 ‘В эту сторону ездили, в сторону Мурукты, на запад, нет, на восток’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR2, 00:07:11.810)

Если в примере (9а) представлен обычный частный вопрос, то в (9б) вопрос скорее риторический, и поэтому эмфатическое выделение *ilā* ‘куда’ в (9б), но не *anti* ‘какой’ в (9а) оправдано: *anti* ‘какой’ это просто вопросительное слово

¹⁹ Частица =*wəhin* (хочется считать ее диалектным вариантом =*wlin* ‘namely, exactly’ в списке И.В. Недялкова или вариантом фокусно-пейоративной частицы =*wʹsi* [Константинова 1964: 258]) встречается в корпусе рассказов довольно редко.

частного вопроса. В (9в) рассказчик эмфатически выделяет *ñi-duk* ‘у кого’, из-за отсутствия адресатов вопроса, а к фокусу общего вопроса *niŋa-r-duk-tin* ‘у них’ присоединяется частица общего вопроса =*gi*, примерный эквивалент русского *ли*²⁰. В (9д) эмфатически выделяется не только последняя часть предложения, в которой происходит коррекция (*zapat-tikī ð wastok-tikī=kun* ‘на запад, нет, на восток’, [ADV _INTENS]), но и начальное обстоятельство *artikī-kon* ‘сюда-ATTEN’, поскольку в фокусе внимание рассказчицы направление ее поездок. Однако фокусная частица к *artikī-kon* не присоединяется: начальная позиция в предложении уже является средством фокусирования, см. сноску 18.

У фокусных частиц есть еще одно употребление: они часто присоединяются к исконно эвенкийским словам, которые могут выражать хезитацию, ср. *aŋ=kə* ‘это=ФОС’ в (10а) (наряду с заимствованиями из русского типа *atə* ‘это’). В таких контекстах функцию частицы трудно назвать фокусной, однако нельзя также говорить, что частица выражает именно значение хезитации — для таких выводов у нас недостаточно материала. Так, если =*kV* маркирует слово *ə-čā-wun* ‘это самое сделали’ в (10б)²¹, то в (7г) фокусная частица не присоединяется к аналогично образованной форме, выражающей хезитацию (*aŋi-li-fkī-l* ‘это-INCH-PTCP.НАВ-PL’ «это самое делают»).

- (10) а. *aŋ=kə* *šamani-l=kə* *babuška* *bi-sā-tin=kə*
 это =ФОС шаман-PL=ФОС бабушка быть-PST-3PL=ФОС

²⁰ Ср. (1а-б), где обстоятельства *tajga-dū* ‘в тайге’ и *hərəkə-dū d’u-dū* ‘в другом чуме’, которые являются фокусом общего вопроса, не выделяются вопросительной частицей.

²¹ В этом примере смысл «это самое (сделали)» выражается глаголом, образованным без деривационного показателя вербализации (VBLZ) от местоимения: *ə-čā-wun* ‘что-PST-1PL(EXCL)’, ср. (7г). Подобные образования характерны для алтайских и уральских языков.

‘Это самое, шаманы, бабушка, были?’ (2007, Эконда (СН), Комбагир Анна, LR1_2, 00:26:08.127 — реплика Изольды (1969 г.р.))

б. *nu tala a-čā-wun=kə* *aj-čā-wun...*

ну там **что-PST-1PL(EXCL)=FOC** добыть-PST-1PL(EXCL)

‘Ну, там это сделали, добыли’ (, ну и все) [о «шатуне» — медведе, на которого охотились] (2009, Сым (ЮН), Боярин Георгий (1959 г.р.), L-R 4, 00:04:25.480)

Еще один пример: *tādū ar=kə urkə-lō... urkə-li...* ‘там **эТОТ=FOC** дверь-LOCAL... дверь-PROL’ «там **эТО** к дверям... **вДОЛЬ** дверей» [рассказ о свадьбе, полный перевод: ‘Приехали, чтобы там они были, к заходу [входу], **вДОЛЬ** дверей по бокам девушки стоят’] (2008, Тутончаны (СН), Панкагир Прасковья (1931 г.р.), LR1, 00:03:58.150).

Как показывают уже приведенные примеры, характерный признак рассказов — то, что в них встречаются далеко не все из частиц, перечисленных выше или упомянутых в работах [Василевич 1940; Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Так, частицы *=ɲnV*, ‘exactly, namely’, *=kV:n/=kV:nVn* ‘and now, first’, *=ɲan* ‘surprise’, *=mVk*, *=kVr/=pVr/=vVr* ‘exactly, just’ по [Nedjalkov 1997] вообще не найдены в корпусе. Частица *=kun/=kūn* ‘surely, of course’ в значении подтверждения (11a)²²

²² В данном примере словоформа *=kūn* (*əmə-ktə=kūn* ‘прити-DSPRS=FOC’) употреблена без показателя времени и наклонения. Аналогичные примеры есть в грамматике [Nedjalkov 1997: 14–15] при ответе на общий вопрос. Другие частицы не могут употребляться в морфологически неполной словоформе. За рамками нашей статьи остается вопрос, можно ли считать *=kūn* показателем эпистемического наклонения «ассертив» (уверенность в истинности пропозиции), одного из группы наклонений, противопоставленных изъявительному [Плунгян 2010: 317]. Ср. другие эпистемические наклонения, такие как пробабилитив или дубитив, распространенные в самодийских и тюркских языках.

встречается только у одной рассказчицы — Комбагир Анны. Другие рассказчики «по умолчанию» используют в контексте подтверждения частицу $=d\bar{V}$, (11б). В общем вопросе в (11в) и (10а) для маркировки глагольного фокуса вместо вопросительной частицы $=gu/\dots$ используются $=d\bar{V}$ и $=kV$.

(11) а. \bar{e} *ətə-ktə=kūn* [ASSERT]

да прийти-DSPRS=FOC

(при ответе на вопрос) ‘Да, приезжали’ (2005, Эконда, Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:21:15.340)

б. *təwə-rə-n=da* [ASSERT]

сесть-NFUT-3SG=FOC

(во время охоты, про орленка (дичь), который сел на сосну) ‘Сидит’ (2009, Сым, Боярин Георгий (1959 г.р.), L-R 3, 00:00:47.260)

в. *burkočə tadū bi-čə-n=də?*

буркоче там быть-PST-3SG=FOC

‘Буркоче там был?’ (2009, Сым (ЮН), Боярин Валерий — Боярин Георгий, LD1, реплика Боярина Георгия (1959 г.р.), 00:09:05.000)

Согласно [Константинова 1964: 256], $=kun$ (а не $=kūn$ ²³) употребляется с наречиями направления для их

²³ Само по себе различие в долготе гласного [u] vs. [u:] на эвенкийском материале — не доказательство того, что $=kun$ и $=kūn$ — разные морфемы. Фиксация рассказов (в основном Е.Л. Клячко) проводилась с ориентацией на фонетическое звучание, а не фонологическую запись. Как результат, фиксируется, что многие морфемы произносятся то с долгим, то с кратким гласным, ср. PST $-s'ō-$ в (8б) и $-s'o-$ в (2а). Некоторые исследователи (И.В. Недялков ([Nedjalkov 1997]), Л.А. Гренобль (личное сообщение)) считают, что долгота в эвенкийском языке относится к фонетическому, а не фонематическому уровню.

интенсификации — такие примеры встречаются только у Елдогир Валентины (Чиринда, 1954 г.р.), ср. пример (9д) (*wastok-tikī=kun* ‘на восток’). Частица *=nun* ‘exactly, only’ встречается только у Хадончиной Надежды (Полигус (ЮН), 1936 г.р.) в форме *=nən* — см. пример (4б) и сноску 14. Частица *=mat* ‘if only’ не встретила в корпусе рассказов; встретила один раз отгоссированная как *=foc* частица *=kat*, по функциональным критериям (усиление просьбы, приказа, команды и т.п.), как кажется, вариант *=kV*.

В целом, фокусные частицы употребляются более пожилыми и лучше знающими эвенкийский язык рассказчиками реже, чем теми, кто в основном говорит по-русски и помнит эвенкийский язык не очень хорошо. Рассказчики из второй группы, если они вообще употребляют фокусные частицы, употребляют одни и те же частицы с более широким спектром функций, в большем числе контекстов и статистически чаще. Кроме того, число фокусных частиц в речи этих рассказчиков имеет тенденцию к сокращению, предельным случаем которого является использование *=dV̄* во всех контекстах — эмфатического или контрастного выделения, фокусирования и других. Если учитывать еще соединительную функцию *=dV̄* и маркирование этой частицей слов отрицательной полярности и кванторных выражений, у *=dV̄* есть тенденция к тому, чтобы стать «дефолтной» многофункциональной (аддитивной) частицей.

4. Выводы

На основании анализа корпуса рассказов намечаются следующие тенденции в использовании фокусных частиц. Как и в отношении причастных показателей, можно говорить об размытости функций частиц. Мы видим уменьшение количества активно употребляемых в речи

частиц и расширение сферы их использования²⁴. В отношении причастных форм можно говорить не только о расширении сферы использования, но и об упрощении их значения: данные формы не обязательно выражают таксисные/хабитуальные значения. К сожалению, не приведено сравнение с письменными текстами или устными рассказами начала XX в., а только с данными грамматик. Поэтому нельзя сделать более радикальные выводы (например, об изменении сферы употребления или функций фокусных частиц в сравнении с устным языком на более ранней стадии или с письменными текстами).

В своих работах [Nedjalkov 1994: 30–31; Grenoble 2000; 2012] стараются выявить влияние русского языка на эвенкийский язык, которое отражается на лексико-грамматических характеристиках последнего. Л.А. Гренобль упоминает, в частности, свободный порядок слов²⁵, именное союзное сочинение, союзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в которых обе части финитные, и относительные

²⁴ В то же время сравнение с языками Кавказа (типологически неродственными алтайским) показывает, что фокусные показатели могут маркировать широкий (неконтрастивный) фокус — см. [Казенин 1999: 592] (если не считать (по всей видимости) аддитивной частицы $=i/u)d$ в цахурском языке [Кибрик А.Е. 1999: 608–619]).

²⁵ В отношении порядка слов Л.А. Гренобль права. Судя по работам [Василевич 1940: 142–146; 1948; 1966] (в последних двух опубликовано некоторое количество рассказов), порядок OV соблюдался практически полностью последовательно в устном языке начала XX в., в отличие от конца XX — начала XXI в., когда эвенкийский стал языком SOV/SVO. Отклонения от SOV в начале XX в. были возможны в основном в эмфатических контекстах. В устных рассказах середины XX в. [Лебедева 1952] порядок OV соблюдался менее строго: прямое дополнение обычно стоит перед глаголом, а косвенное дополнение — после глагола.

финитные предложения с вопросительными местоимениями в функции относительных. Л.А. Гренобль также называет другие языки Сибири — тюркские, монгольские, нивхский и юкагирский — которые подвержены сходным изменениям под влиянием русского.

Результаты работы с корпусом устных рассказов показывают, что лексические заимствования широко проникли в устную речь, вплоть до переключения кодов [Казакевич 2007], в то время как конкретные синтаксические конструкции далеко не всегда заимствуются из русского. Так, в устных рассказах редко используются сочинительные конструкции с *i* и *ili* как русскими заимствованиями и финитные придаточные предложения (с союзами или с вопросительными словами в функции относительных местоимений). Хотя заимствование подчинительных союзов, например *čtoby*, часто встречается, вершиной придаточного предложения в то же время является форма конверба (конверб на *-dV-* ‘CVB.PURP’), так что сам союз не выражает подчинительной связи, а дублирует ее, не вписываясь в синтаксическую структуру эвенкийского предложения.

Основные характеристики устных текстов — редукция числа употребляемых грамматических показателей, выражающих более редкие или частные грамматические значения, а также достаточно большая степень размытости функций и широкая сфера употребления остальных показателей — не свидетельствуют о каких-то прямых заимствованиях инструментов маркирования фокуса или других элементов коммуникативной структуры из русского языка. Однако указанные выше особенности употребления фокусных частиц можно связать с недостаточным использованием рассказчиками грамматических средств эвенкийского языка и потерей ими определенных языковых компетенций, связанных с употреблением этих частиц.

Итак, работа с корпусом современных устных текстов позволяет проследить особенности употребления грамматических

показателей и их грамматические функции в устном языке по сравнению с до некоторой степени стандартизованным вариантом языка, представленным в грамматиках. Проводились исследования по сравнению грамматических особенностей устного и письменного текста русского, английского (см. работы [Chafe 1982; Кибрик А.А. 2009]²⁶) или французского (Е.Э. Разлогова, личное сообщение) языков, а малые языки недостаточно изучены с данной точки зрения. Наш материал в общих чертах подтверждает результаты У. Чейфа, если брать только устный текст. Следуя У. Чейфу, в письменных текстах язык должен быть более сложным с точки зрения разнообразия грамматических средств, а дискурсивные частицы должны чаще употребляться в устном тексте. Будут ли результаты сопоставления устного и письменного (например, газетного) текста в эвенкийском языке аналогичным результатам, уже полученным для русского и английского, покажут будущие исследования.

Глоссы и сокращения

1, 2, 3	1, 2, 3 лицо
ABL	аблатив
ACC	аккузатив
ADJ	прилагательное

²⁶ У. Чейф сравнивает устные и письменные корпуса текстов. В письменном тексте реже встречаются частицы, парентетические слова и словосочетания с разным значением, коннекторы. Зато используется более широкий арсенал морфосинтаксических средств (пассивные конструкции, сложные предложные группы, относительные придаточные предложения). А.А. Кибрик сравнивает устные и письменные рассказы одних и тех же информантов и находит аналогичные, хотя и более частные различия. Например, в письменном тексте предложения длиннее, и в одном предложении больше предикативных единиц: текст одной и той же длины состоит из меньшего количества предложений в письменном варианте.

ADV	наречие//обстоятельственная группа
ADVZ	показатель адвербиализации (прилагательных)
AG	агенс
ANT	(причастие) предшествования
ASSERT	ассертив
ATTEN	аттенуатив
ATR	атрибутив
CAUS	каузатив
COND	условный (конверб)
CVB	конверб
DATLOC	датель-локатив
DEADREL	(название) умершего родственника
DUR	дуратив
EX	экзистенциальное (отрицание)
EXCL	эсклюзивное (множественное число)
FOC	фокус
FUT	будущее (время)
FUTCNT	будущее непосредственное (время)
HAB	хабитуалис или обычное//хабитуальное (причастие)
IMPER	императив
INCH	инхоатив
INST	инструменталис
INTENS	интенсификатор
INTER	вопросительное (наклонение)
IPFV	имперфектив
LOCALL	локатив-аллатив
LR	рассказ о жизни (это категория текстов)
NEG	отрицание
NF	узкий фокус
NFUT	небудущее (время)
NSIM	(конверб) одновременности
NPI	слово отрицательной полярности

OBJ	объект
PL	множественное число
PS	посессивный (аффикс)
PRED	предикативный
PROPR	отделяемая принадлежность
PRTV	партитив
PST	прошедшее время
PSTITER	прошедшее итеративное время
PTCP	причастие
PURP	(конверб) цели
QUAL	квалитатив
QT	квантификация
RFL	рефлексив
SG	единственное число
SLIP	оговорка
SPEC	идентифицирующий (фокус)
V	глагол
VBLZ	вербализатор
ЛЯ	литературный язык
P	рема
СН	северное наречие
ЮН	южное наречие.

Литература

Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007.

Бродская Л.М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988.

Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Ленинград, 1940.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Ленинград, 1948.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. Москва, 1958.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Москва-Ленинград, 1966.

Казакевич О.А. Кодовые переключения в селькупских, кетских и эвенкийских нарративах // Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 116–119.

Казакевич О.А. Эвенкийско-кетская экспедиция 2009 г.: документация языков и диалектов, которые могут исчезнуть // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010, № 3. С. 206–212.

Казенин К.И. Фокусная конструкция // Элементы цахурского языка в типологическом освещении. *А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец* (ред.) Москва, 1999. С. 582–607.

Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. Москва, 2001.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009, № 2. С. 3–21.

Кибрик А.Е. Дискурсивная частица когерентности // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / *А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец* (ред.) Москва, 1999. С. 608–619.

Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. Москва, 1966.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. Москва, 1964.

Лебедева Е.П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г., из архива ИЛИ РАН. Ленинград, 1952. Рукопись.

Малые языки Сибири: наше культурное наследие; URL: <http://siberian-lang.srcr.msu.ru/> (02.08.2016)

Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссия вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013, № 2. С. 70–91.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. Москва, 2010.

Рудницкая Е.Л. Грамматические характеристики устных рассказов 2005–2011 гг. как свидетельство намечающихся тенденций изменения в разговорном эвенкийском языке // Сибирский филологический журнал. 2015, № 2. С. 153–163.

Рудницкая Е.Л. Аналитическая отрицательная глагольная конструкция в эвенкийском языке: попытка формального анализа в рамках генеративной грамматики // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. *Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко* (ред.) Москва, 2015а. С. 303–323. URL: <http://mggu-sh.ru/sites/default/files/rudnitskaja.pdf>

Рудницкая Е.Л. Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке // Труды ИЛИ РАН (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA). Труды Института лингвистических исследований РАН. *Н.Н. Казанский* (отв. ред.) Т. XI. Ч. 3. Языковое разнообразие в Российской Федерации. *Головки Е.В., Муслимов М.З. Оскольская С.А., Певнов А.М.* (ред.) Санкт-Петербург, 2015б. С. 478–492.

Рудницкая Е.Л. Количественные значения в глагольных конструкциях эвенкийского языка на материале устных рассказов 2005–2011 гг. // Урало-алтайские исследования. 2016, № 2 (21). С. 118–130.

Урманчиева А. Ю. Имперфективные формы эвенкийского глагола: аспектуальные значения и дискурсивные функции // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. *Н. Н. Казанский* (ред.) Т. VIII. Ч. 2. [Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. *В.А. Плунгян* (ред.)] Санкт-Петербург, 2012. С. 786–866.

Bulatova N., Grenoble L. Evenki. LWM 141. Munich, 1999.

Chafe W. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy. *D. Tannen* (ed.) Norwood, 1982. P. 35–54.

Forker D. Toward a typology for additive markers // *Lingua*. 2016, № 108. P. 69–100.

Göksel A. Flexible word order and structure of the clause // *SOAS Studies in Linguistics*. 2013, № 16: P. 2–25. URL: <https://www.soas.ac.uk/linguistics/research/workingpapers/volume-16/file88031.pdf> (15.08.16)

Grenoble L.A. The impact of Russian on Evenki // *Languages in contact*. *D. Gilbers, J.A. Nerbonne, J. Schaeken* (eds.) Amsterdam–Atlanta, 2000. P. 104–120.

Grenoble L.A. Areal typology and syntactic change // *Вестник ТГПУ*. 2012, № 1 (116). P. 101–105.

Holmberg A. Deriving OV order in Finnish // *The derivation of VO and OV*. *P. Svenonius* (ed.) Philadelphia–Amsterdam, 2000. P. 123–152.

Kiss K.É, Asztalos E. Discourse-motivated word-order variation in Udmurt. Paper presented at OLINKO–2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts. Olomouc, 2016. P. 51–52.

Ko H.-J. Two ways to the right: a hybrid approach to right-dislocation in Korean. *Language Research*. 2015 (51). P. 3–40. URL: [http://ling.snu.ac.kr/ko/publications/Papers/RDC_2015_%B0%ED%C8%F1%C1%A4\(3-40\)_%BE%EE%C7%D0%BF%AC%B1%B8%C3%D6%C1%BE.pdf](http://ling.snu.ac.kr/ko/publications/Papers/RDC_2015_%B0%ED%C8%F1%C1%A4(3-40)_%BE%EE%C7%D0%BF%AC%B1%B8%C3%D6%C1%BE.pdf) (15.08.16)

Lehmann Ch. Interlinear morphemic glossing // *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. 2. Halbband. *G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas* (eds.) Berlin, 2004. S. 1834–1857.

Lyutikova E., Zimmerling A.V. Verb second languages and clause structure // *Intelligent Linguistic Technologies. Series: Emerging Trends in Computer Science and Applied Computing*. Amsterdam, 2015.

Nedjalkov I. Evenki // Typological studies in negation. *P. Kahrel, R. van der Berg* (eds.) Philadelphia-Amsterdam, 1994. P. 1–34.

Nedjalkov I. Evenki. London, New-York, 1997.

Rizzi L. The fine structure of the left periphery // Elements of grammar. *L. Haegeman* (ed.) Dordrecht, 1997. P. 281–337.

Rudnitskaya E. The analysis of the Evenki Analytic negation. Poster presented at OLINKO-2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts. Olomouc, 2016. P. 129–130.

Testelec Ya. Word order variations in some SOV languages in Europe // Constituent order in the languages of Europe. *Siewierska A.* (ed.) Berlin, 1998. P. 649–680.

Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent order in the languages of Europe. *A. Siewierska* (ed.) Berlin, 1998. P. 173–234.

Елена Леонидовна Рудницкая
Отдел языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
Elena Leonidovna Rudnitskaya
Languages of the peoples of Asia and Africa Department,
Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russia
erudnitskaya@gmail.com

Водская сказка «Святой Кузьма»¹ ***The Votic folk tale “Saint Kuisma”***

Агранат Т.Б.

Agranat T.B.

Сказка «Святой Кузьма» на западном диалекте водского языка была записана в середине 19 в. А. Ахльквистом и опубликована в [Ahlqvist 1856] без перевода. В статье она представлена в следующем формате: оригинальная запись, перевод на русский язык и адаптированная запись с поморфемной нотацией. Представление текста в таком формате сделает возможным использование его не только специалистами по водскому языку, но специалистами по другим уральским языкам, а также типологами, фольклористами и этнологами.

Ключевые слова: история водского языка, сказки

The folk tale “Saint Kuisma” in the western dialect of the Votic language was written down in the middle of the 19th century by A. Ahlqvist and published in [Ahlqvist 1856] without any translation. In this article it is presented in its original transcription with a translation into Russian and an adapted transcription with glosses. Such a format will make this text useful not only for specialists in Votic but also those working on other Uralic languages, as well as for typologists, folklorists and ethnologists.

Keywords: the history of Votic, folk tales

Этот текст на западном диалекте водского языка был записан А. Ахльквистом и впервые опубликован в [Ahlqvist 1856].

В прошлом различались диалекты: кревинский, вымерший в 19 в., см. [Видеман 1872], восточный, вымерший в середине

¹ Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 15-24-09001.

20 в., куровицкий, очень сильно ижоризированный и почти вымерший, и западный. Впервые диалектное членение водского языка было предложено Л. Кеттуненом [Kettunen 1915], и традиционно все последующие исследователи придерживались данной классификации, основанной исключительно на исторической фонетике.²

По Л. Кеттунену, большинство говоров принадлежит к западному диалекту. Комплексные грамматические описания делались только на материале говоров этого диалекта. От кривинского диалекта сохранилось только 108 фраз, на других диалектах исследователями записывались образцы речи и в меньшей степени — фольклор. В настоящее время носители языка за редчайшим исключением помнят только малые жанры.

В 19 в. водский фольклор записывал Э. Лённрот и включил его в «Калевалу». А. Альквист, помимо сказок, записал те же песни и от той же исполнительницы, что и Э. Лённрот. Он пишет об этом: «Включенные в работу³ песни, в основном уже забыты водским народом; теперь же, после того, как через несколько недель после моего возвращения недалеко от села Котлы умерла пожилая женщина, последняя из исполнявших их по памяти, они и вовсе навсегда ушли с ней в могилу. То, что песни — несмотря на всю тщательность, с которой я их записывал, и на то, что я мог сравнивать свою запись с записью тех же песен, сделанных проф. Элиасом Лённротом под диктовку той же женщины, — во многих случаях фрагментарны и неясны, по крайней мере, не следует приписывать записывающим. Их главная ценность состоит в том, что они являются образчиками языка» [Ahlqvist 1856: VIII].

Как видим, водский фольклор исчезал уже в 19 в. Вообще же, водский фольклор забывается носителями быстрее, чем

² О других критериях диалектного членения водского языка см. [Агранат 2007: 92].

³ Имеется в виду [Ahlqvist 1856].

язык; старшее поколение, способное порождать спонтанные тексты, помнит в основном только малые жанры и то в основном фрагментарно. Хотя с другими языками чаще случается обратная ситуация: фольклор в застывшем виде могут воспроизводить те, кто не в состоянии уже поддержать беседу на этническом языке.

После А. Альквиста сказки на западном диалекте записывал О.А.Ф. Мустонен [Mustonen 1883], дважды: в 1889 и 1909 гг. — Е.Н.Сетяля (опубликовано в [Posti & Suhonen 1964]); фольклор записывал П. Аристэ [Ariste 1986]. Сюжеты сказок, записанных в разное время, повторяются.

Что касается записанных А. Альквистом сказок, одна из которых представлена в настоящей статье, он характеризует их таким образом: «Большую⁴ художественную ценность, вероятно, имеют сказки, которые я также привожу как образчики языка. Насколько они подлинно водские (в смысле незаимствованного сюжета), я судить, однако, не отваживаюсь» [Ahlqvist 1856: VIII].

Задача настоящей статьи — также публикация «образчика языка», поэтому автор воздерживается от каких бы то ни было фольклористских комментариев. Что касается грамматических комментариев, нужно указать на некоторые архаичные черты, неизвестные современным носителям: наличие притяжательных показателей, различие аллатива и адессива, которые в более поздних синхронных срезах совпали из-за фонетических процессов. Публикация в аналогичном формате текстов, записанных от современных носителей [Агранат 2012], позволит сравнить два синхронных среза: 19 и 21 вв.

Здесь текст представлен в следующем формате: слева оригинальная запись и пофразовый перевод на русский язык, справа адаптированная для удобства членения на морфемы запись с глоссированием.

⁴ По сравнению с песнями, о которых шла речь выше (Т.А.).

А. Альквистом сказка не переводилась, для чтения в [Ahlqvist 1856] даётся водско-шведский глоссарий. Как перевод на русский язык, так и глоссирование данного текста здесь публикуется впервые.

В [Ahlqvist 1856] долгота передаётся знаком «^», здесь — двумя буквами, в оригинальной записи — по техническим причинам, в адаптированной, кроме того, так как иногда морфемный шов проходит по долгой гласной: *wirssa-a* ‘верста-PART’.

Знаки препинания (кроме «?»), присутствующие в оригинальном тексте, в адаптированной записи сняты.

В оригинальной записи использованы в основном буквы латинского алфавита, в других случаях А. Альквист поясняет орфографию (не все слова из примеров, указанных в пояснениях, встречаются именно в данной сказке): «Гласному *õ* нет соответствия в финском языке; эта буква обозначает тот же звук, что и в эстонском, откуда она и взята, т. е. “темный” *o*, который в ряде случаев приближается к *e*. Знаком *ë* я обозначил “темный” *e*, близкий к *õ*, как, например, в словах *lakëa* *гладкий*, *kõrkëa* *высокий*, *sië* *лента*» [Ahlqvist 1856:2]. Судя по всему, знаком *ë* обозначается шва.

«Знаком *s'* я обозначил звук, который похож на русский *ш* и встречается в основном в заимствованных словах, таких как *s'kâppi* *шкаф*, *s'kelmi* *шлем*, *kâs's'a* *каша*, но также в некоторых исконно водских словах, например: *p'äpus'ka* *прыщик*, *kaŗjus's'i* *пастух*, *katus's'i* *сарай*, *навес*» [Ahlqvist 1856:2].

«Транскрипционные знаки *l'*, *r'*, *n'*, *d'*, *s'* обозначают мягкие *l*, *r*, *n*, *d*, *s*, как, например, в словах *kall'is* *дорогой*, *iŗ'ha* *окаймление*, *p'äko* *лицо*, *Wadd'alaset* *вось*, *s'älko* *жеребенок*» [Ahlqvist 1856:2].

Интересен вопрос, в какой транскрипции записан текст. Обозначаемая мягкость — позиционная, что, видимо, должно говорить в пользу фонетической транскрипции, как и то, что в некоторых случаях явно учитывается беглое произношение,

ср.: *'-b* 'NEG-3SG' с опущением гласного, та же форма встречается и в полном произношении: *e-b* 'NEG-3SG'; апокопа также отражается в записи, ср.: *mi-lla* 'я-AD', *mi-ll'* 'я-AD'.

С другой стороны, как <'> А.Альквист обозначает не только опущенный в речи звук, как в примерах выше, но и исторически отпавшие звуки, причём даже не в истории водского языка, а раньше, например фонетически отпавший *-n* в конце слова в южных прибалтийско-финских языках. Он ставит этот знак в тех местах, где в финском языке сохраняется *-n*: в показателе генитива, в номинативе основ на *-n*, в некоторых наречиях. В адаптированной записи решено было сохранить знак <'>, поскольку на синхронном уровне сегментный показатель генитива не сохранился, удобно для наглядности выделять знак <'> как показатель генитива, в остальных случаях этот знак сохраняется по аналогии.

Глагол долженствования, имеющий полную парадигму, в строке глоссирования для краткости дается в форме 'должен' с соответствующими показателями.

Причастия глоссируются таким образом: активные прошедшего времени (по умолчанию) — PTCP, пассивные прошедшего времени — PTCP.PASS, активные причастия настоящего-будущего времени — PTCP.PRS.

При отрицании по лицам изменяется отрицательный глагол, а смысловой глагол представлен неспрягаемыми коннегативными формами. В настояще-будущем времени индикатива коннегатив совпадает с чистой основой. Здесь для краткости в строке глоссирования под данными формами дается только перевод глагола на русский язык, грамматическая информация не эксплицируется.

Условные обозначения

в глоссах

ABL аблатив; AD адессив; AL аллатив; COND кондиционалис; EL элатив; ESS эссив; FR фреквентатив; GEN генитив; ILL иллатив;

IMP императив; IN инессив; INF инфинитив; INT вопросительность; IPS имперсонал; NEG отрицательный глагол; NMLZ отглагольное имя; NOM номинатив; PART партитив; PASS пассив; PL множественное число; PRS настоящее-будущее время; PST прошедшее время; PTCP причастие; PX посессив; SG единственное число; TRNSL транслатив.

в переводе

Круглые скобки (...)

Вводят элемент, отсутствующий в водском тексте, но необходимый для грамматичности или облегчающий понимание текста литературного перевода. Пример:

За пять верст (до дома) пришла Смерть ему навстречу.

Угловые скобки <...>

Вводят элемент, присутствующий в водском тексте, но делающий литературный перевод неграмматичным или затрудняющий его понимание. Пример:

Бог спросил: «Зачем ты пришел <прочь> оттуда из ада?»

Прямые скобки со знаком равенства [=...]

Вводят буквальный перевод оборота на водском языке, проясняющий структуру оригинального текста. Пример:

He был дома совсем, не видел родню в эти 50 лет. [= Не был дома совсем в видении родни в эти 50 лет].

Дефис (в адаптированной записи и в строке глоссирования) отделяет морфемы в фонематической транскрипции и соответствующие им глоссы в строке глоссирования. Количество дефисов в строке транскрипции и в строке глоссирования должно строго совпадать.

Точка (только в строке глоссирования) используется для разделения элементов плана содержания, не разделенных

на сегменты в плане выражения, это может быть при совмещении в одном показателе нескольких грамматических категорий.

Знак равенства (в адаптированной записи и в строке глоссирования) используется для отделения клитик от фонетического хозяина.

1. Pühä Kuisma.

2. Õli sõtamees, Kuisma nimee' ka, sluus'i 50 aigassaikaa kunikaala wernessi. **3.** Eb õllu kotona sohsem waattamaza sukua niizä wiiezä c'ümmenezä aigassaigaza. **4.** Lassetii siis ostawgale, annettii kõikki kaasa, püssü, rantsa, sungka, mõekka. **5.** Tuli kahee' tuhattõmaa' wirssaa' pässää kotoose.

6. Tuli Surma wiimeselä wirssala tälle wassaa. **7.** Sõtamees c'üsüsi: "mi siä õlet?" **8.** — "Miä õlen Surma, miä sinuu' nüd tapan". **9.** — Sõtamees jutteeb: "elä tapa, lasse minua kotoa waattamaase, miä wiiezä c'ümmenezä aigassaigaza en õle kotona õllu". **10.** — Surma jutteli: "annat mille denggoita, siis en tapa". **11.** — "Milla denggoita enäpi eb õle, kõlme rublaa tol'ki on". **12.** — "Miä kõlmea rublaa en wõta, miä sinuu' tapan".

13. Tappoi siis Surma sõtamehee' tee. **14.** Meniwät Jumalale nõlepat Surmaa' kaa. **15.** Jumala c'üsüsi sõtameheltä: "mihee siä tulit tänne?" **16.** — Kuisma wassasi: "Surma kasse tappõi". **17.** — "Tahot

1. Святой Кузьма.

2. Был солдат по имени Кузьма, служил 50 лет царю верно. **3.** Не был дома совсем, не видел родню в эти 50 лет. [= Не был дома совсем в видении родни в эти 50 лет]. **4.** Отпустили тогда в отставку, дали все с собой: ружье, ранец, сумку, меч. **5.** Прошел две тысячи верст (чтобы) попасть домой.

6. За пять верст (до дома) пришла Смерть ему навстречу. **7.** Солдат спросил: "Ты кто?" **8.** "Я Смерть, я тебя теперь убью". **9.** Солдат говорит: "Не убивай, отпусти меня домой повидаться, я 50 лет не был дома". **10.** Смерть сказала: "Дай мне денег, тогда не убью". **11.** "У меня денег не больше, чем три рубля" [= У меня денег больше нет, три рубля только есть]. **12.** "Я три рубля не возьму, я тебя убью".

13. Убила тогда Смерть солдата на дороге. **14.** Пришли к Богу оба со Смертью. **15.** Бог спросил у солдата: "Зачем ты сюда пришел?" **16.** Кузьма ответил: "Смерть эта убила".

1. Pühä Kuisma 2. Õl-i-ø sõtamees Kuisma nime-e
 святой Кузьма быть-PTC-3SG солдат Кузьма имя-GEN
- ka sluus'-i-ø 50 aigassaika-a kunikaa-la wernessi. 3.
 с служить-PTC-3SG 50 год-PART царь-AD верно
- E-b ðl-lu koto-na sohsem waatta-ma-za suku-a nii-zä
 NEG-3SG быть-PTC дом-ESS совсем видеть-NMLZ-IN родня-PART те-IN
- wiie-zä c'ümmene-zä aigassaiga-za. 4. Lasse-tt-ii siis
 пять-IN десять-IN год-IN отпустить-IPS-PTC тогда
- ostawga-le, anne-tt-ii kõikki kaasa, püssü, rantsa, sungka,
 отставка-AL дать-IPS-PTC все с.собой ружье ранец сумка
- mõekka. 5. Tul-i-ø kahe-e tuhattõmaa wirssa-a
 меч приходит-PTC-3SG два-GEN тысяча.GEN верста-PART
- päs-sää kotoo-se. 6. Tul-i-ø Surma wiimese-lä
 попадать-INF дом-ILL приходит-PTC-3SG смерть пять-AD
- wirssa-la tä-lle wassaa. 7. Sõtamees c'üsü-si-ø mi
 верста-AD он-AL навстречу солдат спрашивать-PTC-3SG что
- siä õle-t? 8. Miä õle-n Surma, miä sinuu
 ты быть.PRS-2SG я быть.PRS-1G смерть я ты.GEN
- nüd tapa-n. 9. Sõtamees juttee-b e-lä
 теперь убивать.PRS-1SG солдат сказать-PRS.3SG NEG-IMP.2SG
- tapa lasse minua koto-a waatta-maa-se miä wiie-zä
 убивать пускать. IMP.2SG я.PART дом-PART видеть-NMLZ-ILL я пять-IN
- c'ümmene-zä aigassaiga-za e-n õle koto-na ðl-lu.
 десять-IN год-IN NEG-1SG быть дом-ESS быть-PTC
10. Surma juttel-i-ø anna-t mi-lle denggo-i-ta siis
 смерть сказать-PTC-3SG дать.PRS-2SG я-AL деньги-PL-PART тогда
- e-n tapa. 11. Mi-lla denggo-i-ta enäpi e-b õle
 NEG-1SG убивать я-AD деньги-PL-PART больше NEG-3SG быть
- kõlme rubla-a tol'ki on. 12. Miä kõlme-a rubla-a
 три рубль-PART только быть.PRS.3SG я три-PART рубль-PART
- e-n wõta, miä sinuu tapa-n. 13. Tappõ-i-ø siis
 NEG-1SG брать я ты.GEN убивать.PRS-1SG убивать-PTC-3SG тогда
- Surma sõtamehe-e tee-le. 14. Men-i-wät Jumala-le nõlepat
 смерть солдат-GEN дорога-AL идти-PTC-3PL бог-AL оба
- Surma-a kaa. 15. Jumala c'üsü-si-ø sõtamehe-ltä
 смерть-GEN с бог спрашивать-PTC-3SG солдат-ABL
- mihee siä tul-i-t tänne? 16. Kuisma wassa-si-ø
 зачем ты приходит-PTC-2SG сюда Кузьма отвечать-PTC-3SG

nüd kotoose mennä tagaas, wai mihee?”**18.** — “Kotoose tahtoisin mennä”. — **19.** Jumala tämää’ lah c’i kõlmehsi päiwähsi.

20. Tämä kõlme päiwää õli kotona, tuli tagaas siis. **21.** Jumala č üsüsi: “tahot siä nüd mennä iessäi raita waattamaase, wai tahot aadaa mennä waattamaase?”

22. Kuisma iessäi meni raihese. **23.** C’üsüsi seälä: “onko kassenna tabakkaa, n’uuhattawaa dali põletettawaa?” **24.** Wassattii: “eb õle”. **25.** Tämä jutteli: “kui’ eb õle, milla eb siis kassenna sünnü õlla”; i wäll’ää tuli seältä.

26. Meni aadaase. **27.** Nõisi seälä taase č üsümääse: “onko tabakkaa?” **28.** Jueltii; “millissä sille piäb?” **29.** — “Hot n’uuhattawaa dali põletettawaa”. **30.** Annettii n’uuhattawaa, pani sarwee’ täünnä enelesä; aadas’ikka jutteeb tälle: “mene siä wäll’ä, kassenna eb õle sille tilaa”. **31.** — Tämä jutteeb: “kui’ eb õle mille tilaa? nä

17. “Хочешь теперь домой пойти снова или куда?” **18.** “Домой хотел бы пойти”. **19.** Бог его отпустил на три дня.

20. Он три дня был дома, пошел обратно потом. **21.** Бог спросил: “Хочешь ты теперь сначала рай пойти посмотреть или хочешь ад пойти посмотреть?”

22. Кузьма сначала пошел в рай. **23.** Спросил там: “Есть ли здесь табак нюхать или курить?” **24.** Ответили: “Нет”. **25.** Он сказал: “Если нет, мне тогда не подходит быть здесь”, и прочь ушел оттуда.

26. Пошел в ад. **27.** Стал там опять спрашивать: “Есть ли табак?” **28.** Сказали ему: “Какой тебе нужен?” **29.** “Хоть нюхать или курить”. **30.** Дали нюхать, положил полный рожок себе, черт говорит ему: “Иди ты отсюда прочь, нет тебе здесь места”. **31.** Он говорит: “Как нет мне места, смотри, что есть

- Surma kasse tappõ-i-ø. 17. Taho-t nüd kotoo-se
 смерть этот убивать-PST-3SG хотеть.PRS-2SG теперь дом-ILL
- menn-ä tagaas, wai mihee? 18. Kotoo-se tahto-isi-n
 идти-INF снова или куда дом-ILL хотеть-COND-1SG
- menn-ä. 19. Jumala tämä-ä lahc'-i-ø kõlme-his
 идти-INF бог он-GEN отпустить-PST-3SG три-TRNSL
- päiwä-hsi. 20. Tämä kõlme päiwä-ä õl-i-ø koto-na,
 день-TRNSL он три день-PART быть-PST-3SG дом-ESS
- tul-i-ø tagaas siis. 21. Jumala c'üsü-si-ø
 прийти-PST-3SG обратно потом бог спрашивать-PST-3SG
- taho-t siä nüd menn-ä iessäi rai-ta waatta-maa-se,
 хотеть.PRS-2SG ты теперь идти-INF сначала рай-PART смотреть-NMLZ-ILL
- wai taho-t aada-a menn-ä waatta-maa-se?
 или хотеть.PRS-2SG ад-PART идти-INF смотреть-NMLZ-ILL
22. Kuisma iessäi men-i-ø raihe-se 23. C'üsü-si-ø seälä
 Кузьма сначала идти-PST-3SG рай-ILL спрашивать-PST-3SG там
- on=ko kassenna tabakka-a nõuha-tta-waa dali
 быть.PRS.3SG =INT здесь табак-PART нюхать-PASS-PTCP.PRS или
- põlete-tta-waa? 24. Wassa-tt-ii e-b õle. 25. Tämä
 курить-PASS-PTCP.PRS отвечать-IPS-PST NEG-3SG быть он
- juttel-i-ø kui e-b õle mi-lla e-b Siis kassenna
 сказать-PST-3SG если NEG-3SG быть я-AD NEG-3SG Тогда здесь
- sünnü õll-a i wäll'ää tul-i-ø seältä.
 подходить быть-INF и прочь приходить-PST-3SG оттуда
26. Men-i-ø aadaa-se. 27. Nõis-i-ø seälä taase
 идти-PST-3SG ад-ILL статья-PST-3SG там опять
- c'üsü-mää-se on=ko tabakka-a? 28. Juel-t-ii
 спрашивать-NMLZ-ILL быть.PRS.3SG =INT табак-PART сказать-IPS-PST
- millis-sä si-lle piä-b? 29. Hot n'uuha-tta-waa
 какой-PART ты-AL должен.PRS-3SG хотеть нюхать-PASS-PTCP.PRS
- dali põlete-tta-waa 30. Anne-tt-ii n'uuha-tta-waa
 или курить-PASS-PTCP.PRS давать-IPS-PST нюхать-PASS-PTCP.PRS
- pan-i-ø sarwe-e täünnä ene-le-sä aadas'sikka
 класть-PST-3SG рог-GEN полный сам-AL-PX3SG черт
- juttee-b tä-lle mene siä wäll'ä kassenna e-b
 говорить.PRS-3SG он-AL идти. IMP.2SG ты прочь здесь NEG-3SG
- õle si-lle tilaa. 31. Tämä jutte-b kui e-b
 быть ты-AL место он говорить.PRS-3SG как NEG-3SG

mittä on tühjää tilataa weelä”. **32.** — Hot kui' pall'o on, eb ðle sinuu' wartee' kassenna tilaa”. **33.** Se ðli sõtamees jumalilliinee', teasi Jumalaa pall'o. **34.** Eb nõisennu sõtamees wäll'ää tulemaase, jutteli: “la se minu' wõtab wäll'ää, c'en minu' tänne tõi”.

35. Ataman, se aadas's'ikka, ihse on rauta-ahiloiza ç inni pako' pääzä; tämä kopitti tõiiset pakanat uhteese, jutteli: “ajakaa wäll'ää sõtamees”. **36.** Sõtamees wäll'ää eb mee, ühsi eb tõihi tulla sõtamehee' tüwe. **37.** “Kui' eb mene, sitä wiittä wäll'ää, jutteeb ataman: “siis piäb üheltä wõttaa nahka, sellässä nülç'eä nahka, tõmmata rautadzee' wakaa' pääle nahka se, barabana tehä, mennä uhsee' taga, nõissa löömääse barabanaa, siis sõtamees meeb wäll'ää”. **38.** Üheltä nüllettii nahka sellässä, tehtii barabana, löötii barabanaa. **39.** Sõtamees kui' barabanaa' kuuli, siis unohti kaikee' mü',

пустое место еще”. **32.** “Хоть сколько есть, нет для тебя здесь места”. **33.** Это был солдат набожный, Бога почитал [= знал бога много]. **34.** Не стал солдат прочь идти, сказал: “Пусть тот меня уведет [=возьмет прочь], кто меня сюда привел”.

35. Черт этот, адов страж, сам окружен [= закрыт] железными обручами, сверху чурбан, он собрал других чертей вместе, сказал: “Гоните прочь солдата”. **36.** Солдат прочь не идет, ни один не смеет подойти к солдату. **37.** “Если не уйдет прочь таким образом, — говорит черт, — тогда надо у одного взять кожу, со спины содрать кожу, натянуть на железную корзину кожу эту, барабан сделать, пойти за дверь, начать бить в барабан, тогда солдат уйдет прочь. **38.** У одного содрали кожу со спины, сделали барабан, ударили в барабан. **39.** Солдат

ðle mi-lle tilaa nä mi-ttä on
 быть я-AL место смотреть-IMP.2SG что-PART быть.PRS.3SG
 tühjä-ä tila-taa weelä. 32. Hot kui pall'o
 пустой-PART место-PART еще хоть как много
 on e-b ðle sinuu wartee kassenna tilaa.
 быть.PRS.3SG NEG-3SG быть ты.GEN для здесь место
 33. Se ðl-i-ø sõtamees jumalilliinee teä-si-ø Jumala-a
 тот быть-PST-3SG солдат набожный знать-PST-3SG бог-GEN
 pall'o. 34. E-b nõise-nnu sõtamees wäll'ää tule-maa-se
 много NEG-3SG стать-PTCP солдат прочь приходить-NMLZ-ILL
 juttel-i-ø la se minu wõta-b wall'ää ðen
 говорить-PST-3SG пускать. IMP.2SG тот я.GEN брать.PRS-3SG прочь кто
 minu tänne tõi-ø 35. Ataman se aadas's'ikka ihse
 я.GEN сюда приводить-PST-3SG черт тот адов страж сам
 on rauta ahilo-i-za c'inni pako pääzä tämä
 быть.PRS.3SG железо обруч-PL-IN закрыто чурбан.GEN сверху Он
 kopitt-i-ø tõise-t pakana-t ühteese juttel-i-ø aja=kaa
 собирать-PST-3SG другой-PL черт-PL вместе сказать-PST-3SG гнать=IMP.2PL
 wäll'ää sõtamees. 36. Sõtamees wäll'ää e-b Mee ühsi
 прочь солдат солдат прочь NEG-3SG Идти один
 e-b tõh-i-ø tull-a sõtamehe-e tüwe. 37. Kui
 NEG-3SG сметь-PST-3SG приходить-INF солдат-GEN около если
 e-b mene si-tä wiit-tä wäll'ää juttee-b ataman
 NEG-3SG идти тот-PART способ-PART прочь говорить.PRS-3SG черт
 siis piä-b ühe-ltä wõtta-a nahka sellä-ssä nülc'e-ä
 тогда должен.PRS-3SG один-ABL брать-INF кожа спина-EL сдирать-INF
 nahka tõmma-ta rautadze-e waka-a pääle nahka se
 кожа натягивать-INF железный-GEN корзина-GEN на кожа тот
 barabana teh-ä menn-ä uhse-e taga nõis-sa löö-mää-se
 барабан делать-INF идти-INF дверь-GEN за стать-INF бить-NMLZ-ILL
 barabana-a siis sõtamees mee-b wäll'ää 38. Ühe-ltä
 барабан-ILL тогда солдат идти.PRS-3SG прочь один-ABL
 nülle-tt-ii nahka sellä-ssä teh-t-ii barabana löö-t-ii
 сдирать-IPS-PST кожа спина-EL делать-IPS-PST барабан бить-IPS-PST
 barabana-a. 39. Sõtamees kui barabana-a kuul-i-ø siis
 барабан-ILL солдат как барабан-GEN слышать-PST-3SG тогда
 unoht-i-ø kaike-e muu juttel-i-ø ai piä-b
 забывать-PST-3SG все-GEN другой.GEN сказать-PST-3SG ай должен.PRS-3SG

jutteli: “ai, piäb joutua fronttaase, miä sluus'baza õlen”. **40.** Tuli siis tagaas Jumalale. **41.** Jumala c'üsüsi: “mihee siä tulit wäll'ää seältä aadassa?” **42.** Tämä jutteli: “miä teäsin, s'to sluus'baza õlin, milla eb muu püsünnü meelezä”. **43.** Jumala jutteeb : “nüd sinuu' piäb nõissa uhsile wahtimaase, eb piä c'etäitä lahčemaa' ilmaa' enettäsi”.

44. Tuli Surma. **45.** Sõtamees uhsee' iezä c'üsüsi Surmalta: “mi siä õlet?” **46.** Surma jutteli: “miä õlen Surma.” **47.** — “Kuhõ tahot mennä?” — **48.** “A lähen Jumalalta töötä c'üsümääse”. **49.** — “Õle siä kassenna uhsee' takana, miä lähen iessäi, pajatan Jumalale”. **50.** Jumala c'üsüb: “mitä siä, Kuisma, tahot?” — **51.** “Surma tuli c'üsümääse töötä; mitä siä Surma c'äset töötä tehä?” **52.** — “Mene, juttee Surmale, la tämä murteeb kõlme aigassaikaa wanaa rahwassa”. **53.** Sõtamees tuli wäll'ä, jutteli Surmale: “Jumala sinuu'

как барабан услышал, так забыл обо всем остальном [= все другое], сказал: “Ай, надо попасть на фронт, я на службе”. **40.** Пришел тогда обратно к Богу. **41.** Бог спросил: “Зачем ты пришел <прочь> оттуда из ада?” **42.** Он сказал: “Я узнал, что я на службе, у меня другое в уме не держалось”. **43.** Бог говорит: “Теперь ты должен встать за дверь сторожить, не должен никого впускать без меня.

44. Пришла Смерть. **45.** Солдат у двери спрашивает у Смерти: “Ты кто?” **46.** Смерть сказала: “Я Смерть”. **47.** “Куда хочешь идти?” **48.** “А, направляюсь у Бога работы просить”. **49.** “Будь ты здесь, за дверью, я пойду сначала поговорю с Богом”. **50.** Бог спрашивает: “Что ты, Кузьма, хочешь?” **51.** “Смерть пришла просить работы, какую работу ты Смерти велишь делать?” **52.** “Иди, скажи Смерти, пусть она крушит три года старый народ”. **53.** Солдат пришел <прочь>, сказал

- joutu-a fronttaa-se miä sluus'ba-za öle-n.
попасть-INF фронт-ILL я служба-IN быть.PRS-1SG
- 40.** Tul-i-ø siis tagaas Jumala-le. **41.** Jumala
приходить-PST-3SG тогда обратно бог-AL Бог
- c'üsü-si-ø mihee siä tul-i-t wäll'ää seältä
спрашивать-PST-3SG зачем ты приходишь-PST-2SG прочь оттуда
- aada-ssa? **42.** Tämä juttel-i-ø miä teä-si-n s'to
ад-EL он сказать-PST-3SG я знать-PST-1SG что
- sluus'ba-za öl-i-n, mi-lla e-b muu püsü-nnü
служба-IN быть-PST-1SG я-AD NEG-3SG другой держаться-PTCS
- meele-zä. **43.** Jumala juttee-b nüd sinuu piä-b
ум-IN бог говорить.PRS-3SG теперь ты.GEN должен.PRS-3SG
- nõis-sa uhsi-le wahti-maa-se e-b piä c'etäi-tä
стать-INF дверь-AL сторожить-NMLZ-ILL NEG-3SG должен никто-PART
- lahc'e-maa ilmaa ene-ttä-si. **44.** Tul-i-ø Surma
пускать-NMLZ без сам-PART-PX1SG приходит-PST-3SG смерть
- 45.** Sõtamees uhse-e iezä çüsü-si-ø Surma-lta mi
солдат дверь-GEN перед спрашивать-PST-3SG смерть-ABL что
- siä öle-t? **46.** Surma juttel-i-ø miä öle-n
ты быть.PRS-2SG смерть сказать-PST-3SG я быть.PRS-1SG
- Surma. **47.** Kuhõ taho-t menn-ä ? **48.** A
смерть куда хотеть.PRS-2SG идти-INF A
- lähe-n Jumala-lta töö-tä c'üsü-mää-se.
направляться.PRS-1SG бог-ABL работа-PART спрашивать-NMLZ-ILL
- 49.** Öle siä kassenna uhse-e takana miä
быть. IMP.2SG ты здесь дверь-GEN за я
- lähe-n iessäi pajata-n Jumala-le. **50.** Jumala
направляться.PRS-1SG вперед говорить.PRS-1SG бог-AL бог
- c'üsü-b mi-tä siä Kuisma taho-t? **51.** Surma
спрашивать.PRS-3SG что-PART ты Кузьма хотеть.PRS-2SG смерть
- tul-i-ø c'üsü-mää-se töö-tä mi-tä siä
приходить-PST-3SG спрашивать-NMLZ-ILL работа- PART что-PART ты
- Surma-a c'ässe-t töö-tä teh-ä? **52.** Mene
смерть-GEN велеть.PRS-2SG работа- PART делать-INF идти.IMP.2SG
- juttee Surma-le la tämä murtee-b
сказать.IMP.2SG смерть-AL пускать.IMP.2SG он крушить.PRS-3SG
- kölme aigassaika-a wana-a rahwas-sa. **53.** Sõtamees
три год-PART старый-PART народ-PART солдат

c'ähsi kõlme aigassaikaa muraa wanaa tammisikkoa, kummal eb õle koorta enäpi päälä, mokomaa wanaa”.

54. Surma meni, kõlme aigassaikaa murteli wanaa tammi-sikkoa, inihmisiä eb tappannu c'etäitä. **55.** Tuli tagaas kõlmee' aigassaigaa' peräss. **56.** Sõtamees c'üsüsi: “mi siä õlet?” **57.** Surma jutteli: “miä õlen Surma”. **58.** — “Kuhõ tahot mennä?” **59.** — A lähen Jumalalta tõ^h tä c'üsümääse”. **60.** — “Õle siä kassenna uhsee' takana, miä lähen iessäi, pajatan Jumalale”. **61.** Jumala c'üsüb: “mitä siä, Kuisma, tahot?” — **62.** “Surma tuli c'üsümääse töötä; mitä siä Surma' c'äset töötä tehä?” **63.** — “Mene, juttee Surmale, la tämä meb c'ehc'i-wälillissä rahwassa murteemaase kõlme aigassaikaa”. **64.** Sõtamees tuli wäll'ää, jutteli Surmale: mee, c'ehc'i-wälillissä tammisikkoa niurtee kõlme aigassaikaa”.

Смерти: “Бог тебе велел три года крушить старые дубравы, у которых коры больше нет, такие старые.

54. Смерть ушла, три года крушила старые дубравы, (из) людей не трогала никого. **55.** Пришла обратно через три года. **56.** Солдат спросил: “Ты кто?” **57.** Смерть сказала: “Я Смерть”. **58.** “Куда хочешь идти?” **59.** “А, направляюсь у Бога работы просить”. **60.** “Будь ты здесь, за дверью, я пойду сначала поговорю с Богом”. **61.** Бог спрашивает: “Что ты, Кузьма, хочешь?” **62.** “Смерть пришла просить работы, какую работу ты Смерти велишь делать?” **63.** “Иди, скажи Смерти, пусть она идет крушить народ среднего возраста три года”. **64.** Солдат пришел прочь, сказал Смерти: “Иди, дубравы среднего возраста круши три года”.

tul-i-ø	wäll'ä	juttel-i-ø	Surma-le	Jumala	sinuu	
приходить-PST-3SG	прочь	сказать-PST-3SG	смерть-AL	Бог	ты.GEN	
c'ähs-i-ø	kölme	aigassaika-a	mura-a	wana-a	tammisikko-a	
велеть-PST-3SG	три	год-PART	крушить-INF	старый-PART	дубрава-PART	
kumma-la	e-b	öle	koor-ta	enäpi	päälä	mokoma-a
который-AD	NEG-3SG	быть	кора-PART	больше	сверху	такой-PART
wana-a.	54.	Surma	men-i-ø	kölme	aigassaika-a	
старый-PART		смерть	идти-PST-3SG	три	год-PART	
murtel-i-ø	wana-a	tammisikko-a	inihmis-i-ä	e-b		
крушить-PST-3SG	старый-PART	дубрава-PART	человек-PL-PART	NEG-3SG		
tappa-nnu	c'etäi-tä.	55.	Tul-i-ø	tagaas	kölme-e	
убивать-PTCP	никто-PART		приходить-PST-3SG	обратно	три-GEN	
aigassaiga-a	peräss.	56.	Sõtamees	c'üsü-si-ø	mi	siä
год-GEN	после		солдат	спрашивать-PST-3SG	что	ты
öle-t?	57.	Surma	juttel-i-ø	miä	öle-n	Surma
быть.PRS-2SG		смерть	сказать-PST-3SG	я	быть.PRS-1SG	смерть
58.	Kuhõ	taho-t	menn-ä?	59.	A	lähe-n
	куда	хотеть.PRS-2SG	идти-INF	а		направляться.PRS-1SG
Jumala-lta	töö-tä	c'üsü-mää-se.	60.	Öle	siä	kassenna
бог-ABL	работа-PART	спрашивать-NMLZ-ILL		быть.IMP.2SG	ты	здесь
uhse-e	takana	miä	lähe-n	iessäi	pajata-n	
дверь-GEN	за	я	направляться.PRS-1SG	вперед	говорить.PRS-1SG	
Jumala-le.	61.	Jumala	c'üsü-b	mi-tä	siä	Kuisma
бог-AL		бог	спрашивать.PRS-3SG	что-PART	ты	Кузьма
taho-t?	62.	Surma	tul-i-ø	c'üsü-mää-se		
хотеть.PRS-2SG		смерть	приходить-PST-3SG	спрашивать-NMLZ-ILL		
töö-tä	mi-tä	siä	Surma-a	c'asse-t	töö-tä	
работа-PART	что-PART	ты	смерть-GEN	велеть.PRS-2SG	работа-PART	
teh-ä	63.	Mene	juttee	Surma-le	La	
делать-INF		идти.IMP.2SG	сказать.IMP.2SG	смерть-AL	пускать.IMP.2SG	
tämä	mee-b	c'ehc'i-wälillis-sä	rahwas-sa			
он	идти.PRS-3SG	средне-промежуточный-PART	народ-PART			
murtee-maa-se	kölme	aigassaika-a	64.	Sõtamees		
крушить-NMLZ-ILL	три	год-PART		солдат		
tul-i-ø	wäll'ä	juttel-i-ø	Surma-le	mee		
приходить-PST-3SG	прочь	сказать-PST-3SG	смерть-AL	идти.IMP.2SG		
c'ehc'i-wälillis-sä	tammisikko-a	murtee	kölme			
средне-промежуточный-PART	дубрава-PART	крушить.IMP.2SG	три			

65. Surma meni, murteli kõlme aigassaikaa c'ehc'i-wälillissä tammisikkoa. **66.** Tuli tagaas, tō^â tä c'üsümääse Jumalalta, surma se, kõlme' aigassaigaa' peräss. **67.** Sõtamees uhsee' iezäi taas c'üsüsi Surmalta: “mi siä õlet?” **68.** Surma wassasi: “miä Surma õlen”. **69.** — “Kuhõ menet?” **70.** — “A lähen Jumalalta töötä c'üsümääse”. **71.** — “Siä kassenna õle uhsee' takana, mia lähen iessäi, pajatan Jumalale”. **72.** — Jumala c'üsüsi: “mitä siä, Kuisma, tahot?” **73.** — “Surma taas tō^â tä tuli c'üsümääse; mitä siä Surmaa' c'äset töötä tehä?” **74.** Jumala jutteli: “la meeb nüd kõikkiaa noorepaa rahwassa tappamaase, ühsi-woosikko kump' on”. **75.** Sõtamees tuli wäll'ää, jutteli Surmale: “mee, kõlme aigas-
saikaa murtee noorta metsää, kummal õhsai eb õle weel”.

76. Sai ühehsää' aigassaikaa õtsaase. **77.** Surma se morisi, jäi

65. Смерть ушла, три года крушила дубравы среднего возраста. **66.** Пришла обратно работы просить у Бога смерть эта через три года. **67.** Солдат опять у двери спросил у Смерти: “Ты кто?” **68.** Смерть ответила: “Я Смерть”. **69.** “Куда идешь?” **70.** “А, направляюсь у Бога работы просить”. **71.** “Ты здесь будь, за дверью, я пойду сначала поговорю с Богом”. **72.** Бог спросил: “Что ты, Кузьма, хочешь?” **73.** “Смерть опять работы пришла просить, что ты Смерти велишь делать?” **74.** Бог сказал: “Пусть идет теперь весь молодой народ убивает, <который> годовалый”. **75.** Солдат пришел прочь, сказал Смерти: “Иди, три года круши молодой лес, на котором веток нет еще”.

76. Прошло девять лет наконец. **77.** Смерть эта высохла,

- aigassaika-a 65. Surma men-i-ø murtel-i-ø kõlme
 год-PART смерть идти-PST-3SG крушить-PST-3SG три
- aigassaika-a c'ehc'i-wälillis-sä tammisikko-a
 год-PART средне-промежуточный-PART дубрава-PART
66. Tul-i-ø tagaas töö-tä c'üsü-mää-se Jumala-lta
 приходить-PST-3SG обратно работа-PART спрашивать-NMLZ-ILL бог-ABL
- surma se kõlme-e aigassaiga-a peräss. 67. Sõtamees
 смерть тот три-GEN год-GEN после солдат
- uhse-e iezäi taas c'üsü-si-ø Surma-lta mi siä
 дверь-GEN перед опять спрашивать-PST-3SG смерть-ABL что ты
- õle-t? 68. Surma wassa-si-ø miä Surma õle-n
 быть.PRS-2SG смерть отвечать-PST-3SG я смерть быть.PRS-1SG
69. Kuhõ mene-t? 70. A lähe-n Jumala-lta
 куда идти.PRS-2SG а направляться.PRS-1SG бог-ABL
- töö-tä c'üsü-si-ø 71. Siä kassenna õle
 работа-PART спрашивать-PST-3SG ты здесь быть.IMP.2SG
- uhse-e takana mia lähe-n iessäi pajata-n
 дверь-GEN за я отправляться.PRS-1SG вперед сказать.PRS-1SG
- Jumala-le. 72. Jumala c'üsü-si-ø mi-tä siä Kuisma
 бог-AL бог спрашивать-PST-3SG что- PART ты Кузьма
- taho-t? 73. Surma taas töö-tä tul-i-ø
 хотеть.PRS-2SG смерть опять работа- PART приходить-PST-3SG
- c'üsü-mää-se mi-tä siä Surma-a c'ässe-t töö-tä
 спрашивать-NMLZ-ILL что-PART ты смерть-GEN велеть.PRS-2SG работа- PART
- teh-ä? 74. Jumala juttel-i-ø la mee-b nüd
 делать-INF бог сказать-PST-3SG пускать.IMP.2SG идти.PRS-3SG теперь
- kõikkia-a noore-pa-a rahwas-sa tappa-maa-se ühsi-woosikko
 все-PART молодой-COMP-PART народ-PART убивать-NMLZ-ILL один-годовойый
- kump on. 75. Sõtamees tul-i-ø wäll'ä
 который быть.PRS.3SG солдат приходить-PST-3SG прочь
- juttel-i-ø Surma-le mee kõlme-e aigassaiga-a
 сказать-PST-3SG смерть-AL идти.IMP.2SG три-GEN год-GEN
- murtee noor-ta metsä-ä kumma-la õhsa-i-a e-b
 крушить.IMP.2SG молодой-PART лес-PART который-AD ветка-PL-PART NEG-3SG
- õle weel. 76. Sa-i-ø ühehsää aigassaika-a õtsaa-se.
 быть еще получать девять год-PART конец-ILL
77. Surma se mori-si-ø jä-i-ø oonokkadze-his
 смерть тот высохнуть-PST-3SG оставаться-PST-3SG худой-TRNSL

oonokkadzehsi, s'to eb enäpi wõi c'äwwä. **78.** Tuli ühehsämää' aigassaigaa' üli tagaas Surma Jumalale. **79.** Meniwät sõtamehee' kaa nõlepat esii Jumalale. **80.** Jumala c'üsüb Surmalta: "mihsi siä nii' oono õlet?" **81.** — "Ühehsää' aigassaikaa tammisikkoa murtelin, siis õlen nii' oono". **82.** Jumala jutteli: "miä sinuu' rahwassa lähätin murteemaase, en metsää". **83.** Surma wassasi: "sõtamees nii' jutteli: 'tammisikkoa c'ähsi Jumala sinuu' murella". **84.** Jumala jutteeb sõtamehele: "mihee siä tätä pettelit? **85.** Miä lähätin rahwassa murteemaase, siä pettelit tämää' metsäse. **86.** Sinuu' ühehsää' aigassaikaa pihala piäb tätä kantaa".

87. Surma nõisi sõtamehele piha pääle. **88.** Nõisi sõtamees n'uuhaamaase tabakkaa. **89.** Surma nõisi c'üsümääse: "mi silla se on?" **90.** — Sõtamees wassasi: "kasse on mokoma roho, kui' tuleb ic'äwä, sitä waitas n'uuhaa, tuleb wesola siis". **91.** Surma c'üsüsi:

стала (такой) худой, что не может больше ходить. **78.** Пришла через девять лет снова Смерть к Богу. **79.** Пришли с солдатом вдвоем к Богу. **80.** Бог спрашивает у Смерти: "Поему ты такая худая?" **81.** "Девять лет дубравы крушила, потому такая худая". **82.** Бог сказал: "Я тебя народ отправлял крушить, не лес". **83.** Смерть ответила: "Солдат так сказал, дубраву велел тебе Бог крушить". **84.** Бог говорит солдату: "Зачем ты ее обманывал? **85.** Я отправлял народ крушить, ты обманул ее (отправил) в лес. **86.** Тебе надо девять лет ее на плече носить".

87. Смерть встала солдату на плечо. **88.** Стал солдат нюхать табак. **89.** Смерть стала спрашивать: "Что это такое?" **90.** Солдат ответил: "Это такая трава, как станет грустно, ее только понюхать, становишься веселым тогда". **91.** Смерть

- s'to e-b enäpi wõ-i-ø c'äww-ä. 78. Tul-i-ø
 что NEG-3SG больше мочь-PST-3SG ходить-INF приходить-PST-3SG
- ühehsämää aigassaiga-a üli tagaas Surma Jumala-le.
 девять.GEN год-GEN через снова смерть бог-AL
79. Men-i-wät sõtamehe-e kaa nõlepat esii Jumala-le.
 идти-PST-3PL солдат-GEN с оба вперед бог-AL
80. Jumala c'üsü-b Surma-lta mihsi siä nii
 бог спрашивать.PRS-3SG смерть-ABL почему ты так
- oono õle-t? 81. Ühehsää aigassaika-a tammisikko-a
 худой быть.PRS-2SG девять год-PART дубрава-PART
- murte-l-i-n siis õle-n nii oono. 82. Jumala
 крушить-FR-PST-1SG тогда быть.PRS-1SG так худой бог
- juttel-i-ø miä sinuu rahwas-sa lähät-i-n murtee-maa-se
 сказать-PST-3SG я ты.GEN народ-PART отправлять-PST-3SG крушить-NMLZ-ILL
- e-n metsä-ä. 83. Surma wassa-si-ø sõtamees nii
 NEG-3SG лес-PART смерть отвечать-PST-3SG солдат так
- juttel-i-ø tammisikko-a çäh-si-ø Jumala sinuu murre-ll-a.
 сказать-PST-3SG дубрава-PART велеть-PST-3SG бог ты.GEN крушить-FR-INF
84. Jumala juttee-b sõtamehe-le mihee siä tä-tä
 бог говорить.PRS-3SG солдат-AL зачем ты он-PART
- pettel-i-t? 85. Miä lähät-i-n rahwas-sa
 обманывать-PST-3SG я отправлять-PST-3SG народ-PART
- murtee-maa-se siä pettel-i-t tämä-ä metsä-se.
 крушить-NMLZ-ILL ты обманывать-PST-3SG он-GEN лес-ILL
86. Sinuu ühehsää aigassaika-a piha-la piä-b tä-tä
 ты.GEN девять год-PART плечо-AD должен.PRS-3SG он-PART
- kanta-a. 87. Surma nõis-i-ø sõtamehe-le piha pääle.
 носить-INF смерть стать-PST-3SG солдат-AL плечо.GEN на
88. Nõis-i-ø sõtamees n'uuhaamaase tabakka-a.
 стать-PST-3SG солдат нюхать-NMLZ-ILL табак-PART
89. Surma nõis-i-ø c'üsü-mää-se mi si-lla
 смерть стать-PST-3SG спрашивать-NMLZ-ILL что ты-AD
- se on? 90. Sõtamees wassa-si-ø kasse
 тот быть.PRS.3SG солдат отвечать-PST-3SG этот
- on mokoma roho kui tule-b ic'äwä sitä
 быть.PRS.3SG такой трава как приходить.PRS-3SG грустный тот.PART
- waitas n'uuha-a tule-b wesola siis. 91. Surma
 только пахнуть-INF приходить.PRS-3SG веселый тогда смерть

“etko anna millei n’uuhata kasta rohta?” **92.** — “Kui’ miä sille annan?” **93.** — “Anna nennii’ c’äee’ pääle kui ihse n’uuhasit.” **94.** Sõtamees wõtti sarwee’ põhjassa kaanee’ wäll’ää’ jutteli: “mee sarwee’ süämeese, n’uha kui’ pall’o tahot”. **95.** Surma meni sarwee’ süämeese, tämä pani kanee’ pääle, da ühehsää’ aigassaikaa piti seäl tabakka-sarweza Surmaa.

96. Meni Jumalale siis üli ühehsämää’ aigassaigaa! **97.** Jumala tältä nõisi c’üsümääse: “kuza sill’ on Surma?” **98.** Tämä awasi tabakka-sarwee’, da puisti Surmaa’ sene maale. **99.** Surma tõkkusi kui’ c’ärpänee’ seältä, iho kõikki õli kuiwannu da luut kuiwannu, kõikki õli peeni kui’ c’ärpänee’ waitas. **100.** Jumala nõisi siis jutteemaase sõtamehele: “mine peräss siä tätä tabakka-sarweza piit ühehsää’ aigassaikaa, miä pihala c’ähsin kantaa?” **101.** Sõtamees

спросила: “Не дашь мне понюхать этой травы?” **92.** “Как я тебе дам?” **93.** “Дай так на руку, как сам нюхал”. **94.** Солдат снял крышку со дна рожка, сказал: “Иди вовнутрь рожка, нюхай, сколько хочешь”. **95.** Смерть пошла вовнутрь рожка, он положил крышку сверху и девять лет держал там, в табачном рожке Смерть.

96. Пошел к Богу тогда через девять лет. **97.** Бог его стал спрашивать: “Где у тебя Смерть?” **98.** Он открыл табачный рожок и выпустил Смерть на землю. **99.** Смерть упала, как муха, оттуда, тело все было высохшее, и кости все высохшие, была маленькая, как муха <только>. **100.** Бог стал тогда говорить солдату: “Зачем ты ее в табачном рожке держал девять лет, я велел на плече носить?” **101.** Солдат ответил:

c'üsü-si-ø e-t=ko anna mi-llei n'uuha-ta kas-ta
спрашивать- PST-3SG NEG-2SG=INT давать я-AL нюхать-INF этот-PART

roh-ta? 92. Kui miä si-lle anna-n? 93. Anna
травя-PART как я ты-AL давать-PRS-1SG давать.IMP.2SG

nennii c'äe-e pääle kui ihse n'uuha-si-t. 94. Sõtamees
так рука-GEN на как сам нюхать-PST-2SG солдат

wött-i-ø sarwe-e pöhja-ssa kaane-e wäll'ää juttel-i-ø
брать-PST-3SG рог-GEN дно-EL крышка-GEN прочь сказать- PST-3SG

mee sarwe-e süämee-se n'uha kui pall'o
идти. IMP.2SG рог-GEN нутро-ILL нюхать.IMP.2SG как Много

taho-t. 95. Surma men-i-ø sarwe-e süämee-se tämä
хотеть-PRS-2SG смерть идти-PST-3SG рог-GEN нутро-ILL он

pan-i-ø kaane-e pääle da ühehsä-ä aigassaika-a
класть-PST-3SG крышка-GEN на и девять год-PART

pit-i-ø seäl tabakka-sarwe-za Surma-a 96. Men-i-ø
держать-PST-3SG там табак-рог-IN смерть-PART идти-PST-3SG

Jumala-le siis üli ühehsämää aigassaiga-a. 97. Jumala
бог-AL тогда через девять.GEN год-GEN бог

tä-ltä nõis-i-ø c'üsü-mää-se kuza si-ll on
он-ABL стать-PST-3SG спрашивать-NMLZ-ILL где ты-AD быть.PRS-3SG

Surma? 98. Tämä awa-si-ø tabakka-sarwe-e da puist-i-ø
смерть он открывать табак-рог-GEN и выпускать-PST-3SG

Surma-a sene maa-le. 99. Surma tökku-si-ø kui
смерть-GEN тот.GEN земля-AL смерть падать-PST-3SG как

c'ärpänee seältä iho kõikki õl-i-ø kuiwa-nnu da
муха оттуда тело весь быть-PST-3SG высохнуть-PTCP и

luu-t kuiwa-nnu kõikki õl-i-ø peeni kui
кость-PL высохнуть-PTCP весь быть-PST-3SG маленький как

c'ärpänee waitas. 100. Jumala nõis-i-ø siis juttee-maa-se
муха только бог стать-PST-3SG тогда говорить-PST-3SG

sõtamehe-le mine peräss siä tä-tä tabakka-sarwe-za
солдат-AL что.GEN за ты он-PART табак-рог-IN

pi-i-t ühehsää aigassaika-a miä piha-la c'äh-si-n
держать-PST-2SG девять год-PART я плечо-AD велеть-PST-1SG

kanta-a? 101. Sõtamees wassa-si-ø ni i ni kasse
носить-INF солдат отвечать-PST-3SG так и так этот

Surma ielä teç-i-ø rikkaa-lta wött-i-ø denggo-i-ta a
смерть раньше делать-PST-3SG богатый-ABL брать-PST-3SG деньги-PL-PART a

wassasi: ni' i ni', kasse Surma ielä tec'i, rikkaalta wõtti denggoita, a c'õuhät tappõi. **102.** Miä tulin teelä wassaa tälle, tämä milta denggoita c'üsüsi; kui' eb õllu milla denggoi enäpi kui' kõlme rublaa, a tappõi, ühtä wirssaa eb lassennu mennä, miä kahee' tuhattõmaa' wirssa' päässä kotoose tulin sukua waattamaase”.

103. Jumala nõisi siis jutteemaase Surmale: “sinuu' piäb tehä totuula, eb piä petellä c'etäitä; tapa kõikki r'atua möö c'õuhä i rikas, c'etä on Jumala lähättännü tappamaase; elä wõta denggoja, eläka denggojee' peräss ühtä sä^ä li enäpi kui' tõissa”.

104. A sõtamehessä sitä tuli swätöi, swätöi Kuisma, kumpaa prasnuiwa Woinissalaza Pihlaalaza, Grafinaa' wallaza.

“Так и так, Смерть эта раньше (так) делала: у богатых брала деньги, а бедных убивала. **102.** Я шел по дороге ей навстречу, она у меня денег попросила, (так) как не было у меня денег больше, чем три рубля, и убила, одной версты не осталось мне идти, расстояние в тысячу верст до дома прошел (чтобы) родню увидеть”.

103. Бог стал тогда говорить Смерти: “Ты должна делать по правде, не должна никого обманывать, убивать всех по порядку, бедных и богатых, кого Бог отправил убивать, не бери деньги, за деньги ни одного не щади больше, чем другого”.

104. А солдат этот стал святой, святой Кузьма, которого празднуют в Войниссала Пихлаала, владении Графини.

čöühä-t tappõ-i-ø 102. Miä tul-i-n tee-lä
 бедный-PL убивать-PST-3SG я приходить-PST-1SG дорога-AD
 wassaa tä-lle tämä mi-lta denggo-i-ta c'üsü-si-ø kui
 навстречу он-AL он я-ABL деньги-PL-PART просить-PST-3SG как
 e-b õl-lu mi-lla denggo-i-a enäpi kui kõlme rubla-a
 NEG-3SG быть-PTCP я-AD деньги-PL-PART больше как три рубль-PART
 a tappõ-i-ø üh-tä wirssa-a e-b lasse-nnu
 а убивать-PST-3SG один-PART верста-PART NEG-3SG пускать-PTCP
 menn-ä miä kahe-e tuhattõmaa wirssa päässä kotoo-se
 идти-INF я два-GEN тысяча-GEN верста-GEN расстояние дом-ILL
 tul-i-n suku-a waatta-maa-se. 103. Jumala nõis-i-ø
 прийти-PST-3SG родня-PART видеть-NMLZ-ILL бог стать-PST-3SG
 siis juttee-maa-se Surma-le sinuu piä-b teh-ä
 тогда говорить-NMLZ-ILL смерть-AL ты-GEN должен-PRS-3SG делать-INF
 totuu-la e-b piä petell-ä c'etäi-tä tapa
 правда-AD NEG-3SG должен обманывать-INF никто-PART убивать-IMP.2SG
 kõikki r'atu-a möö čöühä i rikas c'e-tä on
 все порядок-PART по бедный и богатый кто-PART быть-PRS.3SG
 Jumala lähättä-nnu tappa-maa-se e-lä wõta denggo-j-a
 бог отправлять-PTCP убивать-NMLZ-ILL NEG-IMP.2SG брать деньги-PL-PART
 elä=ka denggo-j-ee peräss üh-tä sääli enäpi kui
 NEG-IMP.2SG=FOC деньги-PL-GEN за один-PART щадить больше как
 tõis-sa. 104. A sõtamehe-ssä sitä tul-i-ø swätoi
 другой-PART а солдат-EL тот-EL прийти-PST-3SG святой
 swätoi Kuisma kumpa-a prasnui-wa Woinissala-za
 святой Кузьма который-PART праздновать-PTCP.PRS Войниссала-IN
 Pihlaala-za Grafina-a walla-za.
 Пихлала-IN графиня-GEN владение-IN

Литература

Агранат Т.Б. Западный диалект водского языка. Москва-Гронинген, 2007.

Агранат Т.Б. Водские тексты с поморфемной нотацией, Москва, 2012.

Видеман Ф. И. О происхождении и языке вымерших ныне кривинов. Санкт-Петербург, 1872.

Ahlquist A. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1856.

Ariste P. Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn, 1986.

Kettunen L. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930/1915.

Mustonen O.A.F. Muistoonpanoja Vatjan kielestä // Virittäjä, 1883.

Posti L., Suhonen S. Setälän vatjalaismuistiinpanot. Helsinki, 1964.

Татьяна Борисовна Агранат

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Tatiana Borisovna Agranat

Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

tagranat@yandex.ru

Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique [Категоризация миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве]. — Viaut A., Moskvitcheva S. (dirs.) — Bordeaux–Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014. — 405 p.

Рецензируемое издание является опытом концептуализации и осмысления пространств миноритарных языков методами различных наук. Коллективная монография *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique* явилась результатом научного проекта *Langues minoritaires et marges linguistiques en Europe*¹. Проект получил финансовую поддержку Регионального Совета Аквитании² (Франция) и был проведен в 2009–2013 гг. группой исследователей под руководством директора исследований Национального центра научных исследований (Франция) Алена Вио (ИЦНИ, лаборатория 5478 IKER, Франция). Административная и финансовая координация проекта осуществлялась Домом наук о человеке Аквитании (Бордо, Франция)³.

Основу издания преимущественно составили тексты выступлений на научной конференции *Catégorisation des langues minoritaires: approche pluridisciplinaire de la terminologie russe*, организованной Домом наук о человеке 9–10 декабря 2010 г. Основной интерес участников был сконцентрирован на анализе феномена «миноритарный язык»

¹ Миноритарные языки и языковые периферии в Европе.

² Conseil régional d'Aquitaine.

³ Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine.

в его онтологической, гносеологической и дискурсивной природе. Внимание исследователей привлекли как формы существования миноритарных языков, так и их категоризация в зависимости от различных культурных, исторических и социальных практик, идеологических и политических установок. Концепт «миноритарный язык», его роль и потенциал в категоризации языкового пространства рассматривались в междисциплинарном аспекте, используя, в первую очередь методы лингвистики (преимущественно социолингвистики и лексической семантики) и права. Результаты исследования были опубликованы в двух томах⁴. Первый том, которому посвящена настоящая рецензия, явился попыткой осмысления специфики понимания и развития терминологического поля, приложимого к категориям миноритарных языков и языкам в миноритарной ситуации в Российской Федерации и странах бывшего советского пространства.

Издание стало результатом тесного многолетнего сотрудничества российских и французских исследователей в изучении категоризации языкового пространства, что, как представляется, придает особую ценность и интерес данной книге.

Авторы монографии исходили из положения, что концепт «миноритарный язык» проявляется исключительно в дискурсивном, конструктивистском, а не в онтологическом пространстве. Следовательно, он чрезвычайно чувствителен к социальным и политическим сдвигам, недостатка в которых не испытала ни русская, ни европейская история XX в., поэтому сравнение гносеологических и эпистемологических

⁴ Вторая часть (*Identifier et catégoriser les langues minoritaires en Europe occidentale* [Определение и категоризация миноритарных языков в Западной Европе]. *Busquet J., Platon S., Viaut A. (dirs.)* Bordeaux–Pessac: Maison des sciences de l’homme d’Aquitaine, 2014), увидевшая свет одновременно с данным изданием, посвящена проблемам категоризации языкового пространства в Европе в узком понимании.

европейских и советских/российских парадигм чрезвычайно плодотворно, тем более что изучение данного феномена едва ли возможно без учета опыта категоризации миноритарных языков в двух макрорегионах.

В ряде статей монографии (С. Москвичева, Е. Белинская, Ж.-Л. Леонард, К. Джорджевич, А. Паско) показано, что построение социолингвистической и юридической терминологии в этой области невозможно на принципе отражения онтоса исследуемого объекта, поскольку категоризация миноритарных языков исходит из дискурсивных практик.

Монография состоит из трех частей. Первая — «Междисциплинарный подход к номинациям», где преимущественно обсуждаются проблемы общеметодологического порядка. Во второй части «Особенности номинативных категоризации в различных ареалах» представлен анализ категоризации таких номинаций миноритарных языков как «родной язык», «язык меньшинства», «язык этнического меньшинства» на примере конкретных языковых ситуаций в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Третья, заключительная часть монографии «Сравнение с Европейским ареалом» содержит четыре статьи, в которых сопоставляются категоризации миноритарных языков в российской и европейской практиках с точки зрения права, лингвистики и семантики.

В первой части монографии в главе «Объект “миноритарный язык”» поставлены общие вопросы о причинах многообразия номинаций, явлениях полисемии и синонимии в сосуществующих социолингвистических и юридических терминологиях в области именования миноритарных языков в России и на постсоветском пространстве. В статье С.А. Москвичевой «Синонимия и ее пределы в терминологическом поле “миноритарный язык” в российской традиции» (с. 19–45) дан обзор наиболее влиятельных советских работ в области теории терминологии (труды Д.С. Лотте, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, Г.П. Мельникова, В.М. Лейчика и других), а также дан анализ причин полиномии категорий

миноритарных языков. В статье на первый план выходит преимущественно метаязыковая функция языка.

Философские и психологические подходы к определению и пониманию природы термина представлены в статье Е. Белинской «Семантические характеристики понятия “язык”» (с. 45–59). Для автора наиболее существенной оказывается символическая функция языка, хотя метаязыковые аспекты также оказываются затронутыми. Е. Белинская обосновывает принципиальную множественность именования исходя из феноменологических философских парадигм и более поздних работ П. Бергера и Т. Лукмана о ведущей роли языка в социальном конструировании. «Различные картины мира, включая и научную картину, находят свое выражение в системе использования языка» (с. 47), одной из основных задач которого является объективация различных социальных опытов.

Оба автора сходятся в том, что истоки полиномии следует искать как в сложной онтологической природе самого объекта исследования, так и в смене гносеологических и эпистемологических парадигм двадцатого века. Язык как объект политики трактовался в духе эссенциализма, структурализма, конструктивизма и постконструктивизма, что привело к контаминации и эклектизму терминосистем номинаций языков, их внутренней противоречивости в социальном и политическом аспектах. Советская социалингвистика, заявляя о своей приверженности диалектическому материализму, в сущности работала с социальными конструктами. Не случайно, факторами, определяющим социальную категоризацию миноритарных языков, которые следует учитывать в первую очередь, являются существенные изменения в общей идеологии государства на протяжении всей его истории, непосредственно определявшие политику и практику строительства социализма в СССР в целом и языковое строительство в частности. Опыт грандиозного эксперимента по осуществлению институализации этничности, конструированию и развитию языков по-прежнему требует своего осмысления, в том числе

через анализ терминологического поля, категоризирующего языковое пространство.

В статье С. Москвичевой сложность семантической структуры номинаций показана на примере взаимоотношений таких понятий как *народ, нация, национальность, этнос, меньшинство, общность, община, группа* в качестве определителя при субстантиве *язык*. Е. Белинская, анализируя семантическую эволюцию термина «язык» в научном этнопсихологическом дискурсе 90-х – начала 2000-х гг., уделяет особое внимание таким номинациям как *родной, первый, второй родной, свой, чужой, новый, иностранный язык* и ряду других.

Семантическая структура номинаций в концептуальном поле «миноритарный язык» отличается большой сложностью и подвижностью, поскольку, как было сказано выше, она производна от дискурсивных формаций и связанных с ними социальных представлений о языке. Применительно к этому семантическому полю более чем верно определение Л. Витгенштейна «значение есть употребление».

Наряду с тематическим делением, которое ясно из содержания книги, в данной монографии можно проследить два методологических подхода, соответствующих поставленной автором задаче: описание и анализ семантической структуры номинаций или же описание языковых ситуаций через призму категорий миноритарных языков в языковом, социальном и юридических аспектах. К первой (семантической) проблематике, помимо работ С. Москвичевой и Е. Белинской, можно отнести статьи Н. Нугаевой и У. Остапенко, Ф. Новикова, Е. Недопекиной, У. Бахтикиреевой, К. Джорджевич и Ж.-Л. Леонарда, А. Паско.

Статью Ж.-Л. Леонарда и К. Джорджевич «Эндогенные и экзогенные названия уральских языков: на примере обско-угорских и самоедских языков» (с. 259–281) предваряет подробное описание социолингвистической ситуации, сложившейся в ареале распространения финно-угорских языков в Российской Федерации, освещающее вопросы типологических

и генетических классификаций данных языков, с кратким изложением истории языкового строительства в данном регионе и характеристикой современного состояния языков. Представляется, что такой подход оправдан, поскольку издание было рассчитано в первую очередь не на российского читателя, более-менее знакомого с изложенными фактами, а на европейского (французского), для которого подобная информация может быть новой и полезной. Далее авторы предлагают категоризацию собственно наименований финно-угорских языков, основанием которой служит логика Дж. Милля и ее критика в трудах Г. Фреге, а целью является исследовать, каким образом денотативные и коннотативные (восходящие к психосоциальным репрезентациям и суждениям) компоненты этнонимов соотносятся в названиях языков. Наверху иерархии авторы располагают этнонимы с референтивной соотнесенностью: общей (самоеды, юагиры) или содержащей компонент-геоним (гидронимы, биотопонимы, напр. 'люди леса' и т. п.). Уровнем ниже в иерархии стоят экзогенные гетеронимы, среди которых выделяются вертикальные (названия народов, данные русскими) и горизонтальные (названия народов, данные соседними, нерусскими народами), далее в классификации следуют автонимы (эндогенные названия), которые могут быть антропоцентричными или этноцентричными.

Статья представляет финно-угорские народы не в ракурсе «миноритарности», а с точки зрения референтивной соотнесенности названий языков и социальных представлений о них. Данная классификация несколько выбивается из общего сюжета монографии, сосредоточенной на социально-политической категоризации языков, однако подход представляется крайне интересным и плодотворным.

В статье А. Вио «Соотношение языка и территории в номинациях языков в миноритарной ситуации в России и Франции» (с. 321–339) рассматривается вопрос о соотношении территории в физическом и ментальном смыслах и языка.

Автору принадлежит разработка концепта лингвистической границы по типу А, совпадающей с границами распространения первичных диалектов (термин Косериу) и границы по типу В, соответствующей территориям, на которых функционирует стандартный вариант языка. Границы территории по второму типу не эквиваленты пространству в физическом смысле, что, в частности, приводит к определенной специфике категоризации и понимания миноритарного языка. Так, региональный язык Эльзаса и Мозеля понимается как немецкие диалекты (исконные диалекты области) + *Hochdeutsch*, что имеет определенные следствия в области преподавания языка, что, в свою очередь, влияет на проблему сохранности немецких идиом востока страны.

Далее в статье на примере семантики использования единственного и множественного числа в официальных номинациях категорий языков автор раскрывает две тенденции в процессах миноризации языков современной Франции: эффект глобализации и эффект нейтрализации. «Эффект глобализации» связан с существованием понятия «*langues de France*»⁵, который подводит все языки Франции под одну общую категорию, истоки которой следует искать в якобинском понимании неделимости народа и территории Французской Республики. На символическом уровне специфика, приписываемая каждому из языков, оказывается связанной с семантикой единственного числа связанных с ним предикатов («*Les langues de France est le patrimoine...⁶*»), которая выражает идею общности и связана с онтологическим единством (*la France*⁷). Вторая тенденция связана с «эффектом нейтрализации» через дисперсное представление языков. В официальных документах

⁵ Термин, используемый Министерством культуры и коммуникаций, введен в 2001 г.

⁶ Языки Франции являются наследием... (французский язык достаточно легко позволяет употреблять слово «наследие» во множественном числе).

⁷ Франция.

единственное число применительно к государственному французскому языку всегда противостоит множественному «языки Франции» (все другие языки, взятые как единая совокупность), что нашло отражение и в названии органа, курирующего языковую политику — Генеральное управление по французскому языку и языкам Франции. Для «других» языков предпочтительной оказывается общая номинация во множественном числе, названия самих же языков даются в скобках: «говоры языка “*ос*” или окситанского (гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузинский, виваро-альпийски⁸)». Таким образом создается эффект дисперсного негомогенного существования миноритарного языка, а точнее языков (группы диалектов?), образующих некий языковой континуум, противопоставленный единому и гомогенному французскому языку.

Заслуживают внимания подходы к описанию семантики языка мигрантов, предложенные в статье А. Паско «Содержание и восприятие номинации «язык мигрантов» во Франции и России» (с. 339–367). Для выяснения степени употребимости той или иной номинации (язык миграции, язык иммиграции, языки мигрантов и т. д.) автор, в том числе, использовал поисковую систему Google. На момент написания статьи французское семантическое поле «язык мигрантов» было представлено целой гаммой номинаций, в то время как в русском преобладали «язык эмиграции» (443 употребления без относительно к грамматической вариативности) и «язык иммиграции» (438 употреблений). Наиболее частое сейчас «мигрант» практически не встречалось. Статья показывает, что семантическое поле «язык мигрантов» сформировалось в русском языке в последние годы и сейчас сопоставимо с французским, в том числе и в плане семантической структуры.

⁸ Parlers d'oc ou occitan (gascon, languedocien, provençal, auvergnat, limousine, vivaro-alpin).

Общим недостатком части монографии в области семантического анализа номинаций является отсутствие работ с применением компьютерных исследований корпуса текстов, что позволило бы охватить большой объем текстов — условия, обязательного при понимании значения слова как употребления. Дистрибутивный анализ, дополненный графами и статистическими данными, безусловно, необходим в работах такого рода.

Второе замечание, которое хотелось бы сделать, касается отсутствия единого методологического принципа и плана анализа номинаций, что оставляет впечатление некой эклектичности текста. Впрочем, исследование такого рода, как в области тематики, так и в области организации (выполненное международной группой исследователей) и методологии (междисциплинарное, опирающееся на разный исторический научный опыт и традиции) было проведено, насколько нам известно, впервые, что во многом объясняет определенный эклектизм текста. Вместе с тем необходимо отметить, что различия эпистемологического и методологического характера могут быть весьма показательны и полезны, поскольку позволяют осмыслить проблему в аспекте разных научных традиций и школ.

К недостаткам опубликованной работы можно также отнести некоторую небрежность и определенный «импрессионизм» ряда статей. Очень эмоциональная статья Н. Нугаевой и У. Остапенко «Корреляция понятий родной язык и официальный язык: юридические механизмы их развития и реализации в России» (с. 61–71), глубоко переживающих за судьбу родного языка, значительно выиграла, если бы авторы вместо того, чтобы повторять общеизвестные истины об основополагающей роли родного языка в жизни общества и связи языка и мышления (не столь простой и однозначной, как кажется) сделали бы попытку как минимум определить понятие «родного языка» на изучаемой территории (физической и идеальной), а также выявить юридические механизмы

регулирования отношений между татарским и русским языками в Республике Татарстан, о чем и было заявлено в названии.

Несколько незрелой нам показалась статья Ф. Новикова «Представление миноритарных языков через призму понятий “говор”, “диалект”, “наречие”» (с. 85–97). Из двенадцати приведенных в статье цитат десять являются цитированием работы М.И. Исаева «Словарь этнолингвистических понятий и терминов»⁹. Мы с глубоким уважением относимся к трудам Магомета Измаиловича, но строить работу, основным сюжетом которой должно было быть становление и анализ семантической структуры данных терминов, только на них, представляется некорректным. В статье нет ни слова о работе Московской диалектологической комиссии, опыте и принципах создания Диалектологической карты русского языка в Европе, о работе по подготовке Диалектологического атласа русского языка в пятидесятые–шестидесятые годы и много другого, о чем бы следовало хотя бы кратко упомянуть в настоящей статье, для того чтобы определить смысл терминов «диалект», «говор», «наречие» в русской научной традиции. Если бы это было сделано, автор, возможно, разобрался с природой термина диалект/говор и «патуа» и не стал бы говорить об их определенной эквивалентности, поскольку это понятия принципиально разных, несовместимых подходов к категоризации языкового пространства — якобинский принцип единого языка в едином неделимом государстве и романтическое понимание языка как воплощение духа народа.

Вторая группа статей, написанная преимущественно юристами, но также и географами, социологами и лингвистами, подходит к феномену миноритарного языка с точки зрения его положения в социуме. Взятые в целом статьи дают очень хорошее представление о социолингвистической ситуации как в регионах Российской Федерации, так и на пространстве СНГ:

⁹ *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. Москва, 2003.

Карелия (С. Ковалева, А. Родионова), Молдавия (Н. Скурту), Киргизия (И. Масдые).

Отдельно хотелось бы сказать несколько слов о статье Ф. Роллан «Место русского языка в странах СНГ в 2010 году» (с. 173–215), в которой детально описано положение русского языка во всех странах, входящих или входивших в тот или иной период в СНГ. Работа не претендует на глубокий анализ причин создавшегося положения, но фактическая ситуация изложена методологически безупречно.

Юридические аспекты положения русского языка в странах Балтии исчерпывающе изложены в статье М.-Э. Бодуен «Номинативная и юридическая категоризация русского языка в Странах Балтии» (с. 215–241). Эти две работы могут послужить хорошей фактологической базой для последующих исследований в этой области.

Правовые аспекты положения языков в сфере образования и средств массовой коммуникации в Российской Федерации, Сербии и Франции представлены в статье Д. Джокич и Л.-М. Ле Рузик «Миноритарный язык и его номинации в области образования, права и средств массовой информации: взгляд на российскую терминологию в сравнении с франко-сербской» (с. 367–381). В статье хорошо показано принципиальное различие в подходах к понятию «меньшинства» во Франции, где такая категория просто не может существовать, поскольку «Французская революция закрепила в коллективной памяти возможность существования только единого французского народа и одного языка — французского» (с. 370) и в России, где «меньшинства играют заметную роль» (там же). Во Франции язык меньшинства может быть частично признан только через концепт территории, но не через культурную идентификацию личности. Собственно поэтому прототипической номинацией служит понятие «региональный язык». В России мы находим целую палитру номинаций миноритарных языков, отражающих культурно-этническую специфику их представителей. Однако, несмотря

на весьма скромное юридическое признание миноритарных языков, в настоящее время Франция переживает подъем интереса к их преподаванию и изучению. Единственно, что твердо избегается, это связь языка и народа, всего, что могло бы привести к формированию «бретонской» или иной нации. Собственно именно с этим связано использование семантики числа, о которой говорится в статье А. Вио (с. 321–339) и которая приводит, с одной стороны, к растворению языков в едином наследии, а с другой стороны, представляет их как конгломерат идиом. В России при широком правовом признании миноритарных языков наблюдается стагнация или регресс в их распространении (с. 372). Ведущая роль активистов и общественных организаций в деле сохранения и изучения миноритарных языков объединяет обе страны. В юридическом аспекте ситуация в Сербии схожа с российской.

После прочтения книги напрашиваются следующие заключения. Одной из причин множественности и неопределенности терминологий стали две коренные смены идеологической и политической формаций в XX в. на пространстве бывшей Российской империи и бывшего СССР, что стало причиной глубоких социальных преобразований, а поиск новой идентичности, как этнической, так и индивидуальной, выдвинул на первое место феномен языка в качестве символа, часто единственного и всегда основного, новой государственности и конструируемой этничности на постсоветском пространстве. Этот процесс привел к рекатегоризации языкового пространства, основным фактором которого стало противопоставление русского языка государственным и официальным языкам вновь образованных государств. Однако институализация языка не решает все вопросы, связанные с социальными аспектами и функциональным потенциалом данного языка, а также его репрезентацией (социальным образом) у носителей данного идиома. Анализ взаимоотношений русского языка как миноритарного и государственных языков в странах Балтии,

Кыргызстане, Молдове, представленный в данной монографии, подтверждает эту идею.

Другой причиной множественности терминологий стали заимствования, как собственно лексические, так и концептуальные, из европейской и американкой социолингвистики. В ряде случаев сосуществование в одном дискурсивном поле разных понятийных единиц приводит к росту неопределенности номинаций. В Западной Европе проблемы мультикультурализма трактуются, как правило, в социальном, а не в этническом ключе, на постсоветском пространстве в целом господствует принцип «институциализованной этничности», что часто приводит к принципиальной несовместимости и несводимости разных терминосистем, при их формальном сходстве.

Эбзеева Ю.Н.

Юлия Николаевна Эбзеева
Российский университет дружбы народов, Москва
julia_eb@list.ru

Майсак Т.А. Агульские тексты 1900–1960-х годов (Исследования и материалы по языкам Кавказа. Вып. 2). — Москва: Academia, 2014. — 496 с.

Наверное, каждому лингвисту знакома ситуация, когда при исследовании какой-либо темы (например, определенного типа конструкций) обнаруживается, что искомое явление зафиксировано в языке N, но данные, которые это подтверждают, исчерпываются несколькими примерами из давно опубликованного источника. Если это язык малоизученный, то приходится потратить массу сил и времени на то, чтобы найти и проанализировать тексты на данном языке (даже

если они опубликованы) и попытаться найти в них нужные примеры. Но поскольку форма представления текстов может быть любой, в произвольной графике или фонетической записи, и, как правило, не содержит морфологического анализа, то зачастую в итоге все равно приходится отказаться от включения языка N в выборку языков из-за непомерного объема работы, нужной для получения материала. Таким образом, хотя на малоизученных языках публикуются тексты, но они все равно остаются труднодоступными для исследователей других областей — главным образом, из-за формы изложения.

В последнее время появляется все больше публикаций, цель которых сделать материал малоизученных языков доступным как можно большему числу заинтересованных исследователей, например [Агранат 2012]. Одна из таких работ — рецензируемая монография Т.А. Майсака «Агульские тексты 1900–1960-х годов».

Основная часть работы представляет собой сборник текстов на агульском языке, снабженных подробной грамматической информацией. Агульский язык — один из языков коренных народов Кавказа (в основном агулы проживают в Южном Дагестане). Он относится к лезгинской группе нахско-дагестанской языковой семьи. Этот язык относительно малочисленный (около 30 тыс. носителей) и младописьменный (агульская письменность официально утверждена совсем недавно — в 1990 г.). Общие сведения об агульском языке, его истории, диалектах и письменности можно найти в Разделе I «Введение» рецензируемого сборника.

Цель издания — сделать уже собранные и опубликованные тексты на агульском языке доступными самому широкому кругу исследователей. Можно без преувеличения сказать, что сделано все возможное для того, чтобы любой исследователь, ищущий информацию по каким-либо грамматическим явлениям агульского языка, мог найти нужные ему данные в текстах. Эта задача достигается следующим образом.

Во-первых, под одной обложкой представлены практически все известные ранние записи агульских текстов. Прежде всего, это тексты, которые были собраны и опубликованы наиболее известными и авторитетными учеными, занимавшимися агульским языком: А. Дирром, Р.М. Шаумяном и А.А. Магометовым, до настоящего времени не переиздававшиеся. Тексты приведены в Разделе II. Помимо этого, в издание включены два текста из «Свода памятников фольклора народов Дагестана», записанные М.Р. Рамазановым. Очень широко жанровое и диалектное разнообразие текстов: сюда входят как сказки, пословицы, загадки, народные песни, так и диалоги и рассказы о жизни. Кроме того, приведены краткие биографии каждого из упомянутых исследователей и обзор их основных работ.

Во-вторых, тексты даны в единой унифицированной фонетической записи, максимально приближенной к системе Международной фонетической ассоциации (МФА) — основной системе, принятой в общемировом научном сообществе.

Как отмечено в книге, во всех трех источниках, из которых взяты тексты (в упоминавшихся выше работах Дирра, Шаумяна и Магометова, подробнее об источниках см. с. 16 рецензируемой книги), используются разные фонетические обозначения и разный аппарат морфологического анализа. Соответственно, для того чтобы найти искомые данные в оригинальных изданиях, нужно сначала внимательнейшим образом изучить каждую из систем обозначений, став таким образом уже практически специалистом в агульском языке. Между тем, такая задача чаще всего не входит в круг задач исследователя, которого интересует конкретный факт грамматики агульского языка.

Отметим, однако, что тексты приведены также и в кириллической записи (их можно найти в Разделе III), что более удобно для носителей агульского языка, желающих ближе ознакомиться с фольклором своего народа.

В-третьих, дано их морфологическое представление, выполненное в рамках международных стандартов: членение на морфемы и поморфемная нотация (так называемое «глоссирование»), в которой под каждым словом дана информация о лексическом значении корня и морфемном составе. Также дан литературный перевод текстов. Графически фрагменты текста расположены так, чтобы разные представления одного и того же предложения (транскрипция, поморфемная нотация и литературный перевод) всегда находились на одном и том же книжном развороте, что, безусловно, упрощает чтение. Хотя наиболее частотный тип в подборке – сказки, но для демонстрации удобнее привести фрагмент, включающий несколько пословиц (с. 114–115):

(4) q'äl	ʔut'.u-t:.i	xed=ra	uχ.a-s-e.
соль	есть.PF-S(ERG)	вода=ADD	пить.INF-INF-COP
(5) burur	qij.i-č'in,	karwan	w.e-s-e.
собака+PL	лаять.PF-COND	караван	уходить.INF-INF-COP
(6) č'igne	kar	aq'	.u-f iže
плохой	дело	делать.PF-S	хорошо
	x.a-s-t:awa.		
	стать.INF-INF-COP:NEG		

(4) Кто съест соль, тот и воды выпьет.

(5) Даже если собаки будут лаять, караван пойдет дальше.

(6) Сделавшему плохое дело хорошо не будет.

В-четвертых, в Разделе IV приведен составленный автором краткий грамматический очерк агульского языка. Его сравнительно небольшой объем и степень подробности изложения определяется задачей издания в целом: прежде всего, дать читателю возможность разобраться в поморфемной нотации. Поэтому здесь не ставится задача исчерпывающим образом описать и объяснить все наблюдаемые явления агульской грамматики, так как это привело бы к излишнему увеличению объема книги. Так, например, показатель -f в приведенном выше примере (6)

на с. 114 рассматривается как субстантиватор (S), о чем можно узнать из списка грамматических глосс (с. 32), но нет описания его свойств или аргументации в пользу именно такой характеристики. Чтобы получить ответ на подобный вопрос, лучше обратиться к другим публикациям автора, например, [Майсак 2012].

В пункте 3 Раздела IV «Звуковая система и письменность» дается полная таблица основных типов транскрипции и орфографии, что особенно важно для упрощения работы с текстами. В таблице приводится сопоставление всех систем записи, которые использовались исследователями ранее и действуют в настоящее время для передачи агульских текстов. Далее дается обзор частей речи и грамматических категорий, синтаксических и дискурсивных явлений. Для удобства исследователей, которым нужно найти примеры на конкретные языковые явления, в конце Раздела IV есть указатель грамматических форм со ссылками на тексты и с указанием частотности форм.

В Разделе V дается указатель текстов по жанрам и диалектам, а также кратко изложены их сюжеты. Кроме того, в конце книги имеется еще одно оглавление — намного более подробное, с рубрикацией по текстам, в отличие от ознакомительного варианта оглавления в начале издания.

Работа, по словам автора (с. 9), является первой частью проекта Отдела кавказских языков Института языкознания РАН по публикации обширного корпуса текстового, словарного и грамматического материала по всем диалектам агульского языка. Второй частью станет, по-видимому, публикация текстов и грамматических материалов, собранных коллективом отдела кавказских языков уже в настоящее время. Нет сомнения, что развитие проекта принесет неоценимую пользу как делу сохранения и развития агульского языка, так и исследователям самых различных направлений: от лингвистов — типологов и кавказоведов — до антропологов и фольклористов.

Литература

Агранат Т.Б. Водские тексты с поморфемной нотацией. Москва, 2012.

Майсак Т.А. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // *Плунгян В.А.* (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. VI: Типология аспектуальных систем и категорий (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2.). Санкт-Петербург, 2012. С. 228–289.

Ярошевич С.М.

Софья Михайловна Ярошевич
Институт перевода Библии, Москва
sofajaro@gmail.com

**Международный круглый стол
«Функциональное развитие языков в
полиэтнических странах мира
(Россия-Вьетнам)»¹**

26–27 октября 2015 г. во Вьетнаме в г. Ханой прошел Международный круглый стол «Функциональное развитие языков в полиэтнических странах мира (Россия-Вьетнам)».

В настоящее время происходят серьезные изменения в социальной структуре мирового сообщества, активизировались миграционные процессы, происходит переориентация языковых общностей с одних языков на другие, смена языковой компетенции, взаимопроникновение языков и культур и т. п. Как правило, особенно остро языковой вопрос стоит в многонациональных странах, таких как Россия и Вьетнам. Несмотря на то что Россия и Вьетнам два совершенно разных по историческим, географическим, этнокультурным составляющим государства, эти страны многое объединяет. В первую очередь, многонациональный и многоязычный состав населения, наличие схожей языковой ситуации в стране, включающей государственный язык, национальные языки, миноритарные языки. Во-вторых, схожи стратегии государства в решении языковых проблем — языковое единство страны при условии сохранения языкового разнообразия. Это обуславливает необходимость исследования важных научных проблем, касающихся современной языковой жизни, тенденций развития языковых ситуаций и языковой поли-

¹ Данное научное мероприятие проведено в рамках проекта РГНФ «Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия-Вьетнам)», № 15-24-09001 (рук. д.ф.н. А.Н. Биткеева).

тики в многонациональных странах, в том числе в России и Вьетнаме. В этих целях в 2015 г. Институтом языкознания Российской академии наук и Институтом языкознания Вьетнамской академии общественных наук при поддержке РГНФ начат совместный международный проект «Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия-Вьетнам)». Предпринято сопоставление способов организации языковых общностей в России и Вьетнаме, исследование разных форм существования языков единения страны (русского и вьетнамского языков), национальных, миноритарных языков и их социальных параметров, изучение динамики (положительной или отрицательной) в функционировании языковых доминант, а также способов их сочетания с другими компонентами социально-коммуникативной системы, выявление общих и частных схождений и расхождений в функционировании социально-коммуникативной системы России и Вьетнама.

В рамках проекта состоялся Международный круглый стол «Функциональное развитие языков в полиэтнических странах мира (Россия-Вьетнам)». Круг вопросов, обсуждавшихся в рамках круглого стола, охватывал актуальные темы социолингвистики как в теоретическом, так и в практическом плане.

Основная часть докладов была посвящена исследованию проблемы языка единения многонациональной страны и гармонизации социальных функций национальных языков в таких странах. Так, в докладе В.М. Алпатова (Россия, Москва) «Русский язык и глобализация» говорилось о функционировании русского языка в мире в советский период. Как правило, русский язык характеризовали как «язык Ленина», «язык Гагарина» и «язык Достоевского». Успехи в советской науке (в особенности в области космических исследований) способствовали изучению русского языка иностранцами. Ситуация резко изменилась после победы США в Холодной войне. Роль английского языка в мире усилилась (став частью

процесса глобализации), а роль русского языка снизилась. Основная причина падения редко упоминается в современной российской литературе, однако она была обозначена на конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы в Вероне (2005) как «эрозия коммунистической идеологии и советской модели. Ведь Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие». Ситуация в России отличается доминирующим положением русского языка над языками меньшинств, тем не менее, иногда отмечаются и противоположные тенденции.

Доклад В.Ю. Михальченко (Россия, Москва) «Сопоставительный анализ полиэтнических государств: Россия и Вьетнам» был посвящен сопоставительному анализу языковых реалий двух государств на примере России и Вьетнама. Докладчик рассмотрел общие черты и различия в организации языковой действительности в полиэтнических странах. Во втором сообщении В.Ю. Михальченко «Сопоставительный метод в современных социолингвистических исследованиях» был представлен анализ методов социолингвистических исследований. На примере языков Вьетнама и России проанализированы специфические социолингвистические черты, характерные для функциональных типов языковых образований.

А.Н. Биткеева (Москва, Россия) в докладе «Из опыта языковой политики в странах мира» ознакомила участников круглого стола с типологией языковой политики в разных странах мира, особое внимание докладчик уделила специфике языковой политики в Российской Федерации, охарактеризовав основные направления языкового строительства в стране в диахронном и синхронном аспектах. Во втором сообщении «О принципах социолингвистического исследования» А.Н. Биткеева проанализировала основные принципы и основные понятия социолингвистического исследования, особенности терминологического аппарата социолингвистики.

М.В. Орешкина (Россия, Москва) свой доклад «Решение вопросов о национальном языке и национальной безопасности в России» посвятила исследованию вопросов политики национальной безопасности в условиях распространения глобализации в мире и усиления роли русского языка в качестве мирового языка, государственного языка Российской Федерации и языка межэтнического общения народов России как фактора усиления национальной безопасности в России. Автор призвала государство и общество обратить внимание на серьезные проблемы, касающиеся функционирования русского языка в России и в мире, и на необходимость остановить дальнейшее сокращение традиционного русскоязычного пространства. Государственная поддержка русского языка отвечает национальным стратегическим интересам России и способна обеспечить надежность государственной безопасности в стране.

М.Я. Каплунова (Россия, Москва) в докладе «Иностранные языки как компонент культурного развития страны» проанализировала функционирование иностранных языков на территории России в различные исторические периоды с XVIII в. по настоящее время. Автор исследовала причины их поддержки и основные проблемы на пути их развития в стране.

В докладе Нгуен Ван Хьепа (Вьетнам, Ханой) «О некоторых аспектах изучения языков национальных меньшинств во Вьетнаме» были затронуты проблемы сохранения и развития миноритарных языков Вьетнама. В частности, проанализировано отношение национальных меньшинств Вьетнама к родному языку, языковой сдвиг, который происходит вследствие ускорения процессов социальной мобильности, функционирование языков меньшинств в сфере образования, семейной сфере и т. д.

В сообщении Нгуен Ван Кханга (Вьетнам, Ханой) «Некоторые проблемы языковой ситуации и языковой политики в современном Вьетнаме» говорилось о языковой ситуации

и языковой политике во Вьетнаме. Автор отметил, что в различные периоды времени, в зависимости от ряда объективных факторов — политики, экономики, культуры, контактирования языков, языковая ситуация в стране может меняться, наглядным примером является Вьетнам. Языковая ситуация является базисом для формирования языковой политики, поскольку разработка законодательного аспекта языкового планирования во Вьетнаме актуальна на современном этапе, исследования языковой ситуации первостепенны в данном контексте.

Особое внимание было уделено состоянию, развитию и сохранению миноритарных языков. В докладе О.А. Казакевич (Москва, Россия) «О принципах построения функциональной типологии малых языков (на материале малых автохтонных языков Сибири и Дальнего Востока) был представлен обзор современной языковой ситуации у коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, а затем более подробно рассмотрены языковые ситуации в этно-локальных группах селькупов, кетов и западных эвенков и дана специфика ситуации в отдельных группах. Для оценки используются результаты социолингвистических обследований, проводившихся автором на протяжении двух последних десятилетий на территории проживания селькупов, кетов и западных эвенков. В докладе обсуждались принципы построения функциональной типологии малых языков, причем в качестве единицы типологической классификации предлагается этно-локальная группа одного поселка, а не большей территории.

Т.Б. Агранат (Россия, Москва) в докладе «Миноритарные языки европейской части России» представила анализ языков малочисленных этносов уральской и кавказской языковых семей, бытующих на территории европейской части России. Уральские языки представлены в северо-западной, а кавказские — в юго-западной части региона. Автор рассмотрела данные языки с точки зрения показателей витальности языка,

представленных ЮНЕСКО. Положение кавказских языков в целом намного стабильнее уральских. Наиболее вероятной причиной этого является компактное проживание носителей языков, не отмеченное среди показателей ЮНЕСКО, но выделяемое некоторыми учеными.

Ряд докладов был посвящен актуальным теоретическим вопросам социолингвистического исследования. В докладе Н.Г. Колесник (Россия, Москва) проанализированы социолингвистические классификации языков, разработанные в соответствии с задачами социальной лингвистики — в результате наблюдений над воздействием разнообразных экстралингвистических факторов, проявляющихся в процессе функционирования языков в тех или иных социокультурных условиях, в то время как традиционные, не социолингвистические классификации, основаны на сопоставлении либо генетических объединений разного уровня глубины, либо на сходствах и различиях внутренней структуры (особенностей морфологии), при этом функциональный аспект изучения языков остается вне интереса внутренней лингвистики. При создании социолингвистической классификации за основу берутся однотипные внешние факторы, сопоставляются и упорядочиваются результаты их воздействия на языки, на основании чего выделяются группы языков со схожими признаками, характеризующими их функциональную сторону. Например, при сопоставлении такого параметра, как численность носителей языка, выявляются различающиеся группы языков с различной демографической мощностью, что (наряду с иными причинами) сказывается на формировании определенного функционального типа.

В докладе С.В. Кириленко (Россия, Москва) «Терминологический аспект современной социолингвистической типологии» был представлен краткий обзор терминов, используемых в современной российской социолингвистической типологии. Автор сопоставил термины русскоязычного понятийного аппарата с соответствующими элементами в английской

системе терминов, в связи с различиями, существующими в приводимых дефинициях. Некоторые термины существуют в одном из языков, но не представлены в лексикографических изданиях другого языка.

Большое количество докладов было посвящено анализу функционального развития национальных языков РФ. Так, в докладе В.А. Кожемякиной (Россия, Москва) «Функционирование языка в средствах массовой информации в Российской Федерации» проанализированы средства массовой информации, которые выполняют разные функции в современном мире, основной из которых является формирование социальной идентичности индивидуума и его социализация. Язык играет важную роль в качестве средства взаимодействия СМИ с обществом, поскольку формирование и осознание идентичности происходит лишь в случае употребления родного языка. В Российской Федерации на локальном и федеральном уровне властями предпринимаются попытки развития социальной и этнической идентичности членов российского сообщества.

ЕА. Кондрашкина (Россия, Москва) в докладе «Функционирование языка в сферах обслуживания, национальной культуры, делового и семейного общения» представила анализ использования языков в сфере услуг, в сфере национальной культуры, а также в деловой сфере и сфере семейно-бытового общения. Выбор сфер обусловлен их редким анализом со стороны исследователей, которые склонны обращать внимание только на сферу средств массовой информации и образования. Однако изучение функционирования языка в данных сферах необходимо для понимания роли языка и его функционирования в современном обществе.

В совместном докладе Н.М. Краевской (Россия, Москва) и Нгуен Хыу Хоаня (Вьетнам, Ханой) «Специфика социальных функций языка тхай во Вьетнаме и картина мира народа» рассмотрен язык и мировоззрение этнической группы тхай, проживающей на территории Вьетнама

с точки зрения социальных функций их языка и культуры. Исследования, основанные на анализе архаичных текстов и записей устной речи, описывают такие особенности, как высокая распространенность религиозных и ритуальных социальных функций языка, сохраняющихся даже в настоящее время. Концептуализация реальности языка тхай содержит элементы мифологического мышления, которые отражают их мировоззрение. Исследование также подтверждает признание особого значения накопительной функции языка и культуры тхай.

В сообщении Т.Г. Боргояковой (Россия, Абакан) «Функционирование языков национальных меньшинств в Российской Федерации в условиях двуязычия» был представлен анализ функционирования языков национальных меньшинств Российской Федерации на примере трех тюркских языков Южной Сибири — алтайского, тувинского и хакасского, наряду с русским обладающих статусом государственных языков в соответствующих республиках. В соответствии с социолингвистической типологией языковой витальности, основанной на демографических показателях, коммуникативной мощности языка, уровне языкового сдвига и языковой лояльности, тувинский язык обладает наибольшей витальностью. Динамика языковой лояльности измеряется с помощью дополнительных вопросов в языковых обследованиях.

Доклад Н.И. Ивановой (Россия, Якутск) «Современный якутский язык в Якутске: социолингвистические признаки в динамике (2008, 2014)» представил социолингвистическое изучение основных показателей этнолингвистической ситуации в полиэтническом городе, на территории, открытой для внешних воздействий, в центре сосредоточения мигрантов, что всегда актуально с точки зрения определения показателей витальности языка, основных тенденций в национально-языковых отношениях, определяющих лингвистические перспективы и направления языковой политики в регионе.

Результаты социолингвистических обследований 2008 и 2014 гг. отражают текущие процессы этнического возрождения, этнолингвистического развития среди представителей мужского и женского пола всех возрастов и социальных групп якутского сообщества.

Э.В. Фомин (Россия, Чебоксары) в докладе «Языковая ситуация в Чувашии на рубеже XIX–XX веков» ознакомил участников мероприятия с языковой ситуацией в Республике Чувашия. Он отметил, что чувашский язык в его старописьменный период развития — отражение духа своего времени. Он широко употреблялся во всем традиционном чувашском обществе и этом смысле полностью отвечал потребностям носителей, но в то же время испытывал значительные ограничения в нетрадиционных для него областях — просвещении, богослужении, административном управлении; был представлен в книжно-письменной форме, однако в полной мере в литературном варианте не выступал.

А.Е. Маньков (Россия, Москва) в докладе «Социолингвистический портрет диалекта села Старошведское» проанализировал диалект села Старошведское (Херсонская обл.), единственный сохранившийся скандинавский диалект на территории бывшего Советского Союза. Автор представил социолингвистическое описание диалекта в контексте истории развития села.

Участники круглого стола обозначили основные направления исследования данной проблемы, обсудили языковую ситуацию и языковую политику России и Вьетнама, наметили перспективы исследования социолингвистических проблем и постарались дать ряд рекомендаций руководящим органам стран в плане решения языковых вопросов. Предварительные выводы, обобщения и рекомендации работы круглого стола заключаются в следующем:

- «Констатируем постоянное расширение круга академических дисциплин, обращающихся к социолингвистической проблематике.

- Подчеркиваем важное практическое значение результатов социолингвистических исследований в целом и обращаем внимание на необходимость интеграции деятельности ученых разных отраслей знаний в исследовании актуальных языковых проблем.
- Целесообразно продолжить исследования языковых ситуаций, степень и характер их влияния на возникновение межэтнических, политических конфликтов. В связи с этим, обеспечить мониторинг языковых ситуаций в регионах России и Вьетнама со сложной языковой ситуацией.
- Круглый стол считает необходимым принять совместно со структурами власти меры по регулированию языковой ситуации в обществе, по гармоничному взаимодействию языков, установлению принципа полилингвальности.
- Следует подчеркнуть важность сбалансированного двуязычия и многоязычия в деле сохранения межнациональной, межкультурной и политической стабильности в обществе, в государстве.
- Круглый стол рекомендует всемерно содействовать сохранению исчезающих языков. В этой связи первоочередной задачей являются поиски причин ассимиляционных процессов, выработки механизма замедления данного процесса. Предложить средствам массмедиа усилить пропаганду в пользу многоязычия в районах проживания малочисленных народов. Борьбаться с укоренившимся стереотипом о том, что, только забыв родной язык, можно усвоить русский язык».

Биткеева А.Н.

Айса Николаевна Биткеева
Институт языкознания РАН
aisa_bitkeeva@yahoo.com

***Всероссийский семинар для специалистов
Северо-Западного, Уральского, Сибирского,
Приволжского, Южного, Северо-Кавказского
и Дальневосточного федеральных округов
по вопросам обеспечения качества
литературного перевода на русский язык
произведений художественной литературы,
созданных на языках народов Российской
Федерации***

26 октября 2016 г. в гостиничном комплексе «Измайлово» в Москве некоммерческое партнерство по содействию в поддержке и сохранении русского языка «Родное слово» по поручению Министерства образования и науки Российской Федерации провело всероссийский семинар по вопросам обеспечения качества литературного перевода на русский язык произведений художественной литературы, созданных на языках народов Российской Федерации.

Цель семинара — трансляция достигнутого в среде преподавателей опыта в обеспечении качества литературного перевода произведений, созданных на языках народов Южного, Приволжского, Северо-Кавказского, Северо-Западного, Уральского, Сибирского федеральных округов Российской Федерации, а также поиск новых подходов к формированию содержания учебных материалов по дополнительному профессиональному образованию специалистов в данной области.

В мероприятии приняли участие представители Минобрнауки России; специалисты органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования, региональных институтов развития образования,

институтов повышения квалификации; эксперты федеральных и региональных профильных образовательных организаций, занимающихся вопросами литературного перевода; представители СМИ.

Светлана Даниловна Ермакова, начальник отдела поддержки этнокультурной специфики и особых форм образования Департамента государственной поддержки в сфере общего образования Минобрнауки России, открывая мероприятие, отметила, что изучение вопросов, связанных с особенностями литературного перевода произведений, созданных на языках народов Российской Федерации, является перспективным направлением, поскольку деятельность по данному вопросу, развивавшаяся с успехом в советские годы, к сожалению, с течением времени перестала быть активной. Поддержка, развитие, изучение, анализ и систематизация особенностей литературного перевода произведений, созданных на языках народов Российской Федерации, являются, по ее словам, первостепенными задачами в вопросах сохранения национальных языков, национальных литератур, национальных культур. А сегодняшние особенности развития литературного перевода обусловлены повсеместным распространением билингвизма и полилингвизма, всевозрастающими требованиями к качеству переводимых произведений.

Об особенностях перевода литературных произведений на языки народов России и возникающих при этом трудностях у специалистов говорили Хабибуллина Гульфия Юнысовна — руководитель отдела образования Департамента образования и науки Духовного управления мусульман РФ, Маремкулова Лариса Мухамедовна — начальник службы радио филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Кабардино-Балкария», Пустогачева Оксана Николаевна — ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Агранат Татьяна Борисовна — руководитель группы финно-угорских языков отдела урало-алтайских языков, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент Института языкознания РАН.

Докладчики отметили, что достижение качественного перевода произведений художественной литературы, в частности с татарского, челканского, водского, кабардинского языков, древнейшего адыгского эпоса «Нарты» во многом определяется соблюдением стиля, эпохи, культуры, игры слов юмора, иных особенностей произведения.

Г.Ю. Хабибуллина отметила в своем выступлении, что проблемы перевода с одного языка на другой условно можно разделить на несколько разновидностей:

- 1) законы языка, на который переводится то или иное произведение, искусственно навязываются языку другого народа. Такое особенно ощущается в переводах поэзии;
- 2) тип мышления, ментальность народа отражаются на родном языке, их трудно передать на другом языке;
- 3) выбор тех или иных принципов перевода, успешность которого напрямую зависит от меры талантливости литераторов, берущихся за перевод.

Какова мера дозволенности для переводчика? Насколько свободно может он обращаться с плодом чужого труда? И что, в принципе, представляет собой творческое воздействие переводчика на произведение? Такие вопросы подняла в своем выступлении Л.М. Маремкулова.

Лариса Мухамедовна привела примеры, когда перевод делается технически и переводчик, плохо владеющий языком, считает, что в переводе литературы нет ничего особенного. «Так, один из переводчиков перевел отрывок рассказа Ивана Тургенева “Лебедянь” следующим образом: “В кофейне я опять застал князя Н. за бильярдом, но в судьбе Хлопакова произошла обычная перемена — его сменил белокурый офицерик”. Словосочетание “белокурый офицерик” в переводе звучит так: “Джэд хужь офицер цЫкІу” — то есть, “белая курица маленький офицер”»².

² Из выступления Л.М. Маремкуловой «Что дозволено переводчику... (О вольностях перевода)».

Организация и проведение мероприятий по повышению квалификации и профессиональной переподготовке специалистов в области литературного перевода произведений, созданных на языках народов Российской Федерации, было выделено в отдельное направление и вошло в Федеральную целевую программу «Русский язык» на 2016–2020 гг. О результатах реализации в 2016 г. данного направления много говорили на прошедшем семинаре. При этом под специалистами в области литературного перевода понимались педагогические работники, чья сфера деятельности, частично или полностью, связана с вопросами литературного перевода произведений, созданных на языках народов Российской Федерации, — методисты, преподаватели, учителя русского языка, учителя родных языков, учителя иностранных языков, педагоги дополнительного образования, библиотекари.

В докладе Натальей Борисовной Авалуевой, руководителя Санкт-петербургского центра русского языка и адаптации мигрантов при колледже строительной индустрии и городского хозяйства, были озвучены результаты анализа мероприятий по организации повышения квалификации специалистов в области литературного перевода произведений, созданных на языках народов Российской Федерации за последние 5 лет. А также представлена структура и содержание разработанных в 2016 г. программ повышения квалификации по вопросам, связанным с обеспечением качества литературного перевода произведений, созданных на языках народов Северо-Западного, Уральского, Северо-Кавказского, Сибирского, Южного и Приволжского федеральных округов Российской Федерации.

Наталья Борисовна акцентировала внимание участников на том, что успешное освоение программ должно позволить слушателям эффективно решать задачи: создания условий для осуществления литературно-переводческой деятельности, направленной на развитие культуры, истории,

национальной и языковой политики России; формирования в образовательных учреждениях новой образовательной культуры, основанной на принципах языковой компетентности, читательской грамотности, творческой активной языковой самореализации; создания и освоения справочно-информационного потенциала переводческой деятельности с языков народов Российской Федерации на русский язык; проектирования и реализации новых образовательных технологий, направленных на развитие языковой компетентности всех участников образовательного процесса; грамотного использования норм и правил русского языка при решении актуальных педагогических задач.

Опытом по проведенным мероприятиям повышения квалификации специалистов в области литературного перевода произведений, созданных на языках народов России, поделились специалисты системы дополнительного профессионального образования из Забайкальского края, Кабардино-Балкарской республики, Республики Северная Осетия-Алания, Пермского края, г. Санкт-Петербурга, Республики Калмыкия: Е.В. Фомченко — тьютор Ассоциации дополнительного профессионального образования «Новые образовательные технологии абитуриентам» г. Перми, М.А. Джаубермезова — заведующая организационно-методическим отделом ГБОУ ДПО «Кабардино-Балкарский республиканский центр непрерывного профессионального развития» Минобрнауки КБР, Л.Р. Дзахоева — старший преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии ГБОУ ДПО «Северо-Осетинский республиканский институт повышения квалификации работников образования», А.Г. Антонова — проректор по УМР БУ ДПО РК «Калмыцкий республиканский институт повышения квалификации работников образования», Л.Р. Рабданова — проректор по НМР ГАУ ДПО «Агинский институт повышения квалификации работников социальной сферы Забайкальского края».

Также с докладами выступили: М.Я. Визель — шеф-редактор портала ГодЛитературы.РФ («Перевод с языка

на язык — перевод с культуры на культуру»), Т.Б. Агранат («Двуязычные хрестоматии в помощь учителю»).

По итогам совместной работы участников всероссийского семинара были приняты рекомендации в адрес Минобрнауки России по продолжению работы в части проведения курсов повышения квалификации по вопросам обеспечения качества литературного перевода произведений, созданных на языках народов Южного, Приволжского, Северо-Кавказского, Северо-Западного, Уральского, Сибирского, Дальневосточного федеральных округов Российской Федерации для преподавателей и учителей; разработке программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации переводчиков художественной литературы с языков народов Российской Федерации на русский язык; проведению социально-значимых мероприятий на федеральном и межрегиональном уровнях, направленных на популяризацию национальных литератур России и обмен опытом в среде преподавателей.

Алексеева А.С.

Анна Станиславовна Алексеева
Федеральный институт развития образования
alexeevaan@gmail.com

Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»

26 октября 2016 г. в Москве в рамках реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» Федеральное агентство по делам национальностей

провело второй Всероссийский семинар-совещание **«Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»** (краткие сообщения о семинаре выложены на сайте ФАДН [<http://fadn.gov.ru/news/2016/10/26/...>]). Первый семинар проходил также в Москве, 24–25 июня 2015 г., информация об этом была выложена на сайтах областей и краев, для которых методы проведения национальной политики очень важны, например на портале Ассамблеи народов Хабаровского края [<http://assembly-khv.ru/>]. Другими словами, относительно недавно (указ Президента № 168 от 31.03.2015) создан аппарат, в функции которого входит «выработка и реализация государственной национальной политики», т.е. «нормативно-правовое регулирование и оказание государственных услуг в сфере государственной национальной политики», как указано на сайте ФАДН [<http://fadn.gov.ru/dokumenty>]. При таких законодательных и исполнительных задачах и обязанностях проведение подобных семинаров-совещаний, куда приглашаются специалисты и из образовательных, и из научных организаций, очень своевременно. Организаторы попросили участников заранее прислать тексты выступлений и сумели опубликовать их на отдельном диске ко дню проведения семинара. Все участники получили этот материал.

На пленарном заседании докладчики сделали очень интересные сообщения и поделились полезной информацией. Ольга Юрьевна Васильева, нынешний министр образования, рассказала о проекте полилингвального образования — преподавания всех предметов в начальной школе на родном языке. Алексей Григорьевич Паламарчук, временно исполняющий обязанности руководителя Федерального агентства по делам молодёжи, сообщил, что уже начата регистрация участников Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который пройдёт в Сочи в 2017 г. Маргарита Николаевна Русецкая, ректор государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, говорила о сложившейся сегодня потребности

новых форматов знаний родного и русского языка, о формировании государственных Советов по языковой политике; также она объявила, что уже сегодня действует программа закупки словарей и обязательных школьных учебников за казённый счёт.

К сожалению не всем заявленным докладчикам удалось приехать в Москву, поэтому было организовано только три секции вместо предполагавшихся четырех. Но, по сути, тем для обсуждения было две:

1. цели и методики преподавания русского языка (сюда вошли доклады предполагаемых исходно секций «Русский язык как фактор надэтнической консолидации общества» и «Современный нарратив языковой политики в области образования»;
2. возможности и объем преподавания родных языков.

На третьей секции рассказывали о практических реализациях образовательных программ в Коми, Карелии, Бурятии, Ханты-Мансийском округе и Татарстане.

В Татарстане количество часов, положенных на изучение татарского и русского языков равно. В остальных местах ситуация хуже. Но вызывают восхищение энтузиазм и энергия таких докладчиков, как Майя Ефимовна Макарова («Культуроведческий компонент и его составляющие в обучении языкам обско-угорских народов»), — фактических создателей системы обучения родным языкам в условиях сокращения учреждений и отсутствия реальной законодательной поддержки преподавания младописьменных языков в округах и областях исконного проживания народов.

Не очень понятны функции ФАДН. Резолюция, принятая на первом семинаре-совещании была конкретной и направлена на практическую организацию преподавания языков народов России. Было бы естественно начать второй семинар с доклада о выполнении рекомендованных предписаний. К сожалению, такого отчета не было. Хотя в ходе работы

нашей секции высказывались пожелания дальнейшей работы, отмечалась двусмысленность законов, никакой резолюции на втором семинаре-совещании не приняли. Таким образом, в дальнейшем никто не будет ожидать отчёта о проделанной работе — совещание получилось без права голоса. По окончании семинара-совещания был проведен концерт, где молодые артисты талантливо исполнили песни и танцы разных народов России.

Люблинская М.Д.

Марина Дмитриевна Люблинская
Институт лингвистических исследований РАН, Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета
mashilda45@gmail.com

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 30.12.2016
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 10,82
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 175 экз. Заказ № 633

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»